

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 15



**Москва
2000**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. –
Вып. 15. – 124 с.

ISBN 317-00123-4

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14 – в 2000 г.

ББК 81
Я410

ISBN 317-00123-4

© Авторы статей, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Красных В. В.</i> Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов)	5
<i>Гудков Д. Б.</i> Смысловый эллипсис и логика дискурса	14
<i>Мунгалова О. М.</i> Речевой акт «благодарность» в пиренейском варианте испанского языка	36
<i>Мунгалова О. М.</i> Речевой акт «гост» в пиренейском варианте испанского языка	45
<i>Митева Н. В.</i> Функционально-прагматические и когнитивные особенности использования комментирующих предложений в современном английском языке	51
<i>Менджерщицкая Е. О.</i> Когнитивные стереотипы и их обыгрывание в дискурсе качественной прессы	59
<i>Изотов А. И.</i> Об иллюкутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках	62
<i>Белюсова В. В.</i> Доминанты поля оптативной модальности в современном чешском языке (на фоне русского языка)	71
<i>Богатырева И. И.</i> Префиксальное словообразование санскрита в историческом освещении	77
<i>Филимонова Е. Н.</i> Речения–нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского)	87
<i>Лим Су Ён (Республика Корея)</i> Принципы анализа синтаксических фразеологизмов (на материале синтаксического фразеологизма <i>Вот мастер; Вот так мастер; Вот мастер так мастер; Вот тебе и мастер</i>)	93
<i>Малюга Е. Н.</i> Экспрессивность вопросительных предложений в литературном произведении (на материале романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи»).....	107

<i>Будажанова С. В.</i> Еще раз к вопросу о нисходящих тонах в нетерминальных синтагмах	113
ЛИНГВОДИДАКТИКА	
<i>Ксензенко О. А.</i> Язык современной англоязычной рекламы: программа спецкурса.....	120

ЛИНГВИСТИКА

Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2000

Целью данной статьи является представить некоторый эмпирический материал, который может дополнительно подтвердить и проиллюстрировать уже неоднократно высказывавшиеся теоретические положения о существовании фрейм-структур сознания. Данные фрейм-структуры во многом определяют национальную специфику дискурса и поддаются описанию и классификации. В качестве иллюстративного материала мы избрали кроссворды, опубликованные в газете «Московский комсомолец» и в журнале-приложении к ней «МК-Бульвар» в течение 2000-го года. Впервые кроссворды как отражение русской когнитивной базы рассматривались в [1]. В данной же статье мы попытаемся проанализировать кроссворды как отражение национально-культурной составляющей, т. к., во-первых, макро-единицы кроссвордов как таковые (формулировка заданий и ответы) являются, безусловно, национально-маркированными, во-вторых, единицы-ответы являются лингво-когнитивными единицами русского языкового сознания, в-третьих, единицы-задания содержат формулировки, которые представляют некий инвариант восприятия того или иного феномена. При этом инвариант может воспроизводиться непосредственно либо на него могут «выводить» векторы ассоциаций, составляющих фрейм-структуру сознания.

И еще несколько теоретических замечаний. Уже неоднократно мы писали о том, что дискурс как вербализуемая речемыслительная деятельность обладает двумя планами: собственно лингвистическим (дискурс как совокупность текстов) и внеязыковым — экстралингвистическим, лингво-когнитивным, когнитивным (дискурс как процесс).

Овладеть лингвистической составляющей дискурса, его вербальной оболочкой непросто, но вполне возможно: для этого существует масса учебников, учебных пособий, словарей, справочных материалов и т. д. Но ведь помимо собственно-лингвистических аспектов коммуникации, существует еще и то, что речь сопровождает: паралингвистика и экстралингвистика. Стало уже трюизмом говорить о «личной зоне» коммуни-

кантов, о жестах и мимике, сопровождающих речь, и т. д. Так, у русских “личная зона” равна 0,5-0,8 м, у американцев и северных европейцев она больше, у южных европейцев и арабов она значительно меньше. Следовательно, при общении, если личные зоны не совпадают, один коммуникант будет все время подходить, причем делать он это будет неосознанно, а другой коммуникант будет все время отступать, подсознательно воспринимая поведение собеседника как некую агрессию. Оба при этом будут, конечно, ощущать определенный дискомфорт. Что касается жестов, то приведем такой пример: у англичан и некоторых других северных европейских народов есть абсолютно асемантический жест — складывание пальцев руки в “фигу”. Повторим, что жест этот в указанных национально-лингво-культурных сообществах обычно (“в нейтрале”) не имеет какого-либо значения (так же, как у русских переплетение пальцев рук в “замок”) и считается максимально естественным, поскольку у младенца в утробе матери пальцы могут сплетены точно так же. Однако в русской среде этот жест имеет весьма определенное значение — резкий, грубый отказ. Имеет этот жест значение и других культурах (у корейцев, у народов Латинской Америки), но означает он совершенно другое: он является символом фаллоса. При этом для корейцев этот жест в его символическом значении является оскорбительным, а для латиноамериканцев в том же значении служит символом плодородия, процветания и т. д., поэтому в Латинской Америке частотны украшения, брелоки, картинки, изображающие этот жест. Итак, один жест — четыре восприятия, при несовпадении которых возможно возникновение коммуникативного конфликта (не неудачи, не провала, а именно конфликта). Хорошо известно, что отсутствие улыбки является для европейца и тем более американца столь же знаковым, как наличие улыбки у русского (в первом случае — явное нежелание общаться, во втором — наоборот, явно выраженное желание общаться). Невозможность (активных) тактильных контактов для североевропейцев, например, и возможность таковых при полной их нейтральности для русских; так, шведы недоумевали, что имели в виду их русские друзья, когда дотрагивались во время разговора до руки, полуобнимали их, похлопывали по плечу и т. д., дальнейшее описание поведения русских, поначалу несколько меня насторожившее, позволило мне вздохнуть спокойно: то, что так обеспокоило шведов, на самом деле не имело ничего личного, это были обычные неосознаваемые жесты, которыми многие русские обмениваются во время разговора.

Подчас паралингвистические аспекты коммуникации имеют едва ли не большее значение, чем собственно вербальное поведение (см., например, анализ встречи Печорина и Максима Максимыча в [2] — на что же действительно обиделся Максим Максимыч?). Взгляд, мимика,

жест могут значить больше, чем слова. Вспомним фрагмент последнего фильма “Стакан воды”, когда первая статс-дама, герцогиня Марльборо (эту роль исполняла Алла Демидова) встречает лорда Болленброка: реплики, которыми обмениваются персонажи полностью соответствуют дворцовому этикету и безупречны с точки зрения взаимной вежливости и “политеса”, на лицах присутствуют обязательные в таких случаях улыбки, однако глаза герцогини говорят гораздо больше, чем ее губы — холодный острый режущий взгляд свидетельствует, что перед нами не друзья, радующиеся встрече, а ярые противники и вечные оппоненты, которые до конца будут оставаться на противоположных позициях и не успокоятся, пока не уничтожат друг друга.

Этот внеязыковой пласт коммуникации совершенно очевиден носителям языка, но может оставаться закрытым для иностранца, как бы хорошо тот ни владел языком.

Национально-культурная составляющая содержит еще и компонент, представленный лингво-когнитивными феноменами — прецедентными феноменами и стереотипами-представлениями. Такого рода феномены также “закрывают” для иностранца смысл высказывания и провоцируют ситуацию, когда даже блестяще знающий язык иностранец вынужден признать: “Я понимаю каждое слово, но я ничего не понимаю”. Выявить, описать, изучить, структурировать эту ипостась национально-культурной составляющей и впоследствии обучить этому иностранцев можно с помощью фрейм-структур сознания. И вот теперь мы переходим к собственно иллюстративному материалу, который покажет нам, какие же феномены входят в лингво-когнитивный пласт национально-культурной составляющей русского дискурса.

Весь массив обработанного материала, который представлен в настоящей статье, можно условно разделить на несколько категорий. В кроссвордах может иметь место апелляция к древнейшим общеславянским и / или русским представлениям, к современным представлениям, к прецедентным феноменам (тестам — ПТ, ситуациям — ПС, именам — ПИ, высказываниям — ПВ), к стереотипам (к стереотипам поведения или к стереотипам-представлениям).

Древнейшие представления

АИСТ	1. птица – специалист в вопросах деторождения 2. птица, ответственная за появление детей 3. птица, приносящая (по поверьям) детей КАПУСТА – растительный эквивалент аиста
	4. если эта птица на крыше, то мир на земле (зд. еще и апелляция к прецедентному высказыванию — цитате из песни)
ДУБ	дерево-богатырь
ОЧАГ	семейный символ

Современные представления

ЧЕЛОВЕК потомок трудолюбивой обезьяны

Апелляции к прецедентным текстам (ПТ)

Русские фольклорные ПТ и
ПТ из русской авторской литературы

ИКОТА неприятность, периодически переходящая то на Федота, то на Якова, а с Якова на всякого

КОЛОБОК и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, а лиса его съела

РЕПКА (русская) сказка о коллективном труде

ЧИЖИК птичка, пьющая водку (песен.-фольк.)

НОЧКА время камышового шума

БОЛИВАР модная шляпа времен Евгения Онегина

МОЦАРТ благодаря перу Пушкина, Сальери считается убийцей этого великого композитора

НАВОДНЕНИЕ стихийное бедствие из пушкинского “Медного всадника”

ЕРШОВ 1. сказочник, скрестивший пони с верблюдом
2. писатель, выведший новую породу лошадей
3. русский поэт, выведший уникальную породу лошадей

ОБЛАКО 1. у Маяковского оно в штанах
2. его Маяковский одел в штаны

ПТ из зарубежной литературы

ДЕЗДЕМОНА жена Отелло

МАВР национальность мужа Дездемоны

ЛИР 1. король, прозревший после того, как ослеп
2. король, который прозрел после ослепления

БОРОДА у одного из героев Шарля Перро она была синяя

САБО обувь, в которой отправилась к бабушке КРАСНАЯ ШАПОЧКА

АЛЛАДИН счастливый обладатель лампы

ЖАБА бородавчатая похитительница Дюймовочки

КАА 1. кто вызволил Маугли из обезьяньего плена
2. самый длинный друг Маугли
3. удав из “Книги джунглей”
4. удав, покровительствовавший Маугли
5. знакомый удав Маугли

Апелляции к искусству Древней Греции (ПТ и через них — ПС, ПИ)

АВГИЙ 1. владелец известных конюшен
2. царь, чьи конюшни вычистил Геракл

АФРОДИТА красotka, вышедшая из пены

ВИНОГРАДНИК заросли Диониса

НИТКА путеводитель, изобретенный Ариадной

АРГО на этом легендарном корабле плыли не менее легендарные похитители золотого руна

РУНО шерсть овцы, за которой гонялись аргонавты

АХИЛЛ	образцовый друг (гомеровск.)
ПЯТА	единственное уязвимое место у Ахиллеса
ЕЛЕНА	мифическая красавица, жена Менелая
ИТАКА	родина и царство Одиссея
ЭДИП	(в греч. мифологии) царь, ослепивший себя

А пелляци и к Библи и
(П Т , П С , П И)

ПОТОП	1. какое бедствие лучше всего переждать в Ноевом ковчеге 2. бедствие, от которого спасался Ной на своем ковчеге
НОЙ	строитель библейского ковчеге
ЕВА	первая дегустаторша яблок
РЕБРО	то, с чего от Адама началась Ева
КАИН	первый братоубийца
ИРОД	1. человек, который обижал маленьких (библейск.) 2. царь, который хотел, чтобы не было Рождества Христова
ОСИНА	1. Иудино дерево 2. дерево с постоянно дрожащими листьями

Апелляции к прецедентным именам

А пелляци и к русским П И

ОБЛОМОВ	“диванное дитя” русской литературы
ПЛЮШКИН	1. “прижимистый” персонаж “Мертвых душ” Н. Гоголя 2. скупец, “сын” Гоголя
НОС	достопримечательность во внешности ГОГОЛЯ
КАРЛО	папа, снимавший стружку со своего сына
ДУРЕМАР	знаменитый продавец пивок (сказочн.)
ЯГА	бабуся из избушки на курьих ножках
СТУПА	воздушный транспорт Бабы-Яги
ЧАПАЕВ	герой гражданской войны и анекдотов
АНКА	1. пулеметная барышня 2. спутница Чапаева, хорошо обращающаяся с пулеметом
ПУЛЕМЕТ	каким оружием владела подруга Петьки и Василия Ивановича
АЙВАЗОВСКИЙ	мастер по валу

А пелляци и кинокультурным П И

ДРАКУЛА	граф-кровосос, вдохновляющий кинорежиссеров
МЮНХГАУЗЕН	враль с баронским титулом
ШВЕЙК	бравый солдат, который на самом деле был идиотом
ТАРЗАН	Супер-Маугли
КВАЗИМОДО	
ГОРБ	особая примета Квазимодо из “Собора Парижской Богоматери” Виктора Гюго
ЗВОНАРЬ	должность Квазимодо
ЭЗОП	первый баснописец
БАСНЯ	основоположником этого литературного жанра считается ЭЗОП

*Апелляции к прецедентным высказываниям,
клише и штампам*

МОРЕ	водоем, который пьяному по колено
СВЕТ	что видно в конце тоннеле
ЛЕТО	сезон подготовки саней
АППЕТИТ	приходит во время еды
КЛИН	его им же выбивают
ПАЛАТА	мера величины ума
ФАКТ	упрямая вещь
ДУРА	1. кто пуля, если штык молодец 2. интеллектуальный уровень пули
ВЕШАЛКА	то, с чего, по определению К. С. Станиславского, начинается театр
ШИЛО	1. равнозначный эквивалент мыла 2. равнозначный эквивалент при обмене на мыло
ОМУТ	если он тих, в нем черти водятся
МАМА	Одесса по отношению к другим городам, кроме Ростова
КУЛИК	патриот своего болота
БЕДА	то, без чего не узнать настоящего друга
РЫБКА	неуловимая без труда
БАКЛУШИ	объект приложения сил во время ничегонеделания
РЫБА	любительница глубины
ГУБА	у тех, кто “умеет жить”, она не дура
ЛИСТ	что липнет к телу в бане
ФРАНК	“сберегаемая” сантимом денежная единица
ЦЕНТ	“копейка” берегущая доллар
РОТ	что не рекомендуется разевать, дабы не залетела ворона
ОГОРОД	место пребывания бузины во время пребывания родственника в Киеве
ГЛАГОЛ	жгучая часть речи
ЩЕПКА	летучая часть леса
ГОРА	часть ландшафта, иногда сваливающаяся с плеч, а иногда рождающая мышь
РАМА	букварный объект маминого мытья (устар.)
БАНЯ	теплое место, куда посылают опостылевшего человека
ЗОЛОТО	молчаливая драгоценность
ПРАВДА	глазная колючка (послов.)
ШАЛАШ	райское помещение для влюбленных
УШАТ	сосуд для измерения количества вылитой на кого-то грязи
АЛТЫН	неожиданная альтернатива грошу
НОС	удобное место для зарубок
СТРЕЛОЧНИК	виноватый на железной дороге
ЛЮДИ	Божьи невольники

Апелляции к феноменам русской культуры и истории

ОЗЕРО	место лебединой тусовки
ТАТЬЯНА	имя этой святой известно каждому студенту
ЕВРОПА	туда прорубил окно Петр I
ОКНО	петровская дорога в Европу
ИНДИАНКА	жительница страны, в которой побывал русский купец Афанасий Никитин
АВРОРА	символ новой эры на приколе

Апелляции к стереотипам

(русские традиции, быт, приметы)

МАРТ	1. месяц, в котором число 8 — главное 2. месяц, прославившийся 8-м днем и котами
МИМОЗА	цветочный символ весеннего праздника
ЕЛЬ / ЕЛКА	1. зимой и летом одним цветом 2. лесная красавица 3. (самое) наряжаемое дерево 4. лесная любительница украшений
ЕЛЬНИК	лес, реденющий под Новый год
ПОНЕДЕЛЬНИК	самый тяжелый день недели
ВТОРНИК	день недели, который принято считать более приятным, чем предыдущий
ТАКСИ	автомобиль с “шашечками”
УГОЛ	какую часть комнаты используют в воспитательных целях
ЛИТР	двойная норма на троих
ТРИО	ансамбль, складывающийся у винного магазина
РАССОЛ	проверенный старинный опохмелятор
ВОБЛА	рыба к пиву
ЧУЛОК	домашний “сбербанк”
НОС	что чешется к выпивке

Апелляции к стереотипам-представлениям

ПОЛЕ	самая русская местность
ЛЕВ	1. царственная кошка 2. царь зверей
ЛИСА / ЛИСИЦА	лесная плутовка
УПРЯМСТВО	черта характера, присущая БАРАНУ или ОСЛУ
ОВЦА	самое курчавое домашнее животное
ВЕРБЛЮД	плевый горбоносец
УДАВ	змея, обожающая объятия
ВЫДРА	зверь с красивым мехом, а если женщина — худая и некрасивая
ИНДЮК	напыщенная домашняя птица
СОРОКА	1. птица-сплетница 2. птица, приносящая новости на хвосте
ОРЕЛ	гербовая птица
ОРЛИЦА	благоверная “царя птиц”

СМЕТАНА	продукт, от которого ни один КОТ не откажется
РОЗА	королева цветов
КОРОНА	царское головное отличие
МОРКОВКА	классный нос снеговика
ПАЛИЦА	богатырское оружие
ЦЫГАНКА	кочующая хиромантка
РОМ	пиратский напиток
ТОРШЕР	настольная лампа для баскетболиста
ЛЕТО	сезон массовых отпусков
ОТПИСКА	достойный ответ бюрократа
ТАНК	с этой машиной сравнивают очень напористых людей

Устаревшие стереотипы

ЧЕКИСТ	обладатель холодной головы, горячего сердца и чистых рук (согласно Ф. Дзержинскому)
ПИОНЕР	
ГОРН	пионерская труба
ГАЛСТУК	у пионеров он красный
СБОР	собрание пионеров
РЫБА	основной деликатес четвергов в советских столовых
НОМЕР	что писали на руке стоящие в длинной очереди (советс.)

Стереотипы - представления (города)

ГАБРОВО	болгарская столица юмора
МАРСЕЛЬ	“парусный” город во Франции
ВЕНА	столица вальсов и пирожных
ОДЕССА	(украинский) город каштанов и куплетистов

Стереотипы - представления (страны)

СПАРТА	древнее государство, известное своим воспитанием
ВАТИКАН	единственный государство-город на земле с нулевой рождаемостью
ЕГИПЕТ	страна пирамид
УКРАИНА	
САЛО	1. украинский наркотик 2. продукт национальной гордости малороссов 3. любовь хохла
КУБА	остров свободы
ЯПОНИЯ	страна восходящего солнца
ШВЕЙЦАРИЯ	страна сыра и банков

Апелляция к нескольким феноменам одновременно (активация нескольких векторов фрейм-структур)

КАМБАЛА	рыба, над которой плоско пошутил Нептун
СОЛОНКА	небольшой сосуд дня “белой смерти”
АРИНА	имя главной подсказчицы Пушкина

ТРИ богатырское число
МУРОМ родной город былинного богатыря
ОПИЛКИ состав мозгов у Винни-Пуха
САМОДЕЛКИН сказочный “Кулибин”, друг сказочного Карандаша
ДУДКА музыкальный инструмент, который руководители используют в своих целях
ПЕТР имя того самого лейтенанта Шмидта, отца бесчисленного семейства
КАРДИОЛОГ кто из врачей отвечает за человеческий мотор

Л и т е р а т у р а

- [1] Захаренко И. В., Красных В. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 5. М., 1998. С.32-40.
- [2] Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.

Смысловой эллипсис и логика дискурса

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2000

1. Язык и логический анализ языка

О логическом анализе языка в последнее время говорится особенно много, при этом различные исследователи понимают сам этот анализ совершенно по-разному. На наш взгляд, имеет смысл разделить два подхода.

Во-первых, нужно говорить о собственно логическом анализе языка, представленный прежде всего философией языка, аналитической философией, берущий свое начало именно в работах философов (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, О. Куайн и др.)¹; лингвисты, радостно подхватившие выдвинутые названными философами идеи, пытались соединить плохо сочетающиеся вещи: логику и язык — многочисленные работы об эгоцентрических словах, языках разного уровня, общих и индивидуальных именах, разноместных предикатах и т.д. и т.п. стали весьма модными в отечественной, во всяком случае, лингвистике. Нужно отдать должное, подобный симбиоз дал и полезные результаты, в обиход лингвистики активно вошли многие собственно логические понятия (пропозиция, пропозициональная установка, пресуппозиция и др.), но обнаруживается интересная закономерность: все эти термины понимались и понимаются лингвистами не совсем так, вернее, совсем не так, как логиками (при всем разнообразии толкований у различных авторов). Это вполне закономерно, ибо логический анализ языка, описывает лишь ничтожно малую “зону” языка, оставляя за ее пределами множество явлений, которые никак не могут быть признаны маргинальными: поэтическую речь (Рассел постоянно делает подобную оговорку), фатику, ритуал, языковые игры различного типа, стилистические вариации и многое другое. Даже научный текст, который по определению должен оказываться наиболее доступным для логического анализа, оставляет после себя весьма значительный “остаток” этому анализу не поддающийся². Не отрицая эвристичности некоторых предложенными

¹ Мы никоим образом не пытаемся рассматривать историю вопроса и различия в идеях, существующие в рамках этого весьма широкого научного направления (анализ этих различий см., напр., в [Кюннг])

² Интересно, что ТРА рождена из-за неудовлетворительности логических объяснений реального использования языка, но рождена она опять-таки не лингвистами, а философами, причем даже включение в анализ языка установок Остина, Серля (см. [Остин],[Серль]) и др. оставляет “за скобками” множество (если не большинство) случаев реальных языковых употреблений.

логиками подходов, того, что они могут помочь в решении весьма важных теоретических и прикладных задач, мы никоим образом не можем признать универсальность данного направления, более того, настаиваем на его периферийности и подчиненном положении (речь не идет о собственно логико-философских проблемах, о которых автор, не считая себя специалистом, не берется рассуждать, но именно о лингвистике). Проблема референтности (денотативности) высказывания и имени, играющая столь важную роль для онтологии, вряд ли является лингвистической проблемой, достаточно вспомнить многократно высказывавшийся лингвистами, семиотиками и философами³ тезис о том, что означаемым является не вещь, а наше представление о вещи, вопрос же о том, существуют ли в действительном мире такие биологические существа, как дракон или единорог, никоим образом не относится к компетенции языкознания, для него означаемые этих имен совершенно ничем не отличаются от означаемых таких имен, как *тигр* или *заяц* (“неденотативность” дракона не мешает Голливуду производить по несколько драконов в год). О “неденотативности” можно, причем со множеством оговорок, говорить, пожалуй, лишь, если анализировать такие слова, как *убеишур* А. Крученых, *фарлушка* Д. Хармса, *потец* А. Введенского и им подобные. Если же перейти на уровень высказывания (уровневое деление языка понимается нами как метафора, вернее, как некоторый прием в изложении материала, удобный тем, что он привычен всем получившим филологическое образование в отечественных вузах), то становится еще более очевидно, что наша коммуникация часто направлена не на утверждение или выяснение некоторого действительного положения вещей (замечу, что я говорю и о внешних и о внутренних для говорящего событиях, в то время как эмпиристы, испытывая ненависть к “психологизму”, практически никогда не рассматривают “денотативность” внутренних состояний), но на нечто совсем иное, вот это-то иное и нужно рассматривать и изучать.

На все сказанное может быть сделано одно весьма важное возражение: пафос автора свидетельствует лишь о его вопиющем невежестве, ибо он не понимает различия между языком и речью, а эта дихотомия является основополагающей для всей лингвистики XX века. Замечу, что, пожалуй, никто, а не только автор этих строк, не сможет однозначно провести раз и навсегда установленную границу между языком и речью, и перейду к ответу по существу. Можно сказать, что упомянутые

³ Ср: “Слово возбуждает представление о предмете. (...) Предмет, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое индивидуализированное языком, постоянно повторяющееся впечатление, тем самым представляется в модифицированном виде” [Гумбольдт, с.82-83]; “(...) Означаемое является не вещью, а нашим представлением о вещи” [Барт 75, с.132]; “Произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений” [Витгенштейн, с.82].

мною направления и авторы говорили и говорят о механизмах языка, о его системе, а не об использовании этих механизмов, о реализации этой системы. Это лукавство. Во-первых, если оперировать указанными понятиями, можно ответить, что языковая система не может не включать в себя возможностей своего использования, узус не может противоречить механизмам языка, последние необходимо содержат в себе возможности языковой игры, “нарушений”, эллипсиса и т.д.. Во-вторых, нет ли смысла вообще отказаться от мышления в рамках бинарных оппозиций (тем более, что основоположник разделения языка и речи сам предлагал не бинарную, а тернарную оппозицию)? Разумно, на наш взгляд, декларировать единство системы и ее использования, не разделяя их.

Неудовлетворенность собственно логическим анализом языка, но невозможность отказаться от таких терминов, как концепт, пропозиция и др., ставшими обязательными знаками образованности лингвиста, привели к тому, что “логическим анализом языка” стали называть нечто к логике (в собственном смысле слова) отношения не имеющее (см. сборники под ред. Н.Д. Арутюновой). Любопытен, например, анализ концептов, обозначаемых абстрактными именами в рамках этого направления. Существующие исследования на самом деле убедительно свидетельствуют, что означаемые таких имен, как *истина*, *милосердие*, *грех* и др., принципиально не поддаются логическому анализу, т.к. безусловно антирациональны, их рациональный анализ — плод лингво-философских рефлексий, но не живого языка, в сознании носителей языка они существуют в недискурсивном, недискретном виде и на уровне “обыденного” сознания не анализируются логически.

Мы считаем справедливым, что “если говорить о логическом анализе естественного языка, то подлинных альтернатив теоретико-модельной семантике (по существу, логической семантике) просто не видно” [Петров, с.19]. Но мы ведем речь именно о внелогическом анализе языка. Здесь, правда, необходимо уточнить терминологию. Что называть логикой? Согласно Философскому энциклопедическому словарю, логикой называется “наука об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания; (...) логика является наукой о мышлении — и как метод анализа дедуктивных и индуктивных процессов мышления, и как метод (норма) мышления, постигающего истину; (...) задача логики исторически сводилась к каталогизации правильных способов рассуждений (...), позволяющих из истинных суждений-посылок всегда получать истинные суждения-заклучения” [ФЭС, с.316]. Словарь иностранных слов приведенное выше значение слова “логика” дает как первое, под вторым же понимается “ход рассуждений, умозаключений” [СИС, с.289]. Человеческое мышление не может не опираться на определенные принципы, в этом отношении любое рассуждение и умозаключение логично, но

принципы “обыденного” мышления отнюдь не совпадают с принципами логики в первом значении этого слова, оно основывается на мифологической (в связи с многозначностью этого термина и его аксиологической маркированностью мы в дальнейшем будем говорить не о мифологическом, а о виртуальном), виртуальной логике, вернее, логике “виртуального”. “(...) Классическая теория категорий не является когнитивной теорией; эта теория рассматривает отношения между реалиями естественного мира, но не рассматривает того, как человек осмысливает мир” [Лакофф, с.46]. Ведь язык не только и не столько отражает действительный мир, но конструирует, моделирует некий виртуальный мир, поэтому исследование виртуальности и способов создания этой виртуальности — зона наших особых интересов. Отношения между “миром вещей” и “виртуальным миром” — проблема собственно философская, а не лингвистическая, хотя, естественно, лингвистика не может не обращаться к проблемам онтологии, но они, как, например, и психологические проблемы, никоим образом не являются центральными для лингвистики.

Относится ли проблема соотношения языка и действительности к собственно лингвистическим проблемам? Вероятно, да. Но не в том виде, как она решается в философии. Речь должна идти не о степени адекватности этого отражения, не об истинности-ложности суждений, но о том, как язык моделирует и описывает эту действительность, причем первичными оказываются не характеристики самой действительности (они выносятся за скобки), но то, что говорит о ней язык. Все последующие наши рассуждения располагаются в рамках именно этой парадигмы.

II. Использование языка и тотальный перевод

“Семиозис можно рассматривать как перевод, т.е. как процесс, в котором динамический объект реализуется через серию непосредственных объектов, представленных знаками-телами” [Клюканов, с. 30]. Таким образом, речевая деятельность может рассматриваться как составляющая переводческой деятельности, а не наоборот. Изначален именно процесс перевода. Мы концентрируем свое внимание на внутренней форме последнего слова, т.е. говорим и переводе, пре-образовании одного в другое. Появление языка — первая и, вероятно, наиболее значительная победа тотального перевода, перевода отраженных в сознании действий, состояний, объектов и т.д. (т.е. определенных представлений) в звуки, переведение образов восприятия и памяти в звуковой (графический) ряд. Но с появлением языка процесс перевода не прекращается.

Если представить, что целью коммуникации является наиболее экономная и ясная передача определенной информации, то очевидно,

что коммуникация должна стремиться к прозрачности и однозначности отношений “означающее — означаемое”. Однако, если мы рассматриваем не абстрактные схемы а реальную живую коммуникацию, то с предельной очевидностью видим, что подобное отношение является скорее исключением, чем нормой. Интерпретация самых обыденных высказываний требует именно перевода, коммуникативные неудачи различного типа есть сигналы сбоев в этом переводе. Анализ реальных коммуникативных актов свидетельствует, что путь к референтам, следовательно, к смыслу высказывания оказывается весьма затруднен, зачастую требует многоэтапного перевода, перед нами оказывается весьма сложное семиотическое образование: один знак оказывается, пользуясь терминами Р. Барта, как членом первичной семиотической системы (в которой он является означающим), так и членом вторичной семиологической системы, в которой он начинает выступать как означаемое [Барт 89, с. 79]. Соответственно, путь к референту требует двойного перевода (в скобках заметим, что процесс этот может быть в принципе не только двойным, но и тройным и т.д. до бесконечности).

Для ясности подтвердим сказанное примерами. Во время работы автора настоящих строк переводчиком ему приходилось выполнять огромное количество письменных переводов (различного типа инструкций и справок), которые с невероятной скоростью и энтузиазмом писал его начальник. Однажды, весьма утомившись от этой работы, я вышел в коридор покурить. Там меня встретил мой коллега-переводчик и обратился ко мне со следующим вопросом: “*Как там твой Лев Толстой, не устал еще?*” Референтом прецедентного имени *Лев Толстой* являлся мой начальник, однако говорящий выбрал не прямую номинацию, а метафорическую⁴ (причины подобного уподобления достаточно прозрачны для всех представителей русского лингво-культурного сообщества, и мы не будем на них останавливаться), что потребовало от меня (реципиента) гораздо более сложных интерпретативных процедур. Означающее *Лев Толстой* имеет означаемое *твой начальник*, которое само

⁴ Использование в данном случае термина “метафорический” может вызвать серьезные возражения. В.Н.Телия говорит о “свойстве механизмов метафоры сопоставлять, а затем синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками” [Телия, с.182]. Это позволяет Н.Д.Арутюновой отказывать приведенному нами примеру в праве называться метафорой: “Псевдоидентификация в пределах одного класса не создает метафоры. Назвать толстяка Фальстафом, а ревнивца Отелло не значит прибегнуть к метафоре” [Арутюнова, с.20]. Понимая обоснованность этих аргументов и принимая их, мы все же будем говорить в данном случае о метафоре, используя последний термин с известной долей условности.

выступает как означающее соответствующего лица⁵. Само же высказывание имело приблизительно такой смысл: *Я сочувствую тебе, ведь тебе приходится переводить множество ненужных документов, которые в огромном количестве пишет твой начальник*. Моя речевая реакция была производной именно от этого смысла. Это является еще одним ярким подтверждением того, что при анализе “живой” коммуникации анализироваться и интерпретироваться должен не текст сам по себе, но дискурс, составляющей которого и является собственно текст. Интерпретация приведенного высказывания требует, помимо дешифровки “кода”, энциклопедических знаний, учета отношений коммуникантов, общность/различие в их оценки констатиции, социальные характеристики общающихся (корпоративность переводчиков перед лицом не понимающих специфики их работы начальников — в данном случае) и т.д. Говорить, таким образом, можно не о логическом анализе языка, но о **логике дискурса**, причем логика эта серьезно отличается от формальной логики (об этом ниже).

Еще один пример:

Теперь я все понял: Леонид Савельевич — немец. У него даже есть немецкие привычки. (Д. Хармс. Я решил растрепать одну компанию).

Этноним *немец*, служащий в данном случае для обозначения определенного этнического стереотипа, оказывается связан одновременно с двумя означаемыми: с лицом на которое он указывает (*Леонид Савельевич*) и со стереотипным образом, которому присущи определенные характерные черты, а номинация *Леонид Савельевич*, являясь означающим для определенного лица, является вместе с тем означаемым для этнонима *немец*.

Мы выбрали далеко не самые сложные для интерпретации (т.е. обратного перевода) примеры, но даже они наглядно свидетельствуют, что процесс перевода оказывается в данном случае осложненным, а “первоначальное” отношение “означающее — означаемое” — завуалированным. Причем мы полагаем, что подобная ситуация оказывается отнюдь не маргинальной, а относится к ядру того, что мы называем языком. О.Г. Ревзина указывает, что “в стихе означающие выступают как референты, а референты как означающие” [Ревзина, с.27], но мы полагаем, что подобное характерно не только для поэтической речи, но является типологической особенностью языка как такового, в этом отношении можно согласиться Ж. Деррида: “«Обозначающее обозначающего» описывает движение языка в его источнике. (...) Не существует

⁵ Мы не останавливаемся на вопросе о том, какие именно интерпретативные процедуры последовали после того, как было установлено, что именем *Лев Толстой* названо определенное лицо, какие когнитивные механизмы были при этом задействованы и т.д.

единственного обозначаемого, которое избегает, даже несмотря на то, что может быть возвращено, игры означивающих отношений конституирующих язык”⁶ [Деррида, с.219].

Повторим: речевая деятельность представляет собой процесс постоянного перевода одного смысла в другой, косвенное выражение этого изначального смысла, стремится не к упрощению выражения последнего, но, наоборот, к его усложнению. Это приводит, соответственно, к максимальному усложнению процесса интерпретации, т.к. понимание высказывания требует именно восстановления изначального смысла при помощи целой серии интерпретативных процедур.

III. Перевод и постулаты “нормальной” коммуникации

Тотальный перевод, в который превращается любое пользование языком, приводит к тому, что коммуникативные постулаты “нормальной коммуникации” (см. [Грайс], [Ревзина, Ревзин]) соблюдаются лишь в абстрактной “идеальной” коммуникации, для которой характерна максимальная прозрачность и ясность отношения “высказывание — смысл”. Реальная коммуникация демонстрирует нам постоянное “нарушение” этих постулатов, непрозрачность и усложненность указанного отношения. Это еще одно свидетельство того, что язык и речевая деятельность не подчиняются правилам логики в первом из указанных нами значений этого слова, причем говорить надо не о нарушении, т.е. отрицании этих правил⁷, а именно о полном их игнорировании, из-за чего применение самих этих постулатов при анализе не искусственной коммуникации, и не общения “человек- машина”, а при исследовании взаимодействия различных “говорящих сознаний” [Бахтин, с.361] вызывает серьезные сомнения. Мы в дальнейшем обратимся к более детальному описанию некоторых из приемов усложнения, “вуалирования” смысла, здесь же хотим с помощью весьма беглого пилотажного анализа фрагмента реальной коммуникации подтвердить высказанный выше тезис. Предлагаем к анализу следующий диалог (А. — мальчик-школьник, Б. — его мать, В. — отец):

- (1) А. (*изображая рок-певца*). Камон, бэби, камон.
- (2) Б. Почему ты за уроки не сел?
- (3) А. (*глядя на Б.*) Камон, камон.
- (4) Б. С тобой мать твоя говорит.
- (5) А. Потом.

⁶ Мы не обсуждаем вопрос о существовании изначального означаемого, этим должны заниматься не лингвисты, а богословы.

⁷ Ибо любое отрицание есть утверждение от противоположного (весьма характерно, что в ставшей классической работе О.Г. и И.И. Ревзины выводятся принципы “нормальной коммуникации”, исходя именно из нарушений, отрицающих эти принципы).

- (6) Б. Как всегда!
(7) А. Имеет человек право на отдых?
(8) Б. Я это идиотское MTV...
(9) А. Ты всегда на меня кричишь! Это твой русский идиотский.
(10) Б. Ну всё! (*решительно направляется к А.*)
(11) В. (*напекает*) И дорогая не узнает, каков танкиста...
(12) А. Иду! Иду! (*уходя, с обидой*) Между прочим, я сегодня уже двадцать страниц ваших “Записок охотника” прочитал.
(13) В. Ясное дело, перетрудился.
(14) Б. Хоть бы раз сам пошел.

Постулаты Грайса, постулаты “нормальной” коммуникации Ревзиных оказываются нарушенными чуть ли не в полном составе, тем не менее, не думаю, что этот диалог можно назвать ненормальным.

Практически постоянно нарушается постулат информативности, никакой новой информации не несут реплики (3), (4), (9), (13), (14). Вопросы (2) и (7) служат вовсе не для запроса информации, а для выражения совершенно иного смысла (*Иди делать уроки!*; *Я имею право отдохнуть*). Формально реплика (12) несет новую информацию (сообщение о том, что А. прочитал определенное количество страниц), реально же эта информация оказывается ценной для говорящего не сама по себе, а служит посылкой для вывода, который опускается (перед нами прием, который может быть назван смысловым эллипсисом): *Я выполнил на сегодня норму по интеллектуальному труду, имею право на отдых и не принимаю ваших претензий и утверждений о моем безделье*.

При этом отсутствует логическая связь реплик, кроме постулата информативности, постоянно нарушается постулат о детерминизме (нарушение причинно-следственных связей и семантической связности) ср. в этом отношении, например, связь реплик (2) и (3); воспроизводится то, что относится к общей памяти, следовательно, не должно эксплицироваться ((4), (14)), т.е. нарушенным оказывается постулат неполноты описания. Под большим вопросом также соблюдение постулатов истинности и искренности.

Реплику (3) вообще очень сложно проинтерпретировать в рамках существующих концепций. Смысл, вероятно, может быть выражен следующим образом: *Я не собираюсь выполнять твою прескрипцию, а хочу продолжить то, что я делаю*. Происходит то, что может быть названо косвенной, опосредованной импликацией, т.е. для интерпретации необходимо совершить ряд процедур, переходов от одного смысла к другому, которые никак не эксплицируются. Похожее (опосредованная импликация) происходит и в случае (11), смысл может быть представлен так: *тебя ожидает та же судьба, что и героя песни, цитата из которой приводится*. Причем в данном случае имеет дело явная гиперболи-

зация, языковая игра. Как и в случае (13), в котором эта игра осложняется таким приемом, как энантиосемия.

Теперь остановимся чуть более подробно на одном из приемов, который может быть назван “смысловым эллипсисом” и который мы неоднократно наблюдали в приведенном диалоге. Он представляет собой исключение одного или нескольких звеньев цепи перевода и используется для создания различных эффектов.

IV. Смысловой эллипсис и комическое

Смысловым эллипсисом мы называем прием, при использовании которого из цепочки экспликации смысла “выпадают” одно или несколько звеньев, так, если пользоваться терминами логики, может опускаться посылка и присутствовать только конечный вывод, или, наоборот, — дается посылка, вывод же предлагается сделать остальным участникам коммуникации. Приведем только один пример:

(А. покупает крем. П. — продавщица) А. Мне две “Магии” и два “Зодиака” // П. Только три в одни руки // А. Но мне нужно четыре. П. Это вы к Попову (в то время мэр Москвы) обращайтесь! [Китайгородская, Розанова, с. 347].

Последнее высказывание приведенного микродиалога является собой яркий пример смыслового эллипсиса, т.к. здесь опущены начальные и конечные звенья смысловой цепочки, которые говорящий предлагает восстановить самому интерпретатору. Смысл этот приблизительно может быть восстановлен следующим образом: *Я действую на основании распоряжения Попова, со своими претензиями вам следует обращаться к нему, а не ко мне, я же не могу выполнить вашу просьбу.*

Весьма часто прием, который мы условно обозначили как смысловый эллипсис, используется в остротах и анекдотах для создания комического эффекта. Заметим, что комический эффект создает не смысловый эллипсис сам по себе, даже не удовольствие, связанное с разрядкой напряжения при восстановлении пропущенных звеньев, но то, что этот прием наиболее выигрышно позволяет “подать” ожидаемое и существующее, находящиеся в “противофазе”, создать эффект “обманутого ожидания”, являющийся одним из основных источников комического. Иными словами, реципиенту предлагается два варианта смысловых цепочек, одна из них наиболее вероятно и подчиняясь автоматизму мышления и языкового использования, слушающий выбирает именно ее, говорящий же обнаруживает, что “реально” оказывается та из цепочек (вернее, то из ее ответвлений), которая казалась наименее вероятной, “контраст представлений [Фрейд, с.178] вкупе с разоблачением “психологического автоматизма” [Фрейд, с.234] и рождает комическое. В качестве примера проанализируем следующее высказывание:

*Джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит дама*⁸.

Г. Малкин

Перед нами два фрейма, т.е. два пучка “предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций” [Красных, с.119]: **джентльмен** — (внутренний) аристократизм, безупречность внешнего вида, безукоризненная воспитанность и т.д.; **канавы** — анализ коннотативных сем этого слова свидетельствует, что лица, которым может быть атрибутирован локатив “в канаве” — это алкоголики, бомжи и т.д., т.е. люди, потерявшие человеческий облик, утратившие представления о человеческом достоинстве и правилах поведения в обществе. Таким образом, перед нами два ассоциативных ряда, находящиеся в одном “поле”⁹, но занимающие в нем полярные положения, резко противостоящие друг другу, комизм создается благодаря тому, что оба они оказываются имеют один денотат (контраст представлений, соединение несоединимого), причем предикаты, которые представляет говорящий субъекту высказывания противостоят тем, которые мы ожидаем.

Следующий аспект интерпретации приведенного высказывания, который никоим образом не противоречит первому: контраст поведения и ситуации, попытка оставаться комильфо, оказавшись в положении с этим “комильфо” явно контрастирующим.

Перед нами яркий случай экономии в средствах выражения — состоянии “джентльмена” и все имплицитно приписываемые ему предикаты содержатся в коннотативных семах слова *канавы* (не экономия создает комический эффект, но нарушение принципа экономии ведет к разрушению этого эффекта, ср.: *Даже если джентльмен настолько пьян, что падает в канаву, он стремится вести себя должным образом в присутствии дамы*). Экономия и в описании жеста “поправление галстука” — этот жест в массовом сознании принадлежит фрейму “джентльмен” и должен вести к восстановлению других составляющих этого фрейма, хотя здесь экономия выражена не столь явно, как в первом случае.

Чуть отвлекаясь от темы, обратим внимание на то, что речь идет, конечно, о *джентльмене* в массовом представлении, том инвариантном представлении, актуализируемом этим именем, которое присутствует в языковом сознании русского лингво-культурного сообщества. Согласно этому представлению, жест “поправление галстука” свидетельствует об

⁸ Интерпретацию этого примера, отличающуюся от нашей, см. в [Санников, с.394].

⁹ Темой отдельного обсуждения является то, что у слова *джентльмен* в этом примере актуализируются, в первую очередь, понятийные семы, лишь затем — коннотативные, а у слова *канавы* — наоборот. Обсуждение этой проблемы в рамках прагматической семантики весьма интересно, но оно уведет нас далеко в сторону, поэтому мы позволим себе не останавливаться на этом вопросе.

аристократизме, интеллигентности и т.д. Хотя для истинного, а не стереотипного джентельмена публичное (тем более, демонстративное) исправление неопорядка в одежде является недопустимым. Поправлять галстук в присутствии дамы могут герои Зошенко или Пьер Скрипкин, но никак не принц Чарльз. Сказанное лишний раз свидетельствует о том, что в своей речевой практике мы обращаемся прежде всего к тем общенациональным инвариантным представлениям, которые бытуют в массовом сознании.

Итак, данное высказывание содержит практически весь набор приемов комического: разоблачение психологического автоматизма, контраст представлений, обманутое ожидание, экономия средств. Всего этого позволяет добиться такой способ использования языка, который мы называем смысловым эллипсисом. С точки зрения строгой логики рассматриваемое высказывание бессмысленно, т.к. перед нами два взаимоисключающих суждения: 1) джентльмен не может лежать в канаве, 2) человек, лежащий в канаве, — джентльмен. Данные суждения противоречат друг другу, следовательно, предложение, включающее их, бессмысленно¹⁰. Однако, с точки зрения обычного носителя языка, да и в строго лингвистическом понимании данное предложение отнюдь не является бессмысленным.

Рассмотрим в качестве следующего примера известный анекдот:

На урок в школу приходит комиссия. Учительница инструктирует школьников, как отвечать на вопросы высоких гостей. Вовочке запрещено поднимать руку и открывать рот. Урок проходит замечательно, дети правильно отвечают на вопросы комиссии, но ее председатель в самом конце занятия спрашивает: “Дети, а какой главный принцип работы нашей любимой партии?” Вопрос не был запланирован, школьники смущенно молчат. Тут поднимается рука Вовочки. Делать нечего, приходится вызвать его. “Наша партия все делает ради людей и во благо людей!” — отвечает Вовочка. Комиссия восхищена ответом и удовлетворенная собирается покинуть класс, но тут Вовочка, наслаждаясь своим триумфом, кричит: “Я даже знаю имена этих людей!”

Здесь наиболее ярко проявляется такой прием, как разоблачение психологического автоматизма. Создается база для одного вывода, но вывод оказывается другим, резко контрастирующим с ожидаемым. Для интерпретации этого анекдота необходимо восстановить смысловой эллипсис (*в нашем обществе все блага получает столь незначительная группа людей, что ее члены могут быть названы по именам*), т.е. эксплицитировать на ментальном уровне то, что на вербальном элиминиро-

¹⁰ См., напр., [Рассел].

вано и выражается имплицитно. Формальная невыраженность категории определенности/неопределенности в русском языке — тот ресурс семиотической системы, который позволяет играть смыслами — ожидаемым (он оказывается ложным) и неожиданным (он-то и является как истинный)¹¹.

Рассмотрим еще один пример.

Господь призывает к себе Никсона, Мао Цзе-дуна и Брежнева. Он сообщает им, что они уже достаточно пожилы в дольнем мире, им пора на небо, но перед смертью они имеют право на последнее желание. “Господи, — восклицает Мао, — уничтожь всех этих проклятых империалистов-американцев!” После этих слов он исчезает. Взбешенный Никсон кричит: “Ах так! Тогда уничтожь всех проклятых китайцев, несущих по всему миру коммунистическую заразу!” После этих слов он также исчезает. Брежнев долго молчит. Бог напоминает: “Леонид Ильич, ваша очередь”. “А Вы выполнили предыдущие два желания?” “Конечно, как можно сомневаться в моем слове?” “Тогда, пожалуйста, чашечку кофе”.

Обманутое ожидание в этом примере предстает, пожалуй, в наиболее чистом виде. Задается определенная установка (в психологическом терминологическом значении этого слова) — два первых речевых поступка задают определенную функцию, следующим значением которой должен стать третий поступок, но поступок этот оказывается принципиально двусмысленным. С одной стороны (на поверхностном уровне), он в заданную функцию никак не вписывается (подчеркнуто мирное желание в противовес кровавым требованиям), с другой — является одним из ее значений на глубинном уровне. Перед нами контраст внешнего и внутреннего. Эллипсис присутствует и здесь, но интерпретативная процедура оказывается достаточно простой, что, однако, не снижает комического эффекта.

Смысловой эллипсис является важным и весьма эффективным приемом комического. Но используется он не только для создания комического эффекта (см. приведенный нами диалог относительно несделанных уроков). Подобные импликатуры являются обязательными в

¹¹ В данном случае мы не останавливаемся на том, что в последнем примере помимо всего прочего происходит осемантизация асемантического лозунга, деритуализация ритуальной речи, т.к. это тема отдельного разговора. Не рассматриваем мы также и удовольствие освобождение от гнета цензуры как источник комического [Фрейд]. В связи с последним хочется сказать, что для создания комического эффекта фигура маргинала, человека, интеллектуального ущербного, слабоумного и/или не вписывающегося в социальные рамки является наиболее привлекательной, достаточно вспомнить таких фольклорных и литературных героев, как Петька и Чапаев, Вовочка, Иван-дурак (в различных вариациях), Дон Кихот, Швейк и др.

“живой” коммуникации. Можно, вероятно, говорить не о постулате информативности [Грайс], но постулате обязательной информативной недостаточности. Речь идет не только об общей памяти и элементах микро- и макропресуппозиции, но именно о неполном развертывании логической (в нашем понимании этого слова) последовательности, обязательном предложении участнику(-ам) коммуникации восстановить “выпавшие” звенья. Нарушение этого постулата, т.е. развертывание в тех случаях, где нет необходимости в подобном развертывании также может служить для создания комического эффекта.

Анекдот может также указывать на логические тупики, обусловленные механизмами использования естественного языка, т.е. при любой многозначности подсказывается наиболее вероятная интерпретация, которая в результате оказывается ложной, “истинной” же представляется наименее ожидаемая. Наиболее наглядно это проявляется в многочисленных анекдотах, построенных на многозначности эгоцентрических слов. Приведем только два примера, не анализируя их подробно:

Крупный партийный босс вещает с трибуны:

- Товарищи, в следующей пятилетке мы будем жить еще лучше!

Голос из зала:

- А мы?

Старый еврей приходит в отдел приемов ЦК и всем задает вопрос: “Где это?” Никто его не понимает, наконец, догадываются задать вопрос: “Что “это”?” “Ну как же, помните, в молодости мы пели: “И как один умрем в борьбе за это...” Вот я и спрашиваю: где это?”

Анекдот строится на нарушении логики, но не логики в научном смысле этого слова, а обыденной логики, которая может быть названа мифологической (виртуальной) логикой, она строится не на *ratio*, но на связи недискретных и недискурсивных представлений, причем и сами эти образы и связь между ними не поддаются собственно логическому анализу. *Ratio* не в состоянии объяснить, почему сексуально невоздержанный человек не может быть президентом, почему дальнейшие пути развития огромной страны должны зависеть от ответа на вопрос: Чингисхан, он плохой или хороший?¹² Между тем, с точки зрения мифологической логики это именно так и вообще не должно обсуждаться. Анекдот, с одной стороны, закрепляет эту логику, а с другой — указывает на ее тупики, ее несоответствие *ratio* (от него все же никуда нельзя уйти). Например:

¹² См. [Трубецкой].

Старшина приказывает рядовому выйти из строя и снять штаны. После чего вступает с ним в следующий диалог:

- Иванов, кто такой Чайковский?

- Гениальный русский композитор, товарищ старшина.

- Правильно, Иванов. И замечу вам, он написал великое множество замечательных музыкальных произведений. А кто такой Гоголь?

- Великий русский писатель.

- Правильно, Иванов. И замечу вам, он написал большое количество замечательных литературных произведений. Но, обратите внимание, Чайковский был гомосексуалистом, а Гоголь — импотентом. У тебя же ... до колена, а ты матери в Саратов двух строк написать не можешь!

Подводя итог этой части наших рассуждений, скажем, что анекдот основывается на парадоксе, апории, ориентированных на разрушении психологического автоматизма. Анекдот стоит на мифологической логике, существует в поле именно этой логики, которая, в свою очередь, базируется не на связи понятий (концептов), но на ассоциативных связях (связи эти, естественно, не понятийны, а коннотативны), на связи представлений, причем представления эти не индивидуальны, но инвариантны и стереотипны. Переход от одного представления к другому в анекдоте, как и в “живой” коммуникации, строится не на формальном логическом выводе, но на стереотипной связи ассоциаций, причем связываются, как уже говорилось, не понятийные ядра, но коннотативное окружение этих ядер. Смысловый эллипсис основывается именно на стереотипных связях инвариантных блоков-представлений, сбой в этом механизме ведут к возникновению коммуникативных неудач, комического эффекта, абсурда (одно не исключает другого).

Сказанное выше заставляет нас по-новому взглянуть на постулаты коммуникации и на проблемы неудачи в коммуникации.

Суммируя сказанное о правилах (постулатах) истинной коммуникации Грайса и Ревзиных, а также в свете сказанного нами о “живой” коммуникации, мы замечаем, что от постулатов этих мало что остается. Мы не можем признать, что информативность, детерминированность, связность, искренность, неполнота описания характерны для такой коммуникации, в которую мы вступаем постоянно и которая никак не может быть названа ненормальной. Можно сказать, что коммуниканты должны иметь общую модель мира и общий код для означивания этой модели. Правда, необходима существенная оговорка: каждый из собеседников может иметь собственную модель мира, но он должен обладать представлением о модели мира собеседника, следовательно, с этим условием успешной коммуникации напрямую связано следующее условие: при коммуникации должна учитываться способность собеседника к

инференции, к прогнозированию, к ликвидации пробелов в смысловых цепочках, представление о тех правилах вывода, которыми руководствуется собеседник.

Сказанное нуждается в комментарии. Заметим, что модели мира могут различаться и различаться весьма существенно, но успешная коммуникация все же оказывается возможной. В качестве классического примера можно назвать общение Миклухо-Маклая с папуасами, упомянем также гипотетический контакт человека с антропоморфными инопланетянами, являющийся одним из любимых сюжетов кинематографистов. В данном случае речь должна идти не об общности моделей мира вообще, но об общности (или прогнозируемости) тех фрагментов картины мира, которые актуализируются “здесь” и “сейчас”. Так, может быть признан вполне успешным коммуникативный акт “Представление”, заключающийся в следующем: А. направляет указательный палец себе в грудь и произносит свое имя, после чего показывает на собеседника Б. Б. повторяет первый жест А. и называет свое имя. И А. и Б. исходят из представления о том, что любой человек должен иметь имя и при установлении контакта собеседники должны знать имя друг друга. Количество сходных примеров можно увеличить, но очевидно, что зона подобных контактов оказывается достаточно узкой. Так, трудно представить, как “европеец” объяснит “дикарю” строение Вселенной, даже в том случае если у них существует общий “код”.

Конечно, как модели мира, так и способы их знакового выражения у двух языковых личностей никогда не совпадают, у каждого из коммуникантов собственное представление о мире, собственный идиолект, полного и абсолютного понимания никогда не происходит, но этими “погрешностями” можно пренебречь при наличии общего для вступающих в общение когнитивного пространства.

В связи со всем сказанным необходимо задаться следующим вопросом: что следует называть “нормальной” коммуникацией? Вряд ли на этот вопрос возможен непротиворечивый ответ. Речь идет исключительно о субъективной оценке того или иного коммуникативного взаимодействия, причем оценки эти могут серьезно отличаться у разных лиц присутствующих при этом взаимодействии. Вспомним хрестоматийный диалог из “Театрального романа”, “ненормальный”, с точки зрения Максудова, и безусловная “нормальный”, с точки зрения остальных его участников:

Между слушателями произошел разговор, и, хотя они говорили по-русски, я ничего не понял, настолько он был загадочен. (...)

- Осип Иванович? — тихо спросил Ильчин, щурясь.

- Ни-ни, — отозвался Миша. (...)

- Вообще, старейшины... — начал Ильчин.

- Не думаю, — буркнул Миша.

Дальше слышалось: “Да ведь на одних Галиных да на подсобляющем не очень-то...” (Это — Евлампия Петровна).

- Простите, заговорил Миша (...), — я давно утверждаю, что надо поставить этот вопрос на театре!

- А как же Сивцев Вражек? (Евлампия Петровна).

- Да и Индия тоже неизвестно, как отнесется к этому дельцу, — добавил Ильчин.

- На кругу бы все поставить, — тихо шептал Ильчин, и они так с музыкой и поедут.

- Сивцев! — многозначительно сказала Евлампия Петровна.

М. Булгаков. Театральный роман

Полагаем, надо ставить вопрос не нормальности/ненормальности, но об успешности/неуспешности коммуникации, следовательно, необходимо остановиться на проблеме коммуникативных неудач.

V. Коммуникативные неудачи

Заметим, что основа успешной коммуникации — это единство интерпретации, различия в интерпретации ведут к коммуникативным неудачам. Но различия в интерпретации — это не собственно лингвистическая, но лингво-когнитивная проблема.

Не останавливаясь на вопросе о существующих классификациях коммуникативных неудач (КН) (см. [Городецкий и др.], [Ермакова, Земская], [Виноградов], [Гудков]), зададимся следующим вопросом: что заставляет нас полагать, что произошла коммуникативная неудача, каковы сигналы, свидетельствующие, что коммуникация не была успешной? Сигналы эти могут быть весьма разнообразны и должны классифицироваться различными способами.

Простейшим случаем служит вербальная реакция одного из коммуникантов: “Я вас не понимаю” (мы не поднимаем здесь достаточно важного вопроса об искренности произносящего эти слова, можно представить множество случаев, когда один из коммуникантов вполне адекватно интерпретирует высказывание другого, но данной фразой демонстрирует, например, нежелание обсуждать данную тему, скажем, таким может быть ответ девушки на объяснение молодого человека в любви и т.д.; пока мы выносим данные рассуждения “за скобки” и, пусть несколько искусственно, принимаем идею о полной искренности говорящего). Сигнал этот подается в том случае, когда “слушающий” (при всей условности деления участников коммуникации на “говорящего” и “слушающего” мы пока сохраним эти термины, беря их в кавычки) оценивает высказывание “говорящего”, пытаясь на основании интерпретации этого высказывания составить представление о коммуника-

тивной и практической цели “говорящего”, если такое представление не возникает или возникшее представление резко противоречит конситуации, предшествующему опыту “слушающего”, существующей у него модели мира и т.д., он сознает, что произошел коммуникативный сбой и сигнализирует о коммуникативной неудаче. Итак, это первый вариант: высказывание не может быть осмысленно проинтерпретировано и понято адекватно конситуации (в широком понимании последнего термина).

Другой тип сигнала: “Вы меня не поняли”. “Говорящий” оценивает вербальные и невербальные реакции “слушающего” как не отвечающие его коммуникативной и/или практической цели. Итак, в данном случае высказывание проинтерпретировано и понято, но интерпретация “слушающего” не соответствует коммуникативным намерениям говорящего.

Рассмотренные два случая не требуют постороннего наблюдателя, КН воспринимается тем или иным из собеседников, который сигнализирует другому, что такая неудача имела место. Единственным способом анализа коммуникации “без наблюдателя” является посткоммуникативная рефлексия, при которой происходит раздвоение участника коммуникации, его разделение на коммуниканта и наблюдателя. Эта рефлексия всегда отстает по времени от коммуникативного акта, данный временной промежуток может быть совсем коротким (обычный случай при непосредственном общении), но может быть и весьма значительным (типичным примером может служить коммуникация в рамках политического дискурса, когда успешность/неуспешность того или иного коммуникативного акта публичного политика не может быть оценена “сразу”, о ней свидетельствует повышение или понижение рейтинга, победа или поражение на выборах и т.д.).

Оставаясь пока в рамках системы “без постороннего наблюдателя”, можно рассмотреть следующий вариант: КН имела место, но сигнала о ней поступает. Например, я говорю хозяину дома, что меня мучит жажда, в надежде, что он принесет мне пиво, он же ставит передо мной бутылку “Боржоми”. Если у хозяина нет умысла, то мы имеем дело с тем, что хозяин неверно понял мою коммуникативную цель, если же коммуникативная цель воспринята верно, то хозяин мог действовать с умыслом (желание отучить меня от привычки похмеляться), но в любом случае практическая цель не достигнута, следовательно, мы имеем дело с КН. Оценить, что в данном случае произошел сбой в коммуникации может один из ее участников, но никак не посторонний наблюдатель, т.к. никаких сигналов КН нет.

Возможен иной случай: участники коммуникации не понимают, что произошла коммуникативная неудача, но это видит посторонний наблюдатель. Скажем, А. желает купить гуаяву, хотя никогда не видел этого тропического фрукта, и просит продавца Б дать его ему, но прода-

вещь приносит авокадо, полагая, что этот плод называется гуава. Оба участника коммуникации удовлетворены, полагая, что и коммуникативная и практическая цели общения реализованы. Оценить результат данного коммуникативного взаимодействия как коммуникативную неудачу может лишь посторонний наблюдатель В.

Итак, коммуникативные неудачи могут быть разделены на такие: осознаваемые одним или всеми (некоторыми) участниками коммуникации, о них сигнализирует(-ют) участник(-и) коммуникации, соответственно, посторонний наблюдатель также может воспринять данный случай как КН; КН, осознаваемые участником(-ами) коммуникации, но какие-либо сигналы отсутствуют, посторонний наблюдатель не может оценивать их как КН; КН, не осознаваемые участниками коммуникации, оценить их именно как неудачи может лишь Другой, посторонний наблюдатель.

Причины КН весьма разнообразны, о них (причинах) написано уже достаточно много, мы не будем детально останавливаться на этом вопросе и предложим лишь самую общую классификацию источников КН, при этом мы позволим себе не останавливаться на “технических” причинах (плохая дикция, слабый слух, помехи в “канале связи”, посторонние шумы и др.).

Очевидно, что к неудаче может приводить недостаточное владение кодом, так, в последнем из рассмотренных нами примеров неудача обусловлена незнанием денотата слова *гуава*, один из собеседников может не понимать идиолекта другого, особенно в тех случаях, когда последний включает в свою речь специальные термины, жаргонизмы, диалектизмы и т.д.

КН могут быть обусловлены различиями в картинах мира (в широком понимании) коммуникантов, если говорить точнее, то те зоны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, которые актуализируются в том или ином коммуникативном акте, оказываются слишком различны (здесь могут быть отношения лакуарности — то, что известно одному из коммуникантов, неизвестно другому; различной структурированности и др.). Например:

Я рассказывал многим из своих знакомых такой случай. Мой друг сдавал экзамен по физике в одном из столичных технических вузов. В конце экзамена преподаватель обратился к нему со следующими словами: “Если вы правильно ответите на последний вопрос, я поставлю вам “5”. Как звали жену Бойля-Мариотта?” “Какую? Первую или вторую?” — последовал ответ. Далеко не во всех случаях мне удавалось добиться комического эффекта (достигнуть цели своего коммуникативного акта), т.е. налицо была коммуникативная неудача, т.к. не все

мои собеседники знали, что Бойль и Мариотт — это два разных человека.

Мне был не очень понятен смысл многих статей в американской прессе, посвященных 50-летию атомной бомбардировки Хиросимы, пока я не выяснил, что данная акция большинством в США воспринимается как продиктованная военной необходимостью, даже гуманная (она позволила избежать десанта на Японские острова, следовательно, спасла жизни сотням тысяч американцев и японцев). Та прецедентная ситуация, которая обозначается прецедентным именем Хиросима, совершенно по-разному оказывается структурирована в когнитивном пространстве русского и американца (различны дифференциальные признаки, коннотации, оценка), что приводит к КН.

Не подлежит сомнению, что названные мною две причины КН находятся в теснейшей взаимосвязи, далеко не всегда возможно отделить одну от другой, т.к. различия в картине мира неизбежно приводят к различиям в кодировании элементов этой картины, “лингвистическое” может быть отделено от “когнитивного” лишь с большой степенью условности, но пока мы сохраним это разделение, т.к. во многих случаях оно все-таки “работает”, хотя сделанную выше оговорку нужно постоянно иметь в виду.

Следующей причиной КН (она, кстати, также тесно связана с двумя первыми) может быть названо неверное восстановление смыслового эллипсиса или, другими словами, различия в алгоритмах инференции (выводного знания). Успешная коммуникация требует от своих участников обязательного прогнозирования¹³ способности собеседника к восстановлению смыслового эллипсиса, следовательно, коммуниканты должны определенным образом прогнозировать когнитивные способности друг друга, моделировать когнитивное пространство собеседника. Чем ближе актуализируемые в общении зоны индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, тем успешнее будет коммуникация. Скажем, общение представителей различных ЛКС (людей национальные когнитивные базы которых сильно различаются), принадлежащих одному профессиональному социуму (лингвистов, химиков, футбольных тренеров и т.д.) может быть весьма успешным даже в том случае, если оно ведется на языке-посреднике, которым каждый из собеседников владеет лишь в ограниченном объеме, при условии, что обсуждают они свои сугубо профессиональные проблемы.

Иными словами, коммуникация тем успешнее, чем ближе механизмы перевода (как межъязыковые, так и внутриязыковые) коммуни-

¹³ В данном случае мы излагаем в несколько трансформированном виде постулат об общем прогнозировании О.Г. и И.И. Ревзиных.

кантов. Эти механизмы (одними из них являются алгоритмы восстановления смыслового эллипсиса) содержатся в индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности. Выскажем гипотезу, что некоторые из них являются универсальными, другие — национальными (вернее, детерминированными принадлежностью языковой личности определенному ЛКС), третьи — индивидуальными.

Необходимо коротко остановиться на вопросе об универсальности / неуниверсальности механизмов выводного знания. Сами по себе эти механизмы, вероятно, универсальны, но их реализация в виде конкретных алгоритмов, по нашему мнению, обусловлена конкретными языком и культурой, т.е. предстают в каждом ЛКС в особом виде (можно говорить об универсальном инварианте и национальных вариантах)¹⁴. Рассмотрим только один пример:

(1) *А. (заглядывая в кабинет Б., где находится В.). Б. нет?*

(2) *В. Я не видел.*

Реплика (1) являет собой пример смыслового эллипсиса и резко нарушает постулаты информативности и неполноты описания, т.к. А. прекрасно видит, что Б. нет на месте и, вполне доверяя своему сенсорному аппарату, не нуждается в подтверждении этого очевидного факта. Смысл реплики А. оказывается следующим: *“Я заглянул сюда, чтобы поговорить с Б. На работе ли он и когда появится?”* Еще более ярким примером смыслового эллипсиса является реплика (2), обусловленная адекватной интерпретацией реплики (1). Смысл высказывания во втором случае может быть выражен примерно следующим образом: *“Я не знаю пришел ли сегодня Б. на работу, я также не знаю, когда он появится здесь”*. Приведенный диалог невозможен, скажем, на английском (речь идет о прямом переводе, а не о поиске близких соответствий), т.е. сам язык (наравне с правилами речевого этикета, социально-ролевыми особенностями коммуникации и другими факторами) накладывает серьезные ограничения на использование такого приема, как смысловой эллипсис, определяя специфику этого использования. Кстати, данный пример заставляет нас еще раз задуматься над вопросом о том, почему постоянно используем смысловой эллипсис, т.е. прибегаем к переводу одного вербального знака (в данном случае — комплексного знака) в другой, дальше отстоящий от означаемого. Вряд ли убедительным

¹⁴ Заметим, что на национальные особенности выводного знания, т.е. особенности построения и интерпретации высказываний в том или ином ЛКС до настоящего времени не обращалось должного, на наш взгляд, внимания. Больше говорилось об обусловленности подобных операций уровнем образования, опытом теоретического мышления и т.д. (см., напр., классические работы [Лурия] и [Коул]), но эксперименты А.Р.Лурия убедительно свидетельствуют, что при способности человека овладеть потенциальными логическими механизмами языка реализация этих механизмов в каждой среде своя, следовательно, она не является универсальной.

выглядят объяснение, основанное на законе языковой экономии, ибо в данном случае, экономя на артикуляционных усилиях, мы значительно усложняем интерпретативные процедуры, когнитивные операции. Кроме того, во многих случаях никакой мышечно-артикуляционной экономии не происходит, зачастую “переводной” вариант требует значительно больших затрат мышечных усилий, чем “изначальный”.

Высказанные выше соображения являются пока достаточно общими и абстрактными, нуждающимися в уточнении и конкретизации, но они закладывают основы той платформы на которой можно строить исследование механизмов “живого”, а не искусственного использования языка, “живой” коммуникации во всем ее многообразии (а не только некоторых сугубо периферийных ее “зон” — “человек — машина”, например), освободиться от структуралистского, формально-логического подходов (по существу, это два аспекта одного подхода — позитивистского) к исследованию общения, сбросить наконец оковы навязываемых ими схем и рамок.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова — Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Барт 75 — Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.
Барт 89 — Барт Р. Миф сегодня // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М. 1989.
Бахтин — Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998.
Виноградов — Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
Витгенштейн — Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
Городецкий и др. — Горродецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
Грайс — Грайс Г.П. Логика и речевое общение // НЗЛ. Вып. XVI. М., 1985.
Гудков — Гудков Д.Б. Типы коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации // Slavica Gandensia, № 27, Gent University, Department of Slavonic and East European Studies, 2000.
Гумбольдт — Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964.
Деррида — Деррида Ж. Конец книги и начало письма // Итенциональность и текстуальность. Томск, 1998.
Ермакова, Земская — Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
Китайгородская, Розанова — Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
Клюканов — Клюканов И.Э. Семиоперевод и маркированность межкультурного общения // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 11. М., 2000.
Коул — Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
Красных — Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.

- Кубрякова и др. — *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кюнг — *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. М., 1999.
- Лакофф — *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988.
- Лурия — *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Остин — *Остин Дж. Л.* Слово как действие // НЗЛ. Вып. XVII. М., 1986.
- Петров — *Петров В.В.* Язык и логическая теория // НЗЛ. Вып. XVIII. М., 1987.
- Рассел — *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999.
- Ревзина, Ревзин — *Ревзина О.Г., Ревзин И.И.* Семиотический эксперимент на сцене: нарушение постулата норм общения как драматический прием // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.
- Ревзина — *Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Автореферат ДД. М., 1998.
- Санников — *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Серль — *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // НЗЛ. Вып. XVII. М., 1986.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1979.
- Трубецкой — *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М., 1995.
- Телия — *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Фрейд — *Фрейд З.* “Я” и “Оно”: Труды разных лет. Кн. 2. Тбилиси, 1991.

Речевой акт «благодарность» в пиренейском варианте испанского языка

© кандидат филологических наук *О. М. Мунгалова, 2000*

Одно из центральных положений теории речевых актов состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а осуществление определенного вида актов, таких как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность и т.д.

В типологии речевых актов, предложенной Серлем, на основании социального параметра вежливости, выделяется общий тип информативных речевых актов – экспрессивы (экспрессивные речевые акты). Серль определяет иллокутивную цель этих актов как выражение психологической реакции говорящего на положение дел или поведение адресата речи (Searle, 1969, 12-13). Общий тип экспрессивов дробится на частные акты, в которые Серль включает акты социального этикета (behavitives, по Остину). К ним относится и речевой акт “благодарность”. Подчеркивая конвенциональный характер подобных речевых актов, Серль отмечает, что хотя реакция – это явление индивидуальной психики, она лежит в основе создания привычек и стереотипов. Если привлечь во внимание социальный характер акта речи, то станет понятной тенденция языковой реакции к превращению в стереотип. Постепенно в языковом коллективе создаются стереотипные реакции, которые значительно облегчают процесс общения, хотя полностью они не исключают индивидуальных установок, которые создают психолингвистическую основу для языкового творчества.

Речевые акты, которые включают стимул со стороны говорящего и рефлекс на этот стимул со стороны адресата, как правило, реализуют несколько прагмем. Понятие “прагмема”, которое активно используется в нашем исследовании, было предложено В.Г. Гаком. Исходя из того что явления языка тесно связаны с жизнью людей, В.Г. Гак рассматривает речевой акт как двустороннюю знаковую сущность, в которой план выражения формируется определенным набором способов выражения, а план содержания составляет определенную социальную функцию – прагмему (Гак, 570).

Расхождения в разных языках в использовании одинаковых этикетных форм часто касаются узуса, закономерностей употребления языковых средств в речи. Одна и та же этикетная формула существует в обоих языках, но ее использование расходится в частности, которые оказываются релевантными в определенных ситуациях. Типичным при-

мером неодинаковых вербальных реакций в различных конкретных условиях общения (а эти реакции обусловлены поведенческим аспектом в сфере языка) является использование формы благодарности.

На мысль о том, что речевые акты благодарности имеют узуальные расхождения в различных языках навело нас сочинение одного французского студента, который писал, что перед поездкой в Россию он был приглашен вместе с другими студентами, ехавшими к нам на стажировку, в Министерство иностранных дел Франции. Чиновник, который проводил инструктаж, дал им такое напутствие: "Только не забудьте, что в России надо благодарить за все, нужно постоянно всем и везде говорить "спасибо". Благодарность — один из универсальных речевых актов, известный всем культурам. Он представляет собой реакцию говорящего на вербальную или невербальную деятельность собеседника. В теории речевых актов благодарность рассматривается в терминах "затрата", "прибыль" как символическая компенсация за труд, проделанный собеседником за его усилия во благо говорящему (*Havercate, 93*). По мнению голландского лингвиста Х. Хаверкате, существуют значительные различия в наборе тех ситуаций, когда принято и когда не принято благодарить в Испании и Голландии. Незнание этих различий может привести к культурному шоку и даже провалу межкультурной коммуникации. Он пишет: "la cultura española difiere de la holandesa en que, por regla general, no concede valor particular al emitir fórmulas de agradecimiento como respuestas verbales a actos rutinarios, efectuados dentro de un patrón interaccional preestablecido (...). Así pues, no es raro que, dentro del contexto de los actos rutinarios, el comportamiento interaccional de los españoles les parezca descortés a los holandeses, mientras que a los españoles la reacción verbal preferida por la cultura holandesa les dé la impresión ser exagerada o superflua" (*Havercate, 95*).

Х. Хаверкате верно отмечает, что применение формул благодарности в испанской разговорной речи более избирательно, чем в голландском — и добавим, в русском — языках, но и оно подчиняется некоторым закономерностям узуса в рамках фиксированных ролевых структур (*patrón interaccional establecido*).

Наблюдения автора этих строк показали, что вербальное использование/неиспользование благодарности в испанском языке обусловлено двумя факторами. Во-первых, оно в значительной мере связано с социальными ролями говорящих. Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы и составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. При асимметричных отношениях, например, в сфере бытового обслуживания "клиент-обслуживающее лицо", благодарность всегда исходит от того, кто находится в зависимой ролевой позиции — таксиста, железнодорожного ревизора, продавца,

парикмахер, официанта и т.д. Однако миграция населения, большой приток иностранцев, влияние дублированных фильмов в какой-то степени оказывают воздействие на функционирование этикетных форм. В этой связи известный филолог Фернандо Диас Плаха с грустью замечает: “Сейчас я наблюдаю такую тенденцию: люди говорят “спасибо”, например, официанту, который принёс им тарелку; такого никогда не было в нашей стране, пока нас не приучили к этому американские фильмы” (Díaz-Plaja, 52)

“Gracias”, произнесенное клиентом в ассиметричной ролевой ситуации, может восприниматься как проявление отказа от предложенной услуги:

—¿Se la ofrece algo más?

—Gracias.

Обычно эта формула отказа сопровождается резким отмахом руки слева направо и конкурирует с вербальными рефлексам: No; No, gracias. No, aunque se lo agradezco.

Таким образом, если служащий (или обслуживающий) выполняет свои обязанности в рамках служебных правил, это воспринимается как стандарт, как явление нормы, не предусматривающее вербального выражения благодарности. Если профессиональное лицо делает для клиента нечто, выходящее за рамки его служебного долга (например, водитель автобуса, который открывает дверь бегущему навстречу пассажиру), ему говорят “gracias”.

Во-вторых, в ситуации симметричного общения, когда социальные роли коммуникантов одинаковы, принято словесно благодарить за то, что говорится или делается в интересах говорящего и не является проявлением тех форм социального поведения, которые коммуниканты интерпретируют как взаимные права и обязанности (*patrón interaccional establecido*). Вербально благодарят за оказанную услугу, подарок, приглашения, помощь, добрые отношения и т.д.: Gracias por ofrecérmelo. Te agradezco tu buena disposición. Gracias, agradezco mucho su invitación. Принято благодарить на улице незнакомых людей, которые отвечают на вопросы “Как пройти...?”, “Где находится...?”, потому что факт предоставления такой информации воспринимается как услуга. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, в ответ на вопросы-приветствия типа ¿Qué tal? ¿Cómo estás? преимущественно употребляется ответ, не включающий форму благодарности: Bien, bien; Estupendo; Fatal; No estoy muy bien; Así así и т. д., хотя в ответах на более, прямые вопросы ¿Estás bien? ¿Todo bien? возможно вербальное выражение благодарности: Bien, gracias.

Репертуар этикетных формул испанского языка ограничен. Перечислим их: gracias, muchas gracias, mil gracias, muy amable, te lo

agradezco, cuanto se lo agradezco, le estoy muy agradecido (por su voluntad), le estoy muy reconocido, muy agradecido, se agradece, Dios se lo pague, Dios le bendiga, gracias y me quedo corto.

Важно заметить, что в сознании говорящих существует некоторое различие в использовании этикетных формул. Формулы благодарности *Mil gracias, te agradezco la ayuda, le estoy muy reconocido* и др. характеризуют использование норм социального этикета во втором типе отмеченных ситуаций.

Данные опроса 23 информантов выявили некоторые функционально стилистические различия в использовании этих форм. Если формула *gracias* нейтральна и может быть применена в разных регистрах *Gracias por acompañar* (нейтральный регистр); *Gracias por habernos acompañado en nuestro dolor* (официальный стиль), но более свойственна разговорной речи, то три других клише *Muy amable, Le agradecemos su aroyo (esos libros), Te estoy muy reconocido (agradecido)* воспринимаются как принадлежность исключительно официального стиля. Вот яркий пример такого регистра:

- Pues mucho gusto en haberle conocido.
- Lo mismo digo.
- Encantado de saludarle.
- Es usted muy amable.
- Pues hasta otro día.
- Muy agradecido por todo, señoritas (*MM, 351*)

Хотя это диалог из художественного произведения, мы использовали его в качестве примера, потому что в нем отчетлива стилистическая однородность элементов книжного стиля, которые употребляются совместно и поддерживают друг друга, создавая атмосферу официальности и чопорности. Другой пример: — *Para evitar un deficit de proteinas se le servira un filete de vaca a la plancha una vez por semana. — Muy agradecido (JPDS, 18)*

Более того, есть расхождения и в значении этих клише. *Agradecer (No sabes cómo te lo agradezco)* означает, что говорящий оценивает услугу, оказанную собеседником, как значимую:

- Te lo agradezco mucho.
- No es nada. Aún quisiéramos hacer mucho más.
- Ya habéis hecho bastante. Gracias de todos modos (*ABV, 52-53*)

В состав этих формул может входить факитивное суждение, отсылающее к пресуппозиции. Оно может вводиться либо предложением “por”: *gracias por los libros, gracias por haberme traído los textos, te estoy agradecido (reconocido) por habérmelo dicho*; либо прямым дополнением: *te agradezco que me hayas ayudado, te agradezco tu ayuda, te lo agradezco.*

Наиболее характерно включение пресуппозитивной информации в формулы благодарности при выражении отказа типа:

Gracias por su ofrecimiento, pero...

Gracias por ofrecérmelo, pero...

Gracias por brindármelo, pero...

Gracias por su buena disposición, pero...

Возникающая семантическая избыточность служит для реализации вежливости. Вместе с тем, высказывания – отказ, содержащие формулы благодарности, всегда включают прагматические элементы аргументации, которые обосновывают причину отказа: Gracias, pero hoy me es imposible, lo siento; No sabes cómo te lo agradezco, pero no puedo aceptarlo; No, gracias, me da no sé qué aprovecharme de tu buena disposición. Выражение отказа с включением формулы благодарности (или сожаления) с последующей аргументацией, — норма вербального поведения представителей испанского социума.

Вербальный рефлекс Gracias, y me quedo corto, который означает “У меня нет слов, чтобы выразить благодарность”, связан со значением фразеологизма quedarse corto “недоставать кому-то чего-то” и в целом свойственен разговорному узусу.

Высказывание “Muy amable”, выполняющее ту же прагматическую функцию выражения благодарности отличается по своей организации от других форм акта благодарности. Если во всех других разновидностях этого акта отправной точкой рассмотренного высказывания был говорящий (Я благодарю), то это высказывание констатирующее: оно характеризует собеседника как человека любезного (Вы очень любезны), т.е. высказывание строится так, как будто ситуация является результатом наблюдения говорящего:

1. Venga usted por la tarde
- Muy amable ¿eh?
2. ¿Si le interesa algún dato?
- Muchas gracias. Sólo por curiosidad me gustaría saber el resultado de la autopsia. — Esta noche me acerca.
- Muy amable (FGP, 177)

Применение формул “Dios se lo pague” и менее употребительной Dios le bendiga (Да вознаградит Вас Господь!) характерно для кодифицированных употреблений. Оно встречается в речи религиозных людей, но особенно часто в словоупотреблении служителей религиозного культа:

— Sientese, hermanita, sientese.

— Dios se lo pague. Muchas gracias (I.I, 1967, 204)

В целом использование этого стереотипа характеризует речь людей старшего поколения. Если вы помогаете пожилому человеку перей-

ти улицу или выйти из автобуса, то можете услышать благодарность, сформулированную в такой форме. Однако в сознании испаноязычного социума, по мнению информантов, она не полностью утратила свое религиозное содержание, что произошло в аналогичном ситуативном стереотипе русского языка "Дай Бог тебе всего хорошего, сынок".

В разговорном словоупотреблении, особенно в речи молодежи можно услышать формулу "se agradece", по функции эквивалентную *gracias*. Это модное словечко, по-видимому, представляет собой осколок узуальной прежде просторечной формулы "se agradece + *compl. directo*". Надпись "Se agradece la voluntad" можно иногда и сейчас увидеть на картонках попрошайек ("дайте, сколько можете").

В клише, формально соотношенном с неопределенно-личным субъектом, камуфлируется I лицо говорящего (*se agradece = agradezco*). Устранение I лица как реализация стратегии вежливости, создание иллюзии его растворения в мнении социума — одна из типичных черт испанской разговорной речи.

— ¡Que tengan mucha suerte! — les grité
— Se agradece, morena (*AML, 367*)

В разговорном узусе есть одно употребление формулы "у *gracias*", которое выполняет иные прагматические функции:

1. Mama, quiero dos manzanas.
- Toma una у *gracias*.
2. ¿Cuántos nietos tienes ya, Manuel?
- Dos у *gracias*, Lotario (*FGP, 1981, 23*)

Этот стереотип имеет фиксированную синтаксическую позицию: он всегда завершает высказывание. Также он имеет фиксированное связанное значение и может быть отнесен к фразеологическим единицам. Интерпретация прагматического значения этой формулы, как показал исследованный материал, зависит от того, соотносится ли высказывание с I лицом или II и III лицом. При соотношении с говорящим высказывание приобретает констатирующее значение и имеет иллюкутивный эффект:

1. - Сколько у вас уже внуков, дон Мануэль?
- Двое, и достаточно, Лотарио.

Если субъектом высказывания является собеседник или третье лицо, высказывание носит перлокутивный характер "нужно довольствоваться тем, что ты имеешь":

2. - Мама, я хочу два яблока.
- Возьми одно и скажи спасибо (= "и будь доволен", "и хватит с тебя", "и на том спасибо").

Прагмемы наиболее частотного стереотипа "*gracias*" воспринимаются говорящими неоднозначно, о чем свидетельствуют различные

формы ответных реакций, произносимые как отклик на благодарность. В ситуации городских стереотипов "магазин", "почта", "парикмахерская", "ресторан", "вокзал" и т.п. клиент, как правило, сам не выражает благодарность в словесной форме, но реагирует паравербальными средствами (мимика, жест), либо посредством автоматизированных вербальных реакций: A ti, a usted (реже — de nada):

— Aquí tiene usted la vuelta. Y gracias.

— A ti. Hasta luego.

Широко распространена в ситуации "обслуживающее лицо-клиент" несимметричная форма завершения контакта: обслуживающее лицо использует формулу благодарности, клиент — речевые формулы выхода и контакта: Vale, Adios.

При выражении реакции на менее стандартную конвенциональную благодарность используется другой набор ответных формул, что, на наш взгляд, отражает наличие в сознании говорящих иной прагмемы (благодарность за оказанную услугу). Это речевые формулы de nada, nada, (обычно с повтором nada) por nada, que no es nada, no hay de qué, no hay por qué que darlas, no faltaba más, no, no tiene importancia, para eso estamos, estoy para servirle, ¿de qué?, no las merece. Это шаблоны-реакции, но за ними закреплена определенная прагматическая функция: социальная заданность структуры общения предполагает, что "бенефициант" оценивает свое действие как соответствующее нормам, а отсюда нет необходимости благодарить за него. Стратегия вежливости требует, чтобы асимметричная ролевая ситуация была переведена в симметричную, и таким образом было установлено равноправное партнерство.

Реакция на благодарность может соотноситься с разными регистрами: нейтральным (de nada, no tiene importancia, por nada), неофициальным (que no es nada; nada, hombre, nada; no faltaba más, ¿de qué?) или официальным (no se las merece). Последняя речевая формула используется в речи людей старшего поколения. Важно, что формулы ответа на благодарность типа "Para eso estamos" и "Estoy para servirle" указывают на ассиметричные ролевые отношения говорящих и характерны для словоупотребления лица, находящегося в зависимой позиции (Gelabert, 39). По свидетельству испанских лингвистов, вербальные рефлексy No hay de qué y No hay por qué darlas преимущественно являются ответной реакцией на антиципированную благодарность (Gelabert, 39):

- ¡Te estaré tan agradecido!

- ¡ No hay de qué!

Если в испанской речи не употреблены эти стереотипы, это вовсе не означает, что благодарность не выражается вообще: меняются лишь формы и способы ее применения. Это и невербальные формы поведения (мимика, жесты) и косвенные формы выражения благодарности. Полу-

чая подарок, говорящие хвалят его, сопровождая стандартными наборами клише: ¡Ay, qué bonito! Es una monada и т.д. Другой пример. В отличие от российского обычая в Испании не принято говорить "gracias", вставая после еды из-за стола; блюда обычно хвалят (¡Ay, qué rico!, Está buenísimo) по мере их подачи на стол, выражая тем самым благодарность хозяевам.

Сказанное также не означает, что все говорящие члены социума в этих ситуациях ведут себя одинаково. Общение — это межличностный процесс, который обусловлен не только факторами социального этикета, о котором шла речь, но и целым комплексом причин различного характера, которые оказывают влияние на межличностное общение (степень знакомства с собеседником, характер отношений между ними, психологические свойства и возраст говорящих, их пол и т.д.). В описаниях таких речевых актов, идеально приближенных к реальной ситуации, все эти параметры должны учитываться. Сказанное нами отражает лишь некоторые тенденции речевого поведения испанцев в реализации речевого акта благодарности, потому что закономерности речевого поведения никогда не могут формулироваться также строго, как правила грамматики. Индикатором разных прагмем являются различные формы реакции на благодарность. Эти тенденции речевого поведения могут быть представлены в виде шкалы и формулироваться в терминах "чаще/реже", "больше/меньше" (Гак, 142).

Однако знание этих тенденций очень важно для подлинного овладения иностранным языком, она дает возможность обучить иностранцев аутентичному поведению в диалоге. "Спасибо" и "gracias" — это эквиваленты в плане семантики, но вместе с тем — формулы, наделенные разными прагматическими функциями и по ситуациям общения и по степени частотности их использования.

Как справедливо заметил Лич, "понятие вежливости — это понятие относительное. Нормы ее использования определяются нормами социального поведения в пределах каждой конкретной культуры. Мне всерьез говорили, например, что "русские и поляки всегда невежливы", а по расхожему представлению "китайцы и японцы очень вежливы" в сравнении с европейцами и т.д. (...). Одной из задач науки, которую я назвал "социопрагматикой", является исследование расхождений различных языков в плане использования принципов вежливости" (Leach, 1983, 84).

Л и т е р а т у р а

Гак — Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
Díaz-Plaja — Díaz-Plaja, F. Manual de Cortesía y Convivencia. Madrid, 1966

Gelabert — *Gelabert, J.; Herrera, M.; Martinell, E.; Martinell, F.* Repertorio de funciones comunicativas del español. Madrid, 1998.
Haverkate — *Haverkate, H.* La cortesía verbal. Madrid, 1994.
Leech — *Leech G.* Principles of Pragmatics. London, 1983.
Searle — *Searle G. R.* Speech Acts. Cambridge, 1969.

Источники и сокращения.

ABV — A. Buero Vallejo. El tragaluz. Madrid, 1970.
AML — A. M. Lera. Se vende un hombre. Barcelona, 1973.
F. G. P — F. Garcia Pavyn. El rapto de las sabinas. Barcelona, 1969.
M. M. — M. Mihura. Mi adorado Juan. Waltham, 1967.

Речевой акт «тост» в пиренейском варианте испанского языка

© кандидат филологических наук *О. М. Мунгалова, 2000*

Существует один частный речевой акт, который выявляет некоторые тенденции в отражении мира испанским социумом. Это речевой акт — «Тост», один из наиболее ритуализованных вербальных актов в речевом поведении испанцев. Его функция — этикетная, а прагматическая цель — проявление внимания и дружеской симпатии к адресатам речи — установление и поддержание контакта и заполнение речевых пауз при попытке коммуникантов найти тему для дальнейшей беседы.

Испанское застолье не предполагает обязательной процедуры произнесения тоста. Эта реалья существует, но она не совпадает в русской и испанской культуре. В испанском обычае вино принято пить во время каждой еды, в обед и в ужин, оно воспринимается как естественный атрибут принятия пищи. Тосты не представляют собой организационную сторону любого застолья и не имеют дифференциации по видам ритуалов (ср. русские обязательные тосты во время свадебного обряда, на поминках и пр.) Поведенческие особенности в сфере реализации тоста в Испании состоят в том, что его произносят в тех случаях, когда он связан с особыми обстоятельствами и символами: обед по случаю дня рождения, свадебный обед, дружеский обед по поводу религиозных праздников и т.д.

Обычно семейные обеды, даже воскресные, когда за столом собирается не более десяти человек, не сопровождаются тостами. В семейной обстановке тосты принято произносить на обедах по поводу Пасхи, Рождества и праздника святого покровителя города (или селения): “¡Por Navidad!”, “¡Para que pasemos una buena Pascua!”, “¡Por San Antonio!”. Семейное застолье допускает тосты в особых случаях, например, на обеде по случаю рождения ребенка: “Por vosotros!”, “¡Por tu hijo!” или по случаю служебного продвижения кого-либо из родственников: “¡Por ti!”. Если у кого-либо из присутствующих есть в этот период серьезные жизненные проблемы, к нему могут обратиться с тостом-пожеланием: “Edu, qué te vayan mejor las cosas!”.

В атмосфере дружеских обедов тосты можно произносить, когда число присутствующих превышает десять — двенадцать человек. Хотя тосты как реалья существуют и в этой обстановке, их исполнение, по свидетельству информантов, воспринимается как некая обязанность. Часто присутствующие за столом забывают о том, что нужно произнести тост и о нем вспоминают в конце обеда, когда подано десерт и шам-

панское. Кто-нибудь из присутствующих выражает эту обязанность вербально в форме высказывания с деодентической модальностью: — “Tenemos que brindar.” — “¿Por que brindamos?” — “Por nosotros”, тем самым показывая, что социальная условность соблюдена.

На свадебных обедах при большом стечении гостей тосты носят не такой стандартный характер. Специальных ритуальных тостов, соответствующих русскому “За здоровье молодых” и т.д., не существует. Свадебные тосты носят шуточный и часто импровизационный характер, обычно вспоминают прегрешения жениха во время его холостяцкой жизни и советуют ему быть серьезнее: “Brindo porque seas mas serio, hombre!”.

Что касается поминок, то в Испании не принято устраивать ритуальный обед после похорон близкого человека.

В плане выражения тосты формулируются в виде набора стандартных клише, которые, как правило, не предполагают индивидуального речетворчества говорящего. По своей синтаксической организации это преимущественно номинативные высказывания:

Salud; A tu salud; Por tu salud; Por nosotros; Chin-chin; Salud y pesetas; Salud y pelas; Salud, dinero y amor;¹

Salud y pelas y el tiempo para gastarlas.

Тост может включать глагольный элемент с перформативным значением (brindo) или содержать призыв к совместному действию в форме I лица сослагательного наклонения глаголов brindar y beber: Brindo por Fulano; Brindemos; Bebamos a la salud de Fulano, Levantemos las copas para brindar por Fulano.

Как послесловие к тосту существует шуточное добавление: “Hasta verte, Jesus mio” (букв: “Пока мы не увидим тебя, Господи!), что означает в русском языке “Пьем до дна!”. Любопытно происхождение этого выражения. Дело в том, что на дне стаканов, выпускаемых в стекольных мастерских монастырей Талаверы, было нарисовано изображение Христа или начертана его анаграмма JHS, которые можно было увидеть, только опустошив сосуд (Candyn, 122).

В семантическом плане высказывания, функционирующие как тост, распадаются на три типа:

- Тосты – пожелания: Salud
- Тосты – поздравления: Por tu hijo
- Контактостанавливающие (фатические) тосты: Chin-chin, Brindemos.

¹ Эту узуальную формулу тоста некоторые испанцы расценивают как не очень изящную.

Изучение речевого акта “Тост” важно не только в плане речевого поведения, но и в идеологическом аспекте как отражение иерархии ценностей, которые существуют в жизни испанца, так как “социально-обозначенное поведение человека представляет составную часть культурного пространства” (Гак, 140). Хотя эти формулы можно уподобить стершимся лексическим метафорам, утратившим свою первоначальную образность, их этикетный конвенциональный характер, тем не менее, отражает испанскую национально-культурную специфику ценностных приоритетов в удовлетворении естественных человеческих потребностей.

В тосте, как представляется, сконцентрирована система и иерархия ценностей в сознании определенного социума. Семантический анализ речевого акта “Тост” обнаруживает, что в Испании основным общим пожеланием партнерам в ситуации застолья является пожелание здоровья, которое расценивается как главная естественная ценность в жизни человека. Это пожелание реализуется в виде вербальных реакций, которые содержат стандартизованные реплику-стимул и реплику-ответ партнера(-ов) по коммуникации, который в силу социальных конвенций, соблюдая правила вежливости, обязан компенсировать пожелание говорящего ответным пожеланием здоровья (как правило, в форме симметрического повтора – “эха”).

1. — A su salud
— A la suya
2. — A tu salud
— A la tuya
3. — Salud
— Salud

В аспекте формальной организации в эти высказывания может быть включена позиция адресата речи в виде притяжательных местоимений “A tu salud/A su salud”. Однако в тосте формальная ориентация высказывания на адресата не является обязательной: он может быть реализован в форме высказывания обобщенной семантики с устраненным субъектом. Такая форма реализации пожелания представлена номинативным предложением “Salud”. Отсутствие формальной ориентации высказывания на собеседника обусловлено ситуацией непосредственного общения. Вместе с тем, устранение субъекта приводит к увеличению семантической емкости высказывания: его обобщенный характер позволяет говорящему адресовать пожелание не только собеседнику, но и самому себе включительно (“За наше здоровье!”). Хотя все эти пожелания – тосты носят конвенциональный характер, способы формулирования данной прагмемы отражают некоторые общие тенденции языкового поведения испанцев и специфику их мировосприятия.

В обиходно-разговорной речи при неофициальных отношениях между говорящими с установкой на шутку используется следующий репертуар тостов-пожеланий:

- Salud y pesetas
- Salud y pelas
- Salud y pesetas y el tiempo para gastarlas.
- Salud, dinero y amor

Здоровье, материальное благополучие, любовь, долгая жизнь – это универсальные общечеловеческие ценности, поэтому они легко объединяются в тосте в единый прагматический класс на основе их функциональной общности (выражение пожелания). “Формирование прагматических классов – постоянное проявление человеческого мышления в действии, оно отражается в актах речи (...) ...Особенностью прагматических классов в плане содержания является частое объединение в них элементов онтологически отдаленных или даже несовместимых классов, их эвфемность, ...способность оперировать прагматическими классами ad hoc, легко создающимися и столь же быстро исчезающими из сознания, когда в них отпала необходимость, представляет собой уже свидетельство безграничной гибкости, пластичности человеческого мышления” (Гак, 35, 40).

При расщеплении тоста-пожелания на более тонкие сущности, выстраивается парадигма соотнесения социально ценностных значимостей. Эта иерархия отражена фиксированным порядком следования компонентов, который присутствует в различных структурных модификациях *тостов-пожеланий*:

- здоровье – деньги;
- здоровье – деньги – долгая жизнь, чтобы насладиться радостями бытия;
- здоровье – деньги – любовь.

Фиксированный порядок следования элементов внутри этого прагматического класса оказывается релевантным для интерпретации иерархии понятий в системе ценностей испанского социума. Главная и самая важная естественная необходимость человека – здоровье, однако, чтобы человек был счастлив, ему нужны деньги. Сила денег отражена и в паремиологии: “El dinero es el primero”; “El dinero es caballero”; “El dinero es el mundo entero”. Деньги, материальное благополучие занимают в системе ценностных приоритетов второе место, далее следуют любовь и долгая жизнь.

Однако долгая жизнь – ценность только при наличии денег (el tiempo para gastarlas). Показательно, наблюдения над “паремиологическим пластом” с денежной тематикой, осуществленные Ю.А. Шашковым, целиком подтверждают ценностные установки испанского социу-

ма, в которых выявляется следующая иерархия приоритетов: здоровье – деньги – любовь (*Шашков 1998, 87*).

В “мужских” тостах, произносимых в дружеской атмосфере мужского застолья, говорящий с установкой на шутку может персонифицировать в тосте свое восприятие любви: “Salud, pelas y mujer de muchas tetas”.

Тосты – пожелания могут быть оформлены в виде оптативных предложений, вводимых союзом “que” у непосредственно ориентированных на адресата речи: ¡“Que te vayan mejor las cosas!” или включить себя в число лиц, на которых распространяется пожелание: ¡“Para que rasemos una buena Navidad!” В оптативные высказывания может быть введен перформативный глагол “brindar”: ¡“Brindo porque el año que viene nos vaya mejor!”. Для речевого поведения испанцев в дни праздничных застолий, когда принято произносить тосты, но как бы не существует норм осуществления этого ритуала, характерно формальное соблюдение обычая. Поэтому ближе к окончанию праздничного застолья, связанного с перечисленными поводами, задается риторический вопрос: “¿Por que brindamos?, и следом за ним сам говорящий, как правило, формулирует тост: “Vamos a brindar por nosotros!”

Другая разновидность тостов – тосты–поздравления. Они вводятся предлогом “por” в сочетании с существительным или местоимением (“Por tu viaje”, “Por tí”). В пресуппозиции этих высказываний фактивное суждение, субъектом которого является адресат тоста, т.е. в тосте выражается поздравление за успешные действия, осуществленные партнером по коммуникации. Интерпретация тоста “Por tí” опирается на фонд общих знаний собеседников и ее прагматический смысл выводится отдельно в каждой конкретной ситуации. Этот тост может означать: “За твой приезд”, “За то, что у тебя родился ребенок”, “За то, что ты закончил университет” и т.д. Пропозициональное содержание пресуппозиции может быть раскрыто в тосте, “Por vosotros que habéis salido con la vuestra!” но, как правило, этого не происходит. Такие двухзвенные структуры тоста обладают менее конвенциональным характером и более эмоциональны за счет введения аргументации, которая основана на причинных отношениях. Аргументация, с одной стороны, подчеркивает мотивацию говорящего, а с другой, дает доводы для убеждения собеседников, делает тост более эмоциональным.

Третья разновидность тостов, выделяемая нами, носит еще более конвенциональный характер и выполняет фатическую функцию заполнения пауз. Формой выражения этого тоста является либо призыв к осуществлению совместного действия (¡brindemos!), либо звукоподражание, имитирующее звон стекла при столкновении бокалов: “Chin-chin”. Звукоподражание “Chin-chin” — это символический вербальный текст,

который сопровождается кинетическим жестом сближения бокалов (или поднятием бокалов). Исследователи живой разговорной речи отмечают изобразительный характер подобных коммуникативных единиц и рассматривают как своеобразные “креолизованные сообщения” (жест + вербальный текст), которые в речевом акте выступают в качестве самостоятельных коммуникативных единиц (PPP 1973, 481). В речевой формуле “Chin-chin” наблюдается крайняя степень десемантизации прагмемы тоста. Социальная функция тоста реализуется символически как обозначающее без обозначаемого, как простое соблюдение ритуала.

Итак, независимо от конкретных разновидностей тоста, представленных разными типами высказываний (констатирующих, побудительных) можно обнаружить некоторые общие тенденции в реализации этого частного речевого акта, которые отражают определенные национально-обусловленные стереотипы испанского народа.

Л и т е р а т у р а

Гак — Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

PPP — Русская разговорная речь. М., 1973.

Шашков — Шашков Ю.А. О национальном менталитете испанцев и русских (из наблюдений над фольклором) // Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации. М., РУДН, 1998.

Ñandón — Candón, M; Bonnet, E. A buen entendedor... Madrid, 2000.

Gelabert — Gelabert, J.; Herrera, M; Martinell, E; Martinell F. Repertorio de funciones comunicativas del español. Madrid, 1998.

Функционально-прагматические и когнитивные особенности использования комментирующих предложений в современном английском языке

© кандидат филологических наук *Н. В. Митева*, 2000

Настоящая статья посвящена проблемам изучения функционально-прагматических и когнитивных особенностей использования комментирующих предложений в современном английском языке на материале научного филологического текста.

Традиционным для синтаксиса является изучение предложений и до недавнего времени почти все синтаксические исследования сводились именно к изучению структуры предложения. Однако в последние десятилетия наметилась явная тенденция к тому, что синтаксис понимается намного более широко по сравнению с тем, как это делалось в XIX веке и в первой половине XX века. Функциональное направление, которое в последние десятилетия стало ведущим в языкознании обусловило необходимость выхода за пределы отдельно взятого предложения, которое в большинстве случаев функционирует в составе более протяженного отрезка речи и выполняет определенную коммуникативно-прагматическую роль. Появление в 80-тых годах «когнитологии» или «когнитивной» науки, в рамках которой исследуются процессы усвоения, накопления и использования информации человеком, стало толчком для изучения связного текста или дискурса.

Изучение комментирующих предложений в плане функционально-прагматических и когнитивных особенностей их использования в интеллективном тексте стало особенно актуальным. Дело в том, что в лингвистической литературе не имеется однозначной трактовки этого явления. Комментирующие предложения рассматриваются в некоторых грамматиках¹ как особого рода придаточные предложения, которые присоединяются к главному предложению без всякого союза, и являются отдельным предложением, как правило, выражающим точку зрения автора. В других грамматиках² комментирующее предложение определяется как парентеза предикативного характера.

Важно отметить необходимость дальнейшего развития функционально-синтаксического исследования комментирующих предложений

¹ *S. Greenbaum*. The Oxford English Grammar, 1996.

² *S. Chalker, E. Weiner*. The Oxford Dictionary of English Grammar, 1994.

в составе предложения и текста как для общелингвистической теории, так и для выявления их роли в общей организации текста. Важно определить особенности использования данных комментирующих предложений как для передачи определенных значений, так и для общего построения речи.

Надо отметить, что несмотря на уже достаточную изученность сложноподчиненного предложения и сложного предложения вообще, комментирующие предложения оставались пока за пределами специального внимания лингвистов. В данной статье впервые предпринимается попытка всестороннего исследования функционирования и свойств именно этого типа предложений.

Сложное предложение уже давно находится в центре внимания лингвистики. Однако в настоящее время наблюдается безусловный поворот лингвистики в когнитивную область, потому что естественно язык является частью общей коммуникативной и когнитивной деятельности человека. То, как мы передаем наши мысли, чувства, информацию, экспрессивность и так далее, безусловно предопределено именно когнитивной деятельностью человека. Вопрос о базе знаний индивида, как известно, перерастает с середины 70-х в направлении, изучаемое в рамках когнитологии, области науки, ведающей вопросами усвоения, накопления и использования знаний индивидом в процессе речепроизводства. Имеющаяся у нас база знаний или «когнитивная карта»³ обеспечивает адекватное участие индивида в актах коммуникации, интерпретацию письменной речи, т.е. текстов, и находит свое выражение в конкретных языковых проявлениях. Для описания структуры базы знаний индивида было предложено понятие «фрейм», рассматриваемый как принцип организации знаний в памяти человека. Е. С. Кубрякова⁴ дает следующее определение «фрейма»: «... система выбора языковых средств — грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, — связанных с прототипом сцены. Кроме связей внутри фрейма, есть еще и межфреймовые отношения, существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой элемент, элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений и субстанций, также контекстов употребления в жизни человека». Понятие «фрейма» очень удобно для характеристики комментирующих предложений. При этом концептуально «фрейм» понимается как организующий принцип, в соответствии с которым информация «поступает» в память, хранится в ней, и исполь-

³ Miller G. Language and perception. 1976.

⁴ Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. П. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 187.

зуется индивидом в актах коммуникации, при интерпретации и создании текстов.

Для ученых, занимающихся лингвистикой, интерес представляет анализ того, как база знаний индивида выражается в различных формах средствами языка в речи и как она влияет на обработку индивидом устной и письменной речи (текстов). Как раз комментирующее предложение и является отражением того минимального отрезка знания, которое затем составляет более широкую картину не только предложения, но и всего текста в целом.

Текст в силу своей специфики, а именно не спонтанного, запланированного характера представляется богатым материалом для анализа функционирования составляющих его элементов языка. Однако само понятие текст до сих пор не имеет однозначной трактовки и четкого определения в лингвистике, несмотря на то, что с конкретными примерами текста мы сталкиваемся ежедневно. Вопрос о терминологическом различии между понятиями «текста» и «дискурса» влечет за собой одну весьма сложную проблему — чем отличается лингвистика текста и анализ дискурса. Исследования в области текста и дискурса, проводимые в настоящие годы показали, что термин «дискурс» следует использовать для обозначения текста, рассматриваемого с позиции функционально-прагматического подхода. Мы считаем, что комментирующее предложение относится именно к дискурсивным средствам языка, которые помогают сделать его более связным и понятным.

При изучении комментирующих предложений исходным служит следующий постулат: а именно, они рассматривались с точки зрения того, какую функцию они выполняют в тексте. При этом когнитивную функцию мы понимаем достаточно широко: как с одной стороны, передачу информации, определенного коммуникативного содержания высказывания, а с другой, выражающую индивидуальность автора, его когнитивные особенности, а также использование тех или иных единиц, в экспрессивных целях, т.е. с точки зрения возможности реализации при помощи комментирующих предложений функции воздействия.

Необходимо отметить, что, безусловно, сложноподчиненное предложение позволяет выражать самые разнообразные и сложные логико-семантические отношения. Следует отметить, что препозиция придаточного предложения свидетельствует о его логическом выделении, о его текстосвязующей функции, интерпозиция указывает на дополнительный характер информации. В настоящее время определяющим для выделения вторичной информации, парентетического характера придаточных является не столько форма и участие в формально-грамматической устроенности предложения, сколько функционально-коммуникативные характеристики: второстепенность, дополнитель-

ность передаваемой ими информации. В отношении комментирующих предложений отмечается, что большинство из них с простой синтаксической структурой, расположены внутри главного и выделены при помощи знаков препинания, имеют парентетический характер. Они имеют практически неизменную форму и достаточно часто встречаются в научных текстах.

Unfortunately, as we shall see, many people's knowledge of normal language is very shaky; (D. Crystal)

...and it is this intention which, as I shall later show, makes of every genuine act of speech a «sentence», not merely the use of words or a word. (A. Gardiner)

В научном тексте употребление комментирующих предложений обусловлено тем, что они вносят в него элементы экспрессивности и образности, которые, в свою очередь, подчинены прагматическим свойствам научного текста, а именно его аргументированности, доказательности, логической целесообразности и последовательности в изложении. Задача научного текста — выделяя существенные моменты в цепи логически аргументированных рассуждений, придать изложению убедительность, и это побуждает пишущего вносить в изложение элементы эмоциональной образности в целях усиления воздействующей функции.

В ходе исследования комментирующие предложения были разделены на три большие группы .

1) «независимые» предложения.

The remarks already made on the question of interest (p.111) will, I think, be confirmed by a consideration of the different ways of studying text. (H. Sweet)

We are here discussing speech and language and are agreed, I suppose, that these are not ends in themselves, but methods of attaining certain ends. (A. Gardiner)

The answer, I will argue, come from differences in their models of the family and in the family-based morality — from the distinction between what I will call the Strict Father and Nurturant Parent models. (G. Lakoff)

2) придаточные предложения предикативного характера, вводимые союзом *as*.

As we have seen, there is every reason why we should begin with the phonetic spelling, which it has served its purpose, may be put aside entirely. (Sweet)

As I mentioned above, conservatism and liberalism are not monolithic. (G. Lakoff)

James had shrewdly calculated the effect which his education would produce, and though, as I have just noted, the total «thing-meant» is not exactly identical for Mary and himself (A. Gardiner)

3) придаточные предложения неполного состава.

Hence, too, as already observed, there is no harm in giving at an early period pieces of simple poetry. (H. Sweet)

As suggested above, phonetics is the science of human speech-sounds. (Crystal)

С точки зрения общего содержания комментирующие предложения делятся на 3 категории:

1) категория отсылки — пишущий использует ее с целью сослаться на какой либо факт, литературный и иной источник, на свое предыдущее высказывание;

The answer is, as we see, that irregularities are psychological, not mechanical difficulties, and should therefore be mastered in the mechanical stage. (H. Sweet)

2) категория делиберативности — пишущий выражает сомнение, раздумья, оценку;

The pace of English language history quickens after William Caxton introduced the technology of printing into England in 1476, so it seems. (Sweet)

3) категория уточнения;

As (4.61) shows, left-detachment requires an anaphoric topic pronoun of the derseries, i.e. a pronoun marking the referent as active but not yet established as topic. (K. Lambrecht)

Комментирующим предложениям в силу особенностей их семантики свойственна относительная самостоятельность по отношению к главному предложению. В отличие от других типов придаточных предложений комментирующее предложение не зависит от какого-либо члена предложения конкретно, или от предложения в целом.

This, I believe, is generally done in the German grammars used in England. (D. Crystal)

Об отсутствии или слабой структурной обусловленности данных синтаксических единиц в предложении говорит факт их регулярного пунктуационного выделения посредством сдвоенных запятых в интерпозиции, запятой в препозиции и постпозиции.

The «rough edges», as some would have it, have been remarked. (D. Crystal)

As we see, the anomalies and irregularities of language retain all their practical difficulty, however much they may be illuminated by the light of history. (H. Sweet)

В проанализированных текстах видно, как комментирующие предложения, обладая чертами парентетических внесений, могут вторгаться в любые синтаксические построения: они часто находятся между подлежащим и сказуемым, занимают позицию внутри составного сказуемого, между предлогом и существительным, местоимением.

The older meaning, it is said, is the «correct» meaning. (D. Crystal)

... even if it does no other good, it will at least, as remarked before, serve to give him practice in the foreign language. (H. Sweet)

Исследование материала обнаружило разную степень выраженности свойств парентетичности комментирующих предложений, черты внесенности данных конструкций проявляются по-разному в зависимости от местоположения в предложении. Наиболее парентетичны в пределах предложения комментирующие предложения, занимающие срединное положение, наименее — в препозиции к основной части предложения. Сила выражения комментирующего значения также зависит от положения по отношению к главному предложению: наиболее сильно комментирующее значение выражено в препозиции, менее сильно — в интерпозиции, и слабее всего — в постпозиции.

Utterance, as we have already emphasized, should be regarded as the expenditure of bodily energy in muscular efforts, as a grouped pattern of bodily movements which can be heard, rather than as a string of sounds deliberately produced by a sequence of tongue positions and mouth movements. (J. Firth)

... As we have seen, there is every reason why we should begin with the phonetic spelling, which, when it has served its purpose, may be put aside entirely. (H. Sweet)

Комментирующее предложение в начальной позиции не только выделяет последующую информацию, но также поясняет мысль высказанную в предыдущем предложении или абзаце, способствует смягчению категоричности высказывания, выполняет текстосвязующую роль, вводит в повествование самого автора.

As we see, the only way to avoid the necessity of making mistakes is either practically to do the work to the learner by giving him a more or less complete word-for-word translation. (H. Sweet)

Очень часто начальная позиция комментирующего предложения используется, с одной стороны, для привлечения внимания читающих, с другой стороны этим начинается пояснение, уточнение предыдущего высказывания, что требует дополнительной выделенности в тексте.

As I have indicated already, the only save concessions that can be made to interest are negative: be dull and commonplace, but not too much so. (H. Sweet)

As already remarked (p.14), the defects of a comparatively phonetic orthography such as that of Italian or Germanic can be easily remedied without substituting a new orthography. (H. Sweet)

Можно отметить интересную особенность, что при использовании комментирующих предложений в срединной позиции, автор либо уточняет мысль, высказанную ранее, либо демонстрирует свое отношение к описываемому.

But that, we must assume, is the exception rather than the rule — or at least it is a condition which can be identified and presumably remedied by a further course of teacher training. (P. Strevens)

Комментирующие предложения в конечной позиции в интеллективных текстах встречаются реже, но их роль в создании текста очень важна. С помощью таких предложений возможно выделение достаточно важной итоговой информации. Обычно авторы заканчивают ими абзацы в тексте, что доказывает их обобщающую функцию.

... This isn't a matter of the way these works use language in a memorial way — the «quotability», as some say. (D. Crystal)

Нельзя не отметить тот факт, что так называемые «независимые» предложения в большинстве случаев являются предложениями парентетического характера. Но в отличие от обычной парентезы, они не нарушают плавное течение мысли автора, а наоборот, дают возможность читающему сосредоточиться на предлагаемом материале.

I have heard people talk of the «educated» total as being in excess of 50,000 even 100.000 words. Part of the problem, I imagine, is what is meant by «educated». (D. Crystal)

Most other educated have developed an accent which is a mixture of RP and various regional characteristics — «modified» RP, some call it, or perhaps we should talk about modified RPs, as in each case the kind of modification stems from a person's regional background, and this varies greatly. (D. Crystal)

Как видно из приведенных примеров, выше представленные комментирующие предложения обладают достаточной степенью парентетичности. Практическое присутствие парентетических свойств у комментирующих предложений, находящихся в препозиции к главному предложению, объясняется проминантностью начального положения. Как мы видим из примеров, наиболее сильно комментирующее значение проявляется в предложениях, находящихся в препозиции к главному, а для того, чтобы особенно проявилось свойство парентетичности, требуется ослабление значения комментирования — тогда возможно возникновение различных дополнительных значений, сопутствующих свойству парентетичности.

Следует отметить тот факт, что достаточно бывает поставить одно слово или несколько слов перед комментирующим предложением, чтобы это предложение перестало находиться в абсолютном начале предложения, и мы получаем как результат усиление его парентетического свойства.

Hence, too, as already observed, there is no harm in giving at an early period pieces of simple poetry. (H. Sweet)

В конечном положении также встречаются комментирующие предложения, которые обладают в меньшей степени парентетическими свойствами.

Regionally modified speech seems ready to make a come-back in educated British society. In Victorian times, regional accents were heavily stigmatized, and this attitude is still to be found, as we have seen. (D. Crystal)

Необходимо отметить, что, безусловно, обладая многими чертами парентетический внесений, комментирующие предложения тяготеют к тому, чтобы являться более важным элементом в тексте, чем парентетическое внесение, потому, что они, во-первых, имеют свою предикацию, могут даже подчинять себе другое предложение, являясь лидирующими в составе предложения и контекста, они всегда содержат в себе определенный фрейм информации, который может носить не только второстепенный характер, быть важным для понимания текста в целом и создания картины мира, которая отражается в тексте, выражением пространственно-временных отношений в тексте, таким образом принимая участие с созданием общего «сценария» большого отрезка текста (в понимании его как дискурс).

Когнитивные стереотипы и их обыгрывание в дискурсе качественной прессы

© кандидат филологических наук Е. О. Менджерцицкая, 2000

Читая качественную прессу на разных языках, можно обнаружить многочисленные примеры когнитивных стереотипов. Под когнитивными стереотипами понимаются наиболее стандартные представления, связанные с употреблением тех или иных клише, цитат, идиом, названий, знакомых носителям данного языка и характерных для данного национального дискурса. Они ассоциируются с привычным контекстом их употребления, и применение их к другим ситуациям, а также нарушение устойчивых сочетаний в них меняет стереотипы, сложившиеся в ментальных представлениях носителей языка.

Этот прием распространен как в англоязычной, так и в русскоязычной прессе, причем особенно ярко он проявляется на уровне заглавий статей и рубрик, ибо именно они призваны привлечь внимание читателя к тому или иному материалу, обуславливая выбор чтения.

Так, в газете «The Economist» можно встретить примеры применения цитат, названий литературных произведений, фильмов и известных понятий к новым, необычным обстоятельствам, не связанным с их основным контекстом употребления:

“The Prince and the Pauper”

”The Silence of the Lambs”

“A Survival Guide”

То же самое можно обнаружить и в русскоязычном журнале «Карьера»:

«Хождение за три моря»

«Оптимистическая трагедия»

«Из света в тень перелетая»

«Цветы запоздалые»

С другой стороны, встречается и обыгрывание известных клише, цитат и названий, когда они подвергаются разрушению или в них привносятся новые компоненты, меняющие устоявшийся смысл и позволяющие применить их к новым обстоятельствам:

“The Unbearable Lightness of Finance”

”No Ivory Towers”

“The French Lender’s Woman”

“Uniting the Kingdoms”(“The Economist”);

«Записки охотницы. Самые завидные женихи России-99»

«С места — в карьеру»

«Топография. Рейтинг лучших топ-менеджеров» («Карьера»)

Наряду с названиями известных литературных произведений, фильмов и некоторыми устоявшимися понятиями и изречениями, знакомыми каждому носителю данного языка, разрушению, а значит и переосмыслению в связи с новым когнитивным содержанием, подвергаются также известные цитаты. Причем в русскоязычной прессе этот прием пользуется неизменной популярностью, поскольку цитаты берутся из, как принято сейчас говорить, «культовых» произведений:

«На лицо ужасные, добрые внутри»

«А вас я попрошу остаться»

«Пейджер жив. Пейджер будет жить»

«Если друг оказался вдруг»

Особо следует отметить новую тенденцию, наметившуюся в современной русской речи, которая находит отражение прежде всего в языке средств массовой информации. В силу все большего распространения английского языка в нашей жизни и проникновения многих западных понятий в наш обиход (а стало быть, и в сознание), наблюдается своеобразная интерференция русского и английского языков, создающая новые представления не только на уровне понятий, но и на уровне языкового употребления:

“Step да step кругом”

“Байки о Bike”

“PR-остота лучше воровства”

Безусловно, юмористический и эмфатический эффект этих названий основан на разрушении национально-культурных ментальных стереотипных представлений, сложившихся у носителей данного языка, и/или их заменой другими представлениями. То, что это происходит в публицистическом дискурсе, связано с его типологическими особенностями. Дискурс понимается как процесс, протекающий при наличии как минимум двух участников, интерпретирующих высказывания друг друга (см. подробнее Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина «Краткий словарь когнитивных терминов» М., 1996, с.23), с одной стороны, а с другой – как вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты (см. В.В. Красных «Виртуальная реальность или реальная виртуальность?» М., 1998. С.190). В этом случае дискурс качественной прессы направлен на привлечение внимания читателя и воздействие на него, вплоть до изменения его мировоззрения.

Здесь приводились примеры лишь из двух изданий, «The Economist» и «Карьера», но исследования показывают, что и другие журналы и газеты из разряда качественной прессы (которая анализируется имен-

но потому, что дает нам своего рода образцы речи на данном языке и может использоваться, таким образом, в целях преподавания), такие как, например, «Time», «Newsweek», «Власть» демонстрируют те же тенденции.

Наблюдая активное использование приема разрушения когнитивных стереотипов в прессе на разных языках, мы можем говорить об этом приеме как о своего рода универсальном способе воздействия на читателя, имеющем определенные особенности в разных национальных дискурсах.

ОБ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ ПОБУЖДЕНИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.И. Изотов

В случае с иллокутивно специализированным побуждением и в русском, и в чешском языках речь идет прежде всего о побудительных эксплицитных перформативных конструкциях. В отличие от иллокутивно универсальных конструкций с императивом, конструкция перформативная позволяет более или менее однозначно специфицировать иллокутивный тип побуждения в обоих сопоставляемых языках, ср. чешск. *Přikazují ti (rozkazují ti, zakazují ti, žádám tě, vyzývám tě, prosím tě, navrhuji ti, doporučuji ti, radím ti...), abys tam přišel /...abys tam nechodil* и русск. *Я приказываю тебе (велю тебе, запрещаю тебе, требую от тебя, призываю тебя, прошу тебя, предлагаю тебе, рекомендую тебе, советую тебе...) туда пойти / туда не ходить.*

Так же, как и в случае с иллокутивно универсальным побуждением, речь идет о категориальной императивности, поскольку главной (а в большинстве случаев и единственной) функцией высказываний рассматриваемого типа является именно экспликация побуждения, однако в отличие от императивных побудительных высказываний, побудительные высказывания перформативные за пределами письменного официально-делового общения достаточно малоупотребительны. Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой материале¹ перформативные выска-

¹ Мы подвергли статистической обработке приблизительно равные (по пять тысяч единиц для каждого языка) массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы, при этом мы старались использовать соотносительные по объему произведения. Были использованы следующие издания: *Adlová V. Růže z Flander.* Praha: ČS, 1976. 168 s. *Erben V. Poklad byzantského kupce. Bláznová smrt.* Praha: ČS, 1986. 352 s. *Frais J. Klec plná siláků.* Praha: ČS, 1978. 188 s. *Franková H. Ubohý Džony.* Praha, ČS, 1988. 304 s. *Kadlec J. Balada o smutném boxerovi.* Praha: ČS, 1981. 208 s. *Kapek M. A je to gól!* Praha: Práce, 1983. 368 s. *Klevis V. Abiturienti.* Praha: ČS, 1975. 180 s. *Körner V. Anděl milosrdenství.* Praha, ČS, 1988. 200 s. *Kratochvíl M. V. Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech.* Praha: ČS, 1982. 528 s. *Marek J. Můj strýc Odysseus.* Praha: MF, 1979. 276 s. *Navrátil J. Košťýř.* Praha: ČS, 1978. 144 s. *Petiška E. Svět plný lásky.* Praha: ČS, 1979. 236 s. *Psůtková Z. Růže z Bertramky.* Praha: ČS, 1988. 168 s. *Souchop J. Laskavý nezájem.* Brno: Blok, 1986. 208 s. *Suchl J. Hledání červené rukavičky.* Praha: ČS, 1977. 120 s. *Štěpán L. Vysoko letí ptáci.* Praha: ČS, 1980. 180 s. *Švandrlík M. Vražda mlsného humoristy.* Praha: Práce, 1990. 144 s. *Volný Z. Den neposkvřněného srdce.* Praha: ČS, 1980. 236 s. *Аксенов В. П. Остров Крым.* М.: Изобраз, 1997. 416 с. *Алешковский Ю. Кенгуру.* Воронеж: АМКО, 1992. 192 с. *Булычев К. Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху.* М.: Армада, 1998. 474 с. *Войнович В. Н. Москва 2042.* М.: СП Вся Москва, 1990. 350 с. *Довлатов С. Д. Зона.* СПб.: Новый Геликон, 1996. 224 с. *Кабаков А. А. Ударом на удар, или подход Кристаповича.* М.: Авлад-Файн, 1993. 208 с. *Пелевин В. О. Жизнь насекомых.* [Омон Ра]. М.: Вагриус, 1997. 352 с. *Пьехух В. А. Государственное дитя.* Повести. Рассказы. М.: Вагриус, 1997. 448 с. *Солжени-*

звания (включая периферийные типы) составляют около 2% чешских побудительных высказываний и около 4% — русских. Для сравнения отметим, что императивные побудительные высказывания (включая периферийные типы) составляют 71% (66% — базовые типы, 5% — периферийные типы) для чешского материала и 69% (соответственно 64% и 5%) — для материала русского.

Как нам представляется, реальная малоупотребительность эксплицитных перформативных формул в обоих сопоставляемых языках связана или, вернее, взаимосвязана именно с их основным свойством — максимальной выразительностью и однозначностью. В речевом общении действует «максима идиоматичности» Серля («говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1986: 215]).

Точность и однозначность важна в *официальной* сфере, и там эксплицитные перформативные формулы к месту. В связи с этим отметим то обстоятельство, что для демонстрации наиболее существенных черт перформативности создатель термина «перформатив» Дж. Л. Остин обращается прежде всего к *официальному* речевому общению.

Так же к месту эксплицитные перформативы и при выражении тех социально значимых разновидностей побуждения, которые маркированы по параметру «различия в энергичности, с которой подается иллокутивный акт» (о предложенных Дж. Р. Серлем двенадцати параметрах см. [Серль 1986: 175]).

За пределами же названных сфер буквальность не приветствуется, а поэтому и эксплицитные перформативные формулы с их слишком выразительным оформлением, затрудняющим их переосмысление (мы имеем в виду обычные в обоих языках транспозиции одного подтипа побуждения в другой, например, *просьба* → *требование*, *совет* → *предостережение* и т. п.), оказываются не у дел.

Вслед за Дж. Л. Остином мы различаем эксплицитные перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им имплицитные (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!*². Таким образом, рассматриваемая нами *перформа-*

цын А. И. Один день из жизни Ивана Денисовича. М.: ИЦ Новый мир, 1990. 96 с. *Стругацкие А. и Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. Трудно быть богом: Повести. М.: Текст, 1996. 447 с. *Филатов Л. А.* Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 416 с.

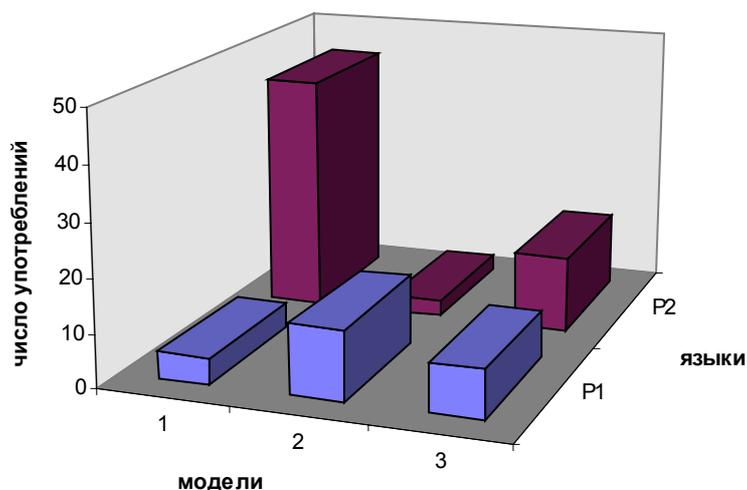
² Ср.: «Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматически залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или «Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)» [Остин 1986: 62-63].

тивность оказывается шире *коинциденции* Э. Кошмидера³, с которой она иногда соотносится [Апресян 1995. Т. 2: 199]. Это в определенном смысле обуславливается внутренней формой обоих терминов. В то время как *коинциденция* декларирует совпадение описания действия и выполнения этого действия, *перформативность* декларирует их тождество (произнесение определенных слов является выполнением определенного действия), что, в частности, позволяет Ю. Д. Апресяну, выдвигающему тезис о приоритете перформативной формулы над перформативным глаголом, рассматривать в качестве перформативных такие высказывания, как *Прости!* (эквивалент высказывания *Прошу у тебя прощения*), *Честное слово!* (эквивалент *Даю тебе честное слово*), *Спасибо!* (эквивалент *Я благодарю*) и т. п. [Апресян 1995. Т. 2: 203], о коинцидентальности которых говорить не приходится. Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное [Крекич 1993: 10-11].

В соответствии с нашим материалом, в обоих сопоставляемых языках около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Прошу садиться*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Прошу садиться*), либо придаточное предложение (*Я требую, чтоб улыбнулся ты; Предупреждаю, что туда идти опасно*), либо существительное (прежде всего отглагольное существительное со значением действия — *Прошу прощения*). При этом употребительность той или иной модели в сопоставляемых языках будет неодинаковой: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом, ср. следующую диаграмму, демонстрирующую относительную употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

³ Ср.: «Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие. Если, например, высказывание *piszę* "я пишу" ни при каких обстоятельствах не есть сам акт писания, являясь лишь сообщением об этом акте, то высказывание *proszę* "я прошу" может быть как раз той просьбой, о которой это высказывание говорит, и именно этот случай мы называем коинциденцией. Очевидно, речь идет здесь только о глаголах говорения (в широком смысле) и только о первом лице, так как произнесение слов говорящего, естественно, не может быть действием кого-то другого». [Кошмидер 1962: 163].

Употребительность базовых моделей побудительных эксплицитных перформативных конструкций



Языки:

Ряд P1 — чешский язык.

Ряд P2 — русский язык.

Модели:

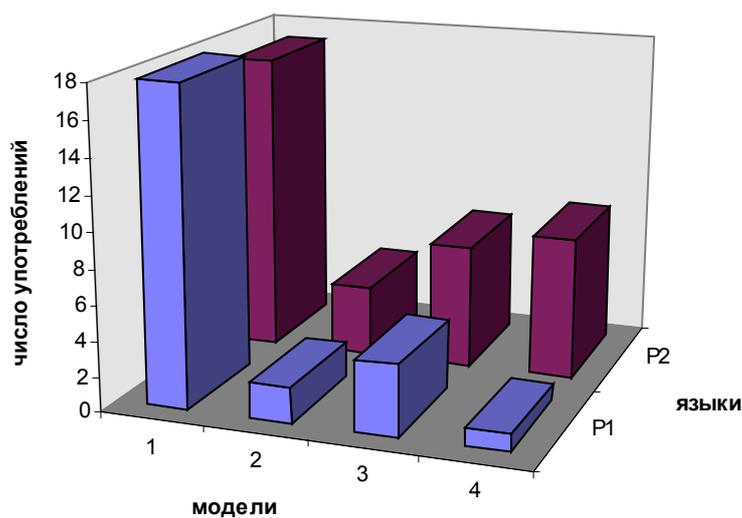
1. Модель с инфинитивом типа чешск. *Prosím vás dát na to pozor!* и русск. *Я прошу вас обратить на это внимание!*
2. Модель с придаточным предложением типа чешск. *Žádám, abyste mě vyslechl!* и русск. *Я требую, чтобы вы меня выслушали!*
3. Модель с существительным типа чешск. *Žádám náhradu škody!* и русск. *Я требую возмещения ущерба!*

Названные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речеупотребления, чем для русского. В случае трансформации «модусной» части, как и в случае с «некатегориальным» побуждением, речь идет о тематизации того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания, а именно о тематизации действия в презентно-футуральной перспективе (русск. *Я попрошу / (по)просил бы вас зайти*),

тематизации необходимости (русск. *Я вынужден просить вас удалиться*), возможности (русск. *Могу я просить вас спеть еще?*), волеизъявления (*Я хочу / хотел бы вас (по)просить заходить почаще*). Строго говоря, с точки зрения классической теории речевых актов, данные высказывания лежат на границе (или даже за границей) прямых и косвенных речевых актов: формально речь идет о констатации необходимости, вопросе о возможности и т. д. Й. Крекич относит подобные высказывания к *косвенно-эксплицитным перформативам* [Крекич 1993: 11].

Приводимая ниже диаграмма иллюстрирует употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

Употребительность моделей с трансформацией "модусной" части



Языки:

Ряд P1 — русский язык.

Ряд P2 — чешский язык.

Модели:

1. Тематизация действия типа чешск. *Radil bych ti, abys učinil totéž* и русск. *Я бы советовал тебе сделать то же самое; Попрошу освободить кабинет.*
2. Тематизация необходимости типа чешск. *Jsem nucen vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я вынужден просить вас остаться.*

3. Тематизация возможности типа чешск. *Mohu vás požádat, abyste zůstal?* и русск. *Я могу попросить вас остаться?*
4. Тематизация волеизъявления типа чешск. *Chtěl bych vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я хочу попросить вас остаться.*

Как видно из диаграммы, обращение к тематизации возможности, необходимости или волеизъявления⁴ характерны для современного русского речепотребления в значительно меньшей степени, чем для современного чешского, тогда как к тематизации действия носители обоих языков обращаются приблизительно в равном числе случаев.

При этом чешские высказывания рассматриваемого типа с тематизацией действия в абсолютном большинстве случаев оформлены кондиционалом, тогда как для русского речепотребления возможно обращение не только к сослагательному наклонению, но и к презентно-футуральной форме индикатива глагола совершенного вида⁵.

Поскольку в обоих сопоставляемых языках подобные трансформации могут рассматриваться в качестве показателя формальной вежливости⁶, в конструкциях рассматриваемого типа уместны лишь формы «неавторитарных» перформативных глаголов, ср. обычность сочетаний *prosil bych..., doporučoval bych..., radil bych...; chtěl bych požádat / poprosit; я бы (no)просил / (no)рекомендовал / (no)советовал*, но не сочетаний **я бы приказал, *я бы хотел приказать*.

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа чешск. *zakazuji, abyste mi tykal* → *zákaz tykáni* и русск. *я предлагаю осмотреть гараж* → *есть предложение осмотреть гараж, прошу закрывать за собой дверь* → *просьба закрывать за собой дверь*. В обоих сопоставляемых языках подобные конструкции крайне малоупотребительны и неоднозначно воспринимаются разными носителями языка: один считает их сугубо официальными, другие, напротив, — подчеркнуто разговорными, выражающими т.н. *альтернативную норму солидарности*.

Редукцию «диктумной» части эксплицитного перформативного высказывания мы склонны видеть в случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо ина-

⁴ Ю. Д. Апресян говорит в этой связи о «вежливых» перформативных высказываниях типа *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смело вас уверить* [Апресян 1995, Т. II: 203] и отсылает к работам [Fraser 1975], [Davison 1975].

⁵ Впрочем, речь идет фактически лишь о конструкциях со словоформой *попрошу*.

⁶ Ср.: «кондиционал по сравнению с индикативом <...> смягчает категоризм утверждения, делает его менее настойчивым, более вежливым» [Широкова 1983: 95].

че, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

При этом «модусная» часть может быть номинализована, ср. чешск. *Rozkaz: Neprodleně vyklidit tábor*, русск. *И мой вам совет: бросьте вы эту мебель.*

Если «диктум» очевиден из ситуации и контекста, конструкция может редуцироваться до формы перформативного глагола, ср. чешск. *To bych neradil* русск. *Не советую, гражданин, не советую.* В обоих сопоставляемых языках подобной редукции чаще всего подвергаются конструкции, содержащие форму *prosím / prosu*, которая при этом десемантизуется — перестает сигнализировать о просьбе и превращается в наиболее общий экспликатор побуждения. В чешском языке этот процесс способен заходить еще дальше и форма *prosím* может функционировать как формальный экспликатор вежливости, ср. идущие подряд примеры из романа М. Капека: *Prosím tě, pojd' sem!* (s. 8) 'Пожалуйста, подойди сюда!', *Prosím tě, kde?* (s. 10) 'Боже мой, где?', *Ano, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás* (s. 11) 'Да-да, и эту стройку рядом с вами', *My, prosím, v žádném případě nejdem z kopce.* 'У нас, знаете ли, в любом случае всё в порядке'.

Скрытые перформативы могут рассматриваться как перформативы с редуцированной до нуля «модусной» частью.

В обоих сопоставляемых языках высказывания этого типа можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (чешск. *Stát!* [← *Přikazují: Stát!*], *Otevřít!* [← *Přikazují: Otevřít!*]; русск. *Стоять!* [← *Я приказываю стоять!*], *Открыть!* [← *Я приказываю открыть!*]) и высказывания, глагольной формы не содержащие (чешск. *Ven!* [← *Přikazují: Ven!*] *Vodu!* [← *Přikazují / Prosím: Vodu!*] *Rychle!* [← *Přikazují / Prosím / Radím: Rychle!*]; русск. *Вон!* [← *Я приказываю выйти вон!*] *Воды!* [← *Я приказываю / Прошу воды!*] *Быстро!* [← *Я приказываю / Прошу / Советую делать то, что ты (вы) делаешь (делаете) быстро!*]). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных высказываний без императивной формы (ср. [Типология... 1992: 9-10]), которая опирается на *формальные* критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа.

Так, в обоих сопоставляемых языках инфинитивные побудительные конструкции специфицированы для выражения *категорическое* побуждение, тогда как для скрытых перформативов второго типа (не содержащих глагольной формы) достаточно обычно и их использование для выражения побуждения, не маркированного в качестве категориче-

ского, ср. чешск. *Jen klid!*, *Žádné obavy!*, *Vteřinku!* и русск. *Спокойствие!*, *Минуточку!*

На периферии группы высказываний рассматриваемого типа находятся номинативные высказывания типа *Волна! Машина!*, способные, по нашему мнению, интерпретироваться как эллиптические эквиваленты перформативных высказываний типа *Я предупреждаю тебя (вас), что приближается волна / машина*. В отличие от высказываний типа *Стоять! Воды! Спокойно! Минутку!* подобные высказывания не тематизируют каузируемое действие (объект действия, условия его протекания и т. д.), а лишь называют причину, вследствие которой совершение действия необходимо. В литературе высказывалось мнение о возможности делить номинативные высказывания такого типа «на социально закрепленные слова-сигналы (*Газы! Танки! Тревога!*) и обычные существительные, способные обозначать перемену внешней ситуации (*Осторожно: поезд! Какой-то стук*)» [Воейкова 1988: 41].

Как мы видим, у высказываний подобного типа оказывается редуцированной не только «модусная», но и «диктумная» часть.

Безусловно, в качестве скрытых побудительных перформативных высказываний следует рассматривать и высказывания с побудительными междометиями, ср. *Тсс!* = *'Я прошу / требую / ...: Тсс!'* В числе русских «побудительных междометных предложений» называются такие образования, как *Тпру! Нно-о! На! Тсс! Эй! Айда!* [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 399].

References

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. 472 с.; Т. 2. 767 с.
- Воейкова М. Д. Оттенки семантики побудительности в номинативных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л.: АН СССР, 1988. С. 41.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. 528 с.
- Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Иностр. лит., 1962. С. 105-167.
- Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. 241 с.
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-130.
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 195-222.

Типология императивных конструкций / Под ред. Храковского В. С. СПб.: Наука, 1992. 301 с.

Широкова А. Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 83-104.

Davison A. Indirect Speech Acts and What to Do with Them // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. P. 143-185.

Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York — San Francisco — London, Academic Press. 1975. P. 187-210.

Изотов, А.И. Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 62-70. ISBN 317-00123-4

Доминанты поля оптативной модальности в современном чешском языке (на фоне русского языка)

© кандидат филологических наук В. В. Белоусова, 2000

Изучая и систематизируя средства выражения оптативной модальности с учётом их разноуровневого характера, мы провели классификацию оптативных высказываний с опорой на формальные признаки, признав в качестве базовой предложенную М. Греглом [1980: 34] модель «(ЧАСТИЦА) + ИНДИКАТИВ // КОНДИЦИОНАЛ + КАДЕНЦИЯ» и рассматривая различные варианты наполнения и развёртывания этой модели.

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что ФСК оптатива в современном чешском языке представляет собой слабоцентрированное поле с диффузной структурой, тремя доминантами которого являются морфолого-синтаксические конструкции, базирующиеся на категориях кондиционала, индикатива, инфинитива. Лексико-синтаксические конструкции явно принадлежат периферии, а интонация в равной мере сопровождает все способы выражения оптативной модальности и потому, на наш взгляд, является ядерно-периферийной характеристикой.

Категория оптативной модальности в чешском языке изучалась на фоне русского языка. При выявлении межъязыковых соответствий нами использовалось понятие типового функционально-семантического эквивалента, который «не отражает случаи индивидуального или окказионального употребления, а также различных находок переводчика, а представляет собой постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Широкова 1983: 89], поскольку отличается следующими особенностями: 1) содержательной тождественностью слова, словосочетания или высказывания как в языке оригинала, так и в языке перевода; 2) тождественностью выражаемых отношений (например, модальных, временных, причинных и т.д.) при необязательности морфологического тождества; 3) регулярной употребительностью и узуальностью эквивалентных единиц в сопоставляемых языках; 4) их стилистической адекватностью.

Традиционно в большинстве грамматик разных языков модальность до сих пор трактуется как морфологическое явление и рассматривается в тесной связи с категорией наклонения. Особенностью оптативных высказываний является то, что они не имеют однозначной морфо-

логической характеристики в виде глагольного наклонения, хотя, как правило, используют кондиционал как форму, явно несущую признак (+ «нереальность»). Для того чтобы выразить ещё и признак «желательность», необходимо ввести в высказывание частицу, которая выражала бы эту желательность с точки зрения говорящего, а также оформить это высказывание интонационно.

Согласно А.И. Смирницкому [1956: 63], «сочетание некоторого основного слова в определённой его форме с известным служебным словом может рассматриваться как особая грамматическая форма» — аналитическая форма (далее АФ). При выражении желательности в чешском языке необходимо употребить в высказывании кондиционал или индикатив (из неличных форм возможно употребление инфинитива) в сочетании с определённой частицей, что даёт возможность на синтаксическом уровне считать такую конструкцию аналитическим наклонением. При этом необходимо учитывать, что собственно оптативной частицей является только *kéž*, а все остальные могут, но не обязательно выступают в качестве оптативных.

- *Kéž by pomoci ti bylo tak snadné,* - Если бы помочь ему было также
jako je ukrást auto! легко, как украсть автомобиль!
- *Kéž jsem ti zkoušku udělal!* - Хоть бы я сдал этот экзамен!

«В сослагательном, условном, желательном, потенциальном наклонении (кондиционале) всех славянских языков АФ бесспорно существует, точнее, — в большинстве славянских языков это наклонение выражается только с помощью АФ» [Молошная 1990: 114].

Доминантными элементами поля оптативности в русском языке являются формы на –л: «*Хоть бы дождь пошёл!*», «*Ах, не слушал бы!*», «*Вот бы Бог дал на конец...*», «*Было бы здоровье...*» и инфинитив (иногда в сочетании с модальными частицами): «*Добраться бы поскорее!*», «*Вот бы разобраться!*», «*Не слышать бы этот голос...*», «*Её охватила тоска: убежать бы отсюда домой...*». Периферию поля составляют безглагольные вопросительные конструкции: «*Когда же, Господи, конец?...*», «*Ах, зачем я не умерла?...*», восклицательные конструкции: «*Чаю бы!*» (именная), «*Хорошо бы вместе!*» (наречная), «*Мне б такую!*» (местоименная), «*Если бы новые!*» (атрибутивная) и специфические интонационные средства.

Сопоставляя доминанты полей оптативной модальности в чешском и русском языках, мы остановимся на морфолого-синтаксических конструкциях с кондиционалом (сослагательным наклонением) и инфинитивом.

Сравнивая АФ кондиционала в чешском языке и АФ сослагательного наклонения в русском языке можно обнаружить, что в обоих языках основным компонентом АФ кондиционала (сослагательного наклонения) является глагольная форма на -л/1 (по происхождению – причастие). В русском языке АФ образуется сочетанием глагольной формы на -л (её вариантом может быть форма с нулевой флексией) и неизменяемой частицей «бы». Морфологическая форма глагола, входящая в это сочетание, значение прошедшего времени не выражает, а лексическое значение частицы стало её грамматическим значением; соединение же этих двух единиц порождает грамматическое значение сослагательного наклонения [подробнее см. Молошная 1990: 114-129]. Однако если в русском языке в состав АФ в качестве служебного компонента входит неизменяемая частица «бы», то в чешском языке служебный компонент «by» изменяется по лицам и числам:

- | | |
|------------------------------------|---|
| - <i>Kdybych tak zůstala doma!</i> | - <i>Остаться бы мне дома!</i> |
| - <i>Kéž byste to věděli!</i> | - <i>Если бы вы только об этом знали!</i> |
| - <i>Kdyby mi přinesli dítě!</i> | - <i>Если бы мне принесли ребёнка!</i> |

В чешском языке грамматисты нередко различают две «временные» формы кондиционала: форму настоящего времени, образуемую сочетанием вспомогательных форм *bych, bys, by, bychom, byste, by* с причастием на -1 и форму прошедшего времени, образуемую сочетанием форм кондиционала настоящего времени от основного глагола и причастия на -1 от глагола *být*, в то время как в русском языке есть только одно сослагательное наклонение. Та модальная нагрузка, которая ложится на формы кондиционала в чешском языке, в русском языке распределяется иначе.

- | | |
|---|--|
| - <i>Kéž by mi byl pomohl!</i> | - <i>Если бы он тогда помог мне!</i> |
| - <i>Kéž by se nám to bylo podařilo!</i> | - <i>Хоть бы нам тогда это удалось!</i> |
| - <i>Kéž by byla neposlechla aspoň jedenkrát!</i> | - <i>Если бы она тогда ослушалась один-единственный раз!</i> |

Характерной особенностью оптативных предложений является широкое употребление разного рода частиц. Они употребляются как в предложениях, содержащих в предикате формы сослагательного наклонения (кондиционала), так и формы инфинитива. Репертуар частиц, выступающих в качестве конституирующего элемента и оформляющих высказывание по общей (оптативной) модальности в чешском языке отличается от русского. Эти различия касаются, прежде всего, стилистической и эмоционально-экспрессивной функций частиц, используемых в оптативных высказываниях.

Инфинитивные конструкции, употребляемые в оптативных высказываниях, обладают особой эмоциональной насыщенностью и экспрессивной выразительностью. Г. А. Золотова утверждает, что «в инфинитивных предложениях с ирреальной основной модальностью долженствование принадлежит плану отношений между действием, названным инфинитивом, и субъектом этого действия – адресатом речи (модальность III типа). Желательным же это действие (*Молчалин: К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам...*) является для говорящего, который оформляет предложение как одну из двух разновидностей ирреальной основной модальности: как побуждение или пожелание» [1973: 97].

Для русского языка характерно употребление в оптативных высказываниях с инфинитивной формой предиката частиц **бы** (*Увидеть бы Эльбрус! Полетать бы на ТУ-154!*), **если** (*Если бы его увидеть! Если бы немного поспать!*), **только** (*Только бы выиграть время! Только бы нам не опоздать на поезд!*), **лишь** (*Лишь бы ему успеть! Лишь бы нам туда попасть!*), **хоть** (*Хоть бы нам закончить эту работу! Хоть бы раз увидеть её ещё!*), **как бы** (*Как бы вам не простудиться!*). При этом конститутивным компонентом конструкции часто бывает дательный падеж субъекта.

В чешских оптативных конструкциях с инфинитивом никогда не употребляется частица «бу», хотя возможно употребление других аналогичных русским частиц:

- | | |
|--|---|
| - <i>Spát, snít, vidět lidí!</i> | - <i>Спать бы, мечтать, видеть бы людей!</i> |
| - <i>Jen lehnout a zavřít oči a napít se vody...</i> | - <i>Только бы лечь и закрыть глаза. И напиться бы воды...</i> |
| - <i>Aspoň se jít vyspat!</i> | - <i>Хоть бы пойти выспаться!</i> |

Особо следует отметить оптативные высказывания с глаголом **být** и с глаголом **mít**, употреблёнными в форме инфинитива, транспонированного в область кондиционала для выражения условия. «При транспозиции форм наклонения, и как следствие этого – транспозиции модальности, мы имеем дело с намеренным выражением усиления или уменьшения степени реальности действия, а тем самым и с изменением коммуникативного намерения говорящего, с его различным отношением к фактам объективной действительности» [Широкова 1983: 83].

Мы относим эти высказывания к оптативным, т.к. они могут трактоваться следующим образом: «как бы хотелось, чтобы... и тогда...» (описательный способ констатации). Например,

- | | |
|--|--|
| - <i>Nebýt vás, tak se to všechno nestalo!</i> | - <i>Не будь вас, этого бы не случилось!</i> |
|--|--|

- *Mít dost peněz, koupil bych to!*

- *Будь у меня достаточно денег, я бы это купил!*

Отличительной чертой этих высказываний является их эмоциональность и стилистическая маркированность, сигналами которой служат восклицательная интонация, наличие частиц, употребление инфинитива во вторичной функции.

Основные различия, выявленные в ходе сопоставления доминант полей оптативной модальности в чешском и русском языках, сводятся к следующему:

а) если в чешском языке выделяются три доминанты, базирующиеся на АФ с кондиционалом, индикативом и инфинитивом, то в русском языке индикатив не употребляется для выражения оптативных значений;

б) функциональный объём чешского кондиционала в сравнении с русским сослагательным наклонением больше, а его транспозиционные возможности гораздо шире. Кондиционал настоящего времени (*kondicionál přítomný*) обозначает потенциально выполнимое действие, кондиционал прошедшего времени (*kondicionál minulý*) передаёт невыполнимое и невыполненное действие.

в) при сопоставительном изучении частиц в близкородственных языках необходимо учитывать эмоционально-оценочный момент, т.к. «эмоциональность и оценка входят в качестве специфической составной части в совокупность так называемых внутренних прагматических компонентов высказывания, без которых изучение функционирования частиц становится невозможным» [Широкова 1988: 54]. В чешском языке для выражения модальных оттенков желательности, гипотетической возможности и пр. при форме кондиционала настоящего времени используются частицы *bodej*, *bodejt'*, *bodejž*, *kěž*, а также сращения частицы *ať* и союза *kdy* со вспомогательными изменяемыми по лицам и числам формами *abych*, *abys...* *kdybych*, *kdybys...*. В случае употребления частицы *kěž* и сращения *kdyby* при форме кондиционала прошедшего времени может передаваться значение сожаления (по поводу не совершившегося действия);

г) в применении к инфинитивным предложениям интересные результаты даёт разграничение типов модальных значений. Однако некоторые исследователи утверждают, что «наличие III модального плана, а также экспрессивная насыщенность инфинитивных предложений — признаки, которые не позволяют включать инфинитивные предложения в число исходных моделей, но помещают их среди структурно-семантических и экспрессивно-модальных модификаций» [Золотова 1973: 93];

д) очень важно отделять оптативные высказывания, модальная сущность которых выражена непосредственно их формой от высказываний, содержанием которых является желательность, но выраженная иначе – например, лексическими средствами в рамках повествовательного предложения.

Мы полагаем, что результаты исследования могут быть использованы в лекциях по теоретической грамматике и стилистике, а также на занятиях по практической грамматике чешского языка.

Л и т е р а т у р а

- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
Молошина Т.Н. Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
Смирницкий А.И. Аналитические формы // Вопросы языкознания. 1956. №2.
Широкова А.Г. Сопоставительное изучение вторичных функций грамматических категорий глагола в славянских языках. М., 1983.
Широкова А.Г. Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнознаменательных частей речи в славянских языках (на материале частиц чешского и русского языков) // Вестник МГУ. Филология. 1988. № 4.
Bauer J., Grepl M. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1980.

Префиксальное словообразование санскрита в историческом освещении

© кандидат филологических наук И. И. Богатырева, 2000

Начиная с древнейших памятников ведийского, древнеперсидского, древнегреческого и латыни и кончая всеми живыми современными индоевропейскими языками, кроме индоарийских, можно проследить широкое употребление префиксов в качестве аффиксов с деривационным и с реляционным значениями. В санскрите система префиксов представляла собой одну из наиболее характерных и устойчивых частей его грамматического строя и словарного состава на всем протяжении его развития. Префиксация выступала в санскрите в качестве основного словообразовательного способа у глаголов и была одним из способов словообразования у других частей речи, она, по словам В. А. Кочергиной, как бы пронизывала всю лексическую систему санскрита. Тем не менее в развитии индоарийской словообразовательной системы на протяжении различных этапов и периодов произошли значительные изменения и перегруппировка отдельных частей системы, среди которых можно указать и на исчезновение глагольной префиксации: в хинди и в некоторых других новоиндийских языках отсутствует прием отглагольного префиксального словообразования.

Для того, чтобы понять причины исчезновения способа префиксального словообразования у глаголов в индоарийских языках на современном этапе, необходимо проследить историю индийских префиксов от древнейших памятников – Вед – до новоиндийских, следуя “принципу генетической объективности”, сформулированному И. А. Бодуэном де Куртенэ: “Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о *слоях* языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения”¹.

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языковедению. Том 1. М., 1963. С. 67-68.

Для решения поставленной задачи – выяснения причин исчезновения приема отглагольного префиксального словообразования в хинди и других новоиндийских языках – мы рассмотрим несколько таких “слов”, “пластов” языка: ведийский язык, эпический санскрит, классический санскрит, пракриты и хинди.

Ведийский язык представляет собой самый ранний период развития древнеиндийского языка, охватывающий собственно Веды, Брахманы, Араньяки и Упанишады². Веды – древнейшие из дошедших до нас памятники индийской культуры – датируются условно серединой II — серединой I тысячелетия до н. э. При всех хронологических и прочих различиях, существующих между отдельными Ведами, в целом их язык сохраняет свое тождество на протяжении всего того тысячелетия, которым датируется период Самхит³. Речь идет об одной языковой системе, засвидетельствованной в более или менее архаичных вариантах. Эпический санскрит сложился условно в III-II вв. до н. э., расцвет классического санскрита относится к IV-V вв. н. э. Ведийский язык и санскрит в обеих его разновидностях относятся к одному, древнеиндийскому, периоду развития индоарийских языков, которому противопоставлены среднеиндийский период, представленный пракритами, и новоиндийский, к которому принадлежит и современный хинди.

Материалом для данного исследования послужили I-VII песни “Рассказа о Савитри” (эпизод из “Махабхараты”), басни из “Панчатантры” и “Хитопадешы”, пролог и I действие драмы Калидасы “Шакунтала”: мы исходили из того, что значение каждого конкретного префиксального производного может быть точно определено лишь в контексте, где полностью проявляется все богатство словообразовательных значений, которые имеют санскритские префиксы, и многообразие моделей, по которым проводится префиксальное словообразование. Исследование префиксации в ведийском языке, пракритах и современном хинди проводилось на основании словарных данных и грамматических описаний языка этого периода.

В данной работе перед нами стоят следующие задачи:

1. показать историю возникновения, формирования и дальнейшего развития системы санскритских префиксов;

² Veda – “священное знание”; brāhmaṇa – “брахманические объяснения” – название трактатов, являющихся приложением к Ведам и описывающих различные ритуалы и церемонии жертвоприношения; āraṇyaka – “лесные (книги)” — тесты, предназначавшиеся для отшельников, которые удалились от мира и проводили свою жизнь в лесу; upaniṣad – “сокровенное, тайное учение, передаваемое от учителя ученику” – название произведений, объясняющих и толкующих скрытый смысл Вед.

³ Samhitā — собрание ведических гимнов и молитв.

2. выяснить, как в ходе развития языка менялись функции и сфера употребления префиксов;
3. понять причины исчезновения способа префиксального словообразования у глаголов на современном этапе развития хинди и других новоиндийских языков.

В ведийском языке имелся особый класс слов, отсутствующий в санскрите, — превербы. Превербы сочетают в себе функции современных наречий, предлогов-послелогов, приставок и частиц. Модифицируя значение глагольного корня, превербы могут не только соединяться с глаголами, но и управлять зависимыми именами, занимая при этом любое место в предложении. Их функция, независимо от того, стоят ли они перед управляемым словом или после него, заключается в уточнении и детализации падежных форм. Ведийские превербы, выступая в качестве глагольных префиксов, еще не являются неотъемлемой частью слова: они могут употребляться отдельно от той личной глагольной формы, с которой связаны семантически (прежде всего в самостоятельном или в главном предложении, где они несут на себе ударение при безударной личной форме глагола), а также могут быть отделены от нее другими словами. В придаточном предложении в составе сложного наречие-префикс обычно составляет одно слово с личной формой глагола, причем утрачивает свое ударение⁴.

Являясь формально самостоятельными словами в ведийском языке, наречия-префиксы, тем не менее, семантически образуют единое целое с глаголами: они уточняют направление действия глагола (особенно отчетливо это выражено у глаголов движения), иногда могут менять валентность глаголов (например, сообщать непереходным глаголам переходность), в отдельных случаях образуют с глагольным корнем новое лексическое значение.

Для иллюстрации поведения превербов в ведийском языке воспользуемся отдельными примерами, приводимыми в “Грамматике ведийского языка” Т. Я. Елизаренковой: *úd* “вверх”, “воз-”, “наружу, из” + *i-* “двигаться” = “восходить” (о небесных светилах); *úra* “близко”, “к”, “при-” + *sad-* “сидеть” = “присаживаться”; *ádhi* “над”, “на” употребляется с именами и глаголами, которым может придавать переходное значение: *ádhi* + *i-*, *gam-* “двигаться, идти” = “постигать”, “изучать”.

Поскольку глаголы с наречием-префиксом образуют семантическое единство, формируются новые оппозиции лексических значений глаголов на базе сочетаний с наречиями-префиксами. Вот некоторые примеры:

⁴ О функционировании превербов в ведийском языке более подробно см.: Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 131, 256-264.

ktī- “покупать” – ví ktī- “продавать”;
dā- “давать” – á dā- “брать”;
prāti mus- “надевать” – ví mus- “снимать”.

Нередко глаголы употребляются с двумя превербами, каждый из которых может выступать в качестве самостоятельного слова, обладающего собственным ударением. Два наречия-префикса при одном глаголе с противоположными или далеко расходящимися значениями могут иметь при себе соединительный союз са “и”: yátrā nárah sám sa ví sa drávanti “где мужи сбегаются и разбегаются”. Довольно часто второй префикс присоединяется к глаголу, а первый остается самостоятельным. Три наречия-префикса при одном глаголе в “Ригведе” не встречаются, в “Атхарваведе” отмечено всего два таких случая: anusaṁpráuyāhi (XI, 1, 36) и upasaṁpráṅṅayāt (XVIII, 4, 50).

В Ведах преверб может употребляться и без личной формы глагола, значение которой становится ясным из контекста, например:

Úd uṣā úd u sūṅya úd idám māmakám vácaḥ (“Атхарваведа”, IV, 4,2)
“Вверх (поднимается) Ушас, вверх (восходит) также солнце, вверх (пусть воспарит) это слово мое!”

В памятниках после “Ригведы” самостоятельность превербов постепенно уменьшается. В дальнейшем развитии языка происходит постепенная утрата наречиями-префиксами статуса самостоятельных слов и полное их слияние с личными глагольными формами, имеющими одно ударение на глагольной части. Употребляясь в качестве именных префиксов, те же самые превербы образуют первый член так называемых “ложных” сложных слов.⁵ В аналогичной функции выступают также элементы, не встречающиеся в самостоятельном употреблении⁶, т.е. собственно именные префиксы: a-, ku-, dus-, sa-, su-.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что в Ведах предлоги-послелог и префиксы еще не являлись двумя различными, вполне оформившимися, самостоятельными лексико-грамматическими разрядами. Они скорее входили в одну общую группу неизменяемых слов-наречий: это те слова, что в индийской традиции назывались upasarga плюс неотделяемые именные префиксы, а также наречия типа puras, antar, которые ведут себя подобно словам upasarga, но индийской традицией к ним не причисляются.

⁵ Индийская грамматическая традиция относит данный тип сочетания преверба с именем к словосложению, но нам кажется целесообразным рассматривать его как тип промежуточный, находящийся между аффиксацией и словосложением.

⁶ За исключением единичных случаев самостоятельного употребления dus и su в “Ригведе” по данным Х. Грассмана. См.: *H. Grassmann. Ursprung der Praepositionen im Indogermanischen. – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Band XXIII, Heft VI, Berlin, 1877. S. 559-579.*

В последующий период развития древнеиндийского языка – в эпическом, а затем в классическом санскрите и пракритах наблюдается несколько иная картина: функцию префиксов выполняет определенная, тесно связанная с глаголом, система морфем. Эти префиксы, за очень редким исключением, уже не могут употребляться в функции предлогов-послелогов. Если же употребляются, то чаще как послелог – в постпозиции по отношению к управляемому имени. Отмечая данную особенность санскрита по сравнению с ведийским языком, Б. А. Захарьин пишет: “В санскрите большинство из них (т. е. превербов) превращается в деривационные префиксы, но некоторые расщепляются на две омонимичные единицы: приставку и служебное слово. Напр., *prati* “против, о” чаще употребляется в первой функции (*vadati* “говорит” – *prativadati* “противоречит”), но может использоваться и во второй, приобретая значение “о, относительно” и требуя винительного падежа от управляемого имени (*vadati kāmam prati* “говорит о чувственном желании”)⁷”.

Нам представляется данное утверждение не совсем верным. В санскрите вовсе не происходит никакого расщепления превербов на две омонимичные единицы: просто обычно они употребляются в качестве словообразующего префикса, но иногда сохраняют свою былую самостоятельность, выступая в качестве служебного слова – предлога или послелога (подобно тому, как это было в ведийском языке). И почему происходит расщепление именно на **две** омонимичные единицы, а не три или четыре? Б. А. Захарьин отмечает лишь случаи использования преверба в качестве префикса и именного послелога. Но ведь возможны и другие употребления превербов. Так, в драме “Шакунтала” нами был встречен преверб *ā* в качестве именного предлога, где он требует от имени отложительного падежа: *ā paritoṣādviduṣām na sādhu manye prauogavijñānam* “до признания знатоков (мудрецов) игра актеров не может считаться хорошей”⁸. В баснях были зафиксированы случаи, подобные тем, которые ранее широко встречались в ведийских текстах: преверб употребляется самостоятельно, образуя с глагольной формой семантическое единство, напр.: *kūrmo durbuddhiḥ kāṣṭhādbhraṣṭo vi naṣyati* “глупая черепаха погибает, сорвавшись (упав) с палки”; *tatra sarasī ni nayatam* “тогда отнесите (меня) к водоему”⁹.

В эпическом санскрите свою былую самостоятельность дольше остальных превербов сохраняет преверб *prati*. Этот факт отмечает

⁷ Б. А. Захарьин. Введение в историю языка хинди. М., 1978. С. 33.

⁸ Цитируется по следующему изданию: *Kālidāsa. Dramen. Ausgegeben von R. Pischel. Kiel, 1877.*

⁹ Цитируется по следующему изданию: *Pañcatantram. Ed. F. Kielhorn. Bombay, 1896.*

В. А. Кочергина, исследуя язык поэмы “Бхагавадгита”¹⁰. Нами в анализируемом материале был отмечен лишь один случай самостоятельного употребления преверба в качестве послелого, и это был именно послелог *prati*: *bhojanaṁ prati* “о еде” (“Рассказ о Савитри”, IV, 18)¹¹. Подтверждением тому, что *prati* дольше других превербов самостоятельно употребляется в предложениях, является и тот факт, что, если в производном слове присутствует две приставки, *prati* будет всегда стоять дальше от производящей основы, напр.: *prati-* + *ā-* + *khyā-* > *pratyākhyā-* “отказывать”. О том, что *prati* довольно долго сохраняет свое самостоятельное употребление, свидетельствуют и факты современного хинди, где приставочные образования с *prati-* свободно сочетаются с несанскритской лексикой, напр.: *pratisāl* “ежегодно” (вместо обычного *pratīvaṣa*), *pratisaikā* “процент” (вместо *pratiṣat*) и т. п.

На основании приведенных выше примеров самостоятельного употребления префиксов в эпическом и классическом санскрите можно сделать следующий вывод: в санскрите превербы занимают промежуточное положение между аффиксами и самостоятельными словами, находясь все-таки ближе к аффиксам. Это морфемы переходного типа – то, что в современном языкознании получило название аффиксоидов – выполняющие, с одной стороны, роль морфемы (в нашем случае — префикса), а с другой – не порвавшие окончательно своих генетических связей с соответствующими самостоятельными словами (могут выступать в роли предлогов-послелогов).

Система префиксов в санскрите значительно разрастается, причем не только с внешней стороны (путем увеличения количества префиксов и префиксальных образований), но и изнутри – за счет расширения функций ведийских превербов и усложнения их семантики: превербы начинают активно вступать в соединения не только с глагольными корнями, но и с именными основами. Именно эта словообразовательная функция санскритских префиксов в пределах отыменного образования не только воспроизводится санскритизированными формами новоиндийских языков, но и получает свое дальнейшее развитие за счет новых, не известных санскриту моделей словообразования, главным образом терминологического характера.

История индоевропейских и индоиранских префиксов может служить иллюстрацией к положению о регенерации грамматических явлений. Теория происхождения аффиксов из самостоятельных слов была выдвинута еще сравнительно-историческим языкознанием XIX в. Со-

¹⁰ В. А. Кочергина. Словообразование санскритского глагола и принципы его изучения // Вестник МГУ, сер. Востоковедение, 1979, №1. С. 40-46.

¹¹ Цитируется по следующему изданию: *Mahābhārata* III. Calcutta, 1834-1839.

гласно этой концепции, самостоятельные лексемы переходят сначала в служебные слова, а затем в аффиксы, причем этот переход происходит не сам по себе, а в различного рода словосочетаниях, сначала представляющих собой аналитическую форму, затем – сложное слово, позднее – производное, в котором грамматикализованное знаменательное слово выступает уже в качестве аффикса, часто видоизмененного и сокращенного.

Морфемы, как и самостоятельные слова, соотношены по своему реальному значению с той или иной частью речи. Санскритские префиксы соотносятся с наречиями различного образования. Происхождение их должно рассматриваться как процесс грамматикализации наречий (самостоятельных слов), которые через ступень предлогов (служебных слов) постепенно теряют свою самостоятельность и превращаются в словообразовательные морфемы – префиксы.

Как отмечал А. Мейе¹², многие индоевропейские глагольные приставки позволяют признать в них падежные формы. Так, например, одна индоевропейская основа **perǵ-* — “перед” дает в различных падежах три древнеиндийских префикса: *paṅi-*, *paṅaḥ* — и *pa-*. *Pāṅi-* (так же, как и др.-греч. *régi-*, лат. *per-*, русск. пере-) восходит к форме местного падежа, *paṅaḥ* — (как и др.-греч. *páros-*) — к формам родительного и отложительного падежей, а *pa-* (как и др.-греч. *pró-*, лат. *pro-*, ст.-слав. **про-** и **пра-**) – к форме на *-o.

То, что превербы произошли из самостоятельных слов, подтверждает свободное, не ограниченное частью речи мотивирующей основы, функционирование их в составе различных производных. Их использование в качестве служебных слов, а также производящих основ некоторых прилагательных со значением сравнительной или превосходной степени и наречий свидетельствует об их былой самостоятельности. Так, например, в текстах встречаются образования типа *uttara* “более высокий, лучший”, *uttama* “высочайший, самый лучший” (степени сравнения от преверба *ud*), *abhitas* “сюда, рядом, к” (наречие от преверба *abhi*). Интересный случай встретился нам в драме, где появляется наречие *saṃprati* “теперь, в данное время”, которое представляет собой соединение двух превербов – *saṃ* и *prati*. В роли мотивирующей основы здесь, по всей видимости, выступает *prati*, а *saṃ* функционирует в качестве префикса. Одним из подтверждений прежней самостоятельности превербов может служить и тот факт, что аугмент, имеющийся во всех формах имперфекта, аориста и кондиционалиса, стоит между превербами и глагольным корнем.

¹² А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938. С. 355-357.

В среднеиндийский период, в пракритах¹³, система приставок в значительной степени утрачивает свои формообразующие и словообразовательные функции и фонетически постепенно изнашивается. Этот факт отмечает А. С. Бархударов в работе “Об отмирании префиксации в индоарийских языках”¹⁴. Он считает, что изнашивание системы санскритских префиксов проявляется в следующем:

- одна исходная санскритская форма расщепляется на несколько пракритских;
- несколько санскритских префиксов совпадают в одной пракритской форме;
- одновременно с совпадением форм происходит и совпадение или сближение значений.

Например, префикс *ura-* распадается на несколько пракритских форм (*uva-*, *u'a-*, *u-*, *ū-*), которые отражают либо различные исторические периоды развития пракритов, либо диалектное различие между ними. Префиксы *ura-* и *ud-* совпадают в результате фонетических изменений в одной форме *ū-*.

Таким образом, разнообразие форм и многочисленные звуковые изменения постепенно расшатывали старую систему префиксов, делали их содержание менее определенным и тем самым стирали функциональную значимость префиксации как продуктивного способа словообразования.

В современном хинди способ префиксации распространен преимущественно среди имен существительных и прилагательных санскритского происхождения. Большинство санскритских приставок используется в хинди при образовании новой терминологии в качестве формантов, уточняющих, детализирующих основное понятие, выражаемое санскритским словом, например:

rakṣā “охранение” – *parirakṣā* “предохранение”;

vidhān “закон”, “уложение” – *saṁvidhān* “свод законов”, “конституция”.

При этом часть санскритских префиксов теряет или ослабляет свою продуктивность. Это префиксы *adhi-*, *anu-*, *ara-*, *abhi-*, *ā-*, *ud-*, *raḡi-*, *pra-*, а также различные сложения двух или более префиксов, характерные для санскрита. Многие из санскритских приставок сохраняют или даже увеличивают свою продуктивность, например: *a-*, *ati-*, *ura-*, *nis-*, *prati-*, *vi-*. Некоторые префиксы не только расширяют сферу своего употребления в книжной лексике, но и выходят за ее пределы, приобретают

¹³ *Prākṛta* – “природный, естественный” в противоположность *sāṁskṛta* — “обработанный”.

¹⁴ См.: Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1958. Т. 13. С. 63-128.

способность присоединяться к несанскритским словам, в том числе и к словам разговорного характера – это префиксы *ura-*, *prati-* и в несколько меньшей степени *ati-*. Так возникают так называемые “гибридные” слова с санскритскими приставками, например: *atikharṣ* “чрезмерный расход”, *pratisāl* “каждый год”, *pratighaṅṭā* “каждый час, ежечасно” и т. п.

Санскритские префиксы в хинди существенно видоизменяются под влиянием словообразовательных средств современного языка. Развитию продуктивности целого ряда приставок в хинди способствует калькирование международной терминологии. «При калькировании устанавливаются следующие типичные соответствия между санскритскими и иностранными приставками, представляющие продуктивные типы в области терминологического словообразования:

a-, *an-* — лат. *dis-*, *di-*, *ir-*, греч. *a-*, англ. *un-* “не-”, “без-”;
ati- — англ. *over-*, *super-* “через-”, “сверх-”, “супер-”;
antar- — лат. *inter-* “между-”, “интер-”;
ava- — лат. *de-* “низ-”;
ura- — лат. *vice-* “под-”, “зам-”;
niḥ — лат. *dis-*, англ. *un-* “раз-”, “не-”, “без-”;
punaḥ — лат. *re-* “воз-”, “ре-”;
prati- — лат. *anti-*, англ. *counter-* “проти-”, “анти-”, “контр-”;
vi- — лат. *de-*, *dis-* “раз-”, “вы-”¹⁵.

Следует также отметить, что в хинди, помимо санскритских префиксов, в области именного словообразования продуктивны и отдельные приставки персидского и арабского происхождения, восходящие к персидским и арабским предлогам, наречиям и прилагательным.

Что касается отглагольной префиксации в хинди, то она отсутствует, о чем уже упоминалось ранее. Исчезновение системы префиксов в глагольном словообразовании компенсируется различными способами:

- качественным и количественным усилением системы суффиксов;
- возникновением сочетаний глаголов с послелогами, выступающими непосредственно после глагольной формы и связанными с ней единством семантики и синтаксического употребления (подобно тому, как это встречается, напр., в английском языке).

Каковы же причины исчезновения префиксации в глагольной системе хинди и других новоиндийских языков? Безусловно, немалую роль в этом сыграли фонетические изменения, которые претерпевала индоарийская лексика в своем последовательном развитии от ведийских форм к новоиндийским. Однако исчезновение целого словообразовательного способа в одной из основных частей речи нельзя объяснить только фонетическими причинами, хотя бы потому, что:

¹⁵ А. С. Бархударов. Словообразование в хинди. М., 1963. С. 141.

1. звуковым изменениям подвергались и другие морфемы – напр., суффиксы, — что не только не привело к их слиянию с основами или исчезновению, но и послужило причиной образования новых суффиксальных морфем;
2. префиксация сохранилась в сфере новоиндийских имен.

Нам представляется, что основной причиной исчезновения глагольной префиксации в индоарийских языках является следующее. Вступая в соединение с глаголами, древнеиндийские превербы обнаруживают весьма разнообразные значения уже в санскрите – как в эпическом, так и в классическом. Наше исследование показало, что значения древнеиндийских префиксов зависят как от семантики глагольного корня, так и от контекста. Напр., ава- в соединении с глаголами движения указывает на направленность движения вниз: ава- + гам “идти” > авagam “спускаться, сходить (с коня)”; присоединяясь к глаголам других семантических групп, ава- может указывать на длительность, тщательность выполнения того действия, которое обозначено глагольным корнем: ава- + лок “видеть, смотреть” > авалок “рассматривать”. В качестве иллюстрации зависимости значения префикса от контекста можно привести пример с абхи-, который обычно в соединении с глаголами движения и речи означает “к”, “навстречу”: абхи- + гам “идти” > абhigam “подходить”. Но это же слово встретилось нам в эпосе и в других значениях, напр.: devatāmabhigamya sã... (“Рассказ о Савитри”, I, 25) “помолившись божествам, она...”.

Исследуя глагольную префиксацию в санскрите, мы обратили внимание на то, что в основном префиксальные глаголы не образуют регулярных словообразовательных моделей, такие модели выделяются лишь на некоторых семантических группах – это глаголы движения и конкретной семантики, которые составляют 63% от общего числа префиксальных глаголов в эпическом санскрите и около 50% в классическом. Многие префиксы в санскрите имеют несколько значений, отмечается немало случаев синонимии и антонимии среди приставок в составе глагольных производных – т.е. налицо отсутствие четких противопоставлений в системе глагольных префиксов. По всей видимости, именно эти факты и послужили главной причиной разрушения глагольной префиксации в современных индоарийских языках, причем тенденция к уменьшению продуктивности глагольной префиксации наметилась уже в классическом санскрите. Об этом свидетельствует заметное увеличение числа производных с “выветренным” или неясным значением префикса в них, а также уменьшение доли префиксальных глаголов в общем числе префиксальных производных.

Речения–нумерологемы в переводном тексте (на материале переводов с корейского)

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2000

В корейских средневековых произведениях лакунизированными в сильной степени для носителей русского языка оказываются так называемые речения–нумерологемы – “дейктические единицы, отсылающие в компрессированно-цифровой форме к определенному прецеденту, к определенному полю событий, фактов и оценок” (Сорокин 1998, 130).

Речения–нумерологемы являются трансляторами иной культуры, иного менталитета, иного мировосприятия.

В средние века в корейских произведениях широко использовались, например, такие речения–нумерологемы: *пять видов отношений, три правила поведения, семь пороков женщины, три года траура, шесть свадебных обрядов (церемоний)* и мн. другие.

Использование подобных речений в текстах корейских произведений по сути своей глубоко национально. В художественных переводах нумерологемы несут информацию о нормах и правилах поведения, морально-нравственных критериях, характерных для данного языкового социума. Однако информация, содержащаяся в нумерологемах, требует обязательного пояснения.

Разъяснения корейских традиций, стоящих за этими речениями, просто необходимы читателю с иным менталитетом и мировидением, воспитанному в иных традициях. К сожалению, зачастую пояснения к этим феноменам чужой культуры отсутствуют или носят обобщенный, не конкретный характер.

Шесть свадебных обрядов (заключение брака в феодальной Корее) часто упоминаются на страницах корейских литературных произведений.

Иногда авторы ограничиваются упоминанием лишь одного свадебного обрядового действия.

“Наконец отшельник спросил у сановника: – А не выбрать ли нам тут же *счастливейший день?*” (“Сказание о госпоже Пак” 1960, 497); “Молодой академик в алом халате, украшенном нефритом, подъехал к дому Иней *с деревянным гусем в руках*” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 108-109); “Однако живем мы друг от друга далеко, сноситься нам будет трудно. Вот и хотелось бы, чтобы уже теперь был назначен срок свадьбы, я *получил бы подарки жениха и передал их дочерям!*” (“Записки...” 1985, 113).

Чаще других встречается в художественных переводах с корейского такое обрядовое действие, как *саджу* “четыре даты” или “четыре столпа” – документ, содержащий год, месяц, день и час рождения жениха и

невесты. По *саджу* жениха и невесты составлялся гороскоп, в котором выяснялось, нет ли в сочетаниях дат неблагоприятных для свадьбы предзнаменований, а также выбирался день свадьбы, когда сочетания в ходе планет были наиболее счастливыми. Например, нельзя было допускать сочетания *тигр* и *заяц*, ибо *тигр* съест *зайца* и т.д.

“Хоть я и беззащитная вдовушка, но зря он все-таки думает, что можно взять меня замуж силком, пока я не погадала, как положено, *о четырех счастливых числах...*” (“История фазана” 1990, 298); “Пророчат *восемь знаков гороскопа* // Счастливую судьбу Чхун Хян в грядущем” (“Верная Чхун Хян” 1990, 80); “Все *шесть обрядов* можно до свадьбы и не выполнять. Но *свадебное письмо жениха* и запись *четырех его дат* должны быть непременно” (“Верная Чхун Хян” 1954, 93).

Комментарии к нумерологеме *шесть свадебных обрядов* можно разделить на две группы: 1. весьма краткие, довольно общего характера; 2. подробные с перечислением всех шести брачных обрядов.

Приведем примеры кратких пояснений общего характера.

“Хорошему делу всегда стараются помешать. Чхун Хян ведь еще не замужем, и я тоже не женат. Дадим друг другу обещания на словах, и хотя и не будет у нас положенных *шести свадебных церемоний*, но ведь сын дворянина не может одними устами произнести два прямо противоположных слова!” (“Верная Чхун Хян” 1990, 42). В Комментарий на странице 366: “*Шесть свадебных церемоний* – шесть обрядовых действий при заключении брака” (составитель Комментария Д.Елисеев).

“Лянь Юй начала мечтательным голосом: – Ну вот, увидела ты сегодня свадьбу и позавидовала Лотос, а я тебе скажу, что далеко ей до моей госпожи. Дождаться *шести церемоний* и стать чьей-то женой – это не так уж трудно” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 535). В Комментарий на странице 746: “*Шесть церемоний* – обряды, совершаемые во время сватовства: помолвка, выбор “счастливого” дня для свадьбы и т.д.” (составитель В.Сорокин).

Комментарии с подробным перечислением всех *шести свадебных обрядов* содержательно отличаются друг от друга. Проанализируем комментарии к четырем произведениям (в Корее существует много различных версий истории о верной Чхун Хян): 1) “Повесть о верной Чхун Хян, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь” (“Классическая проза Дальнего Востока” 1975, 332-368; составитель Л.Концевич); 2) “Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхун Хян” (“Корейские повести” 1954, 75-189; составитель Л.Концевич); 3) “Записки о добрых деяниях и благородных сердцах” (1985). (Составитель Комментария Д.Елисеев); 4) “Верная Чхун Хян” (1960). (Составитель Л.Концевич).

Объединим данные четырех Комментариев в таблицу.

№	Название произведения	Составитель Комментария	Обрядовые действия при заключении брака					
			1	2	3	4	5	6
1	Повесть о верной Чхун Хян, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь. 1975	Л. Концевич	Подарки невесте от жениха во время сватовства	Осведомление об имени и фамилии	Подарки невесте в знак помолвки, после гадания о будущей судьбе четы	Подарки невесте при окончательном заключении союза	Назначение срока свадьбы	Поездка жениха за невестой
2	Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь о Чхун Хян. 1954	Л. Концевич	Сватовство	Обряд вопрошения имени матери невесты (с целью гадания о судьбе невесты после замужества)	Оповещение невесты о счастливом дне, когда, согласно совершенному гаданию, можно совершить обряд бракосочетания	Подношение подарков невесте	Испрашивание у родителей невесты согласия с выбранным днем бракосочетания	Обряд встречи женихом невесты
3	Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. 1985	Д. Елисеев	Сговор и подарок невесте	Осведомление о родословной невесты и жениха	Выбор счастливого дня для свадьбы	Подношение подарков невесте после окончательного заключения брачного договора	Подношение невесте гуся	Поездка жениха за невестой
4	Верная Чхун Хян. 1960	Л. Концевич	Узнавание имени	Формальное сватовство	В дом невесты отправляются дары	Выбирается счастливый день для свадьбы	Родители жениха шлют друг другу письма с согласием на брак	В день свадьбы жених приезжает за невестой

Номинация первого обрядового действия в Комментарий-2 (далее К-2) вступает в гиперо-гипонимические отношения с номинацией

К-1, где К-2 является гиперонимом, а К-1, соответственно, гипонимом (см. об этом Швейцер 1988, 130).

Что же касается наименования обрядового действия в К-3, то лексема *сговор* в комментарии 3 (К-3), согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСРЯ), означает 'помолвку, соглашение между родителями жениха и невесты' (ТСРЯ 1992, 730). Помолвка, согласно тому же словарю: 'обряд, следующий за сватовством и предшествующий обручению' (Там же, 576). *Сватовство* и *сговор* являются разными этапами обрядовых действий при заключении брака. В К-4 на первое место ставится узнавание имени, так как первое и основное правило брака в Коре заключалось в том, чтобы жених и невеста носили разные фамилии. Людям, носившим одинаковые фамилии, запрещалось вступать в брак, так как считалось, что они состоят в хоть дальнем, но родстве.

Наименование второго обрядового действия в К-1 имеет самый общий характер и никак не уточняется: *осведомление об имени и фамилии*. В К-3 информация персонализируется: *осведомление о родословной жениха и невесты*. Содержащаяся же в К-2 информация полностью отличается от информации К-3: *обряд вопрошения имени матери невесты*. В К-4 информация о втором обрядовом действии носит самый общий характер и никак не раскрывается.

Наименования третьего обрядового действия в К-2 и К-3 не противоречат друг другу, однако информация, содержащаяся в К-3, носит более общий характер по сравнению с информацией в К-2: *выбор счастливого дня для свадьбы – оповещение невесты о счастливом дне, когда, согласно совершенному гаданию, можно совершить обряд бракосочетания*. Содержание К-1, полностью отличается от содержания двух названных выше Комментариев. Следует отметить, что составитель Комментария Л. Концевич относит *назначение срока свадьбы* к пятому обрядовому действию.

Как видно из таблицы, информация, содержащаяся в первых трех Комментариях при наименовании четвертого обрядового действия, полностью совпадает. Составитель К-4 Л. Концевич относит *выбор счастливого дня* к четвертому обрядовому действию, а *подношение даров* – к третьему обрядовому действию.

Сведения, содержащиеся в четырех Комментариях при описании пятого обрядового действия, не соответствуют друг другу. Однако сведения, содержащиеся в К-2 и К-4, не противоречат друг другу, хотя в К-4 дается более конкретная информация.

При описании шестого обрядового действия информация, содержащаяся в К-1, полностью идентична информации, содержащейся в К-3 и К-4: *Поездка жениха за невестой*. В К-2 дается полностью противоположная информация: *Обряд встречи женихом невесты*, из чего можно предположить, что невеста сама приезжала в дом жениха.

Чтобы установить действительное положение дел, обратимся к опубликованной в Республике Корея книге “Культовые обряды и их оформление” (1995).

В китайской конфуцианской книге “Чуджагори” называются следующие свадебные обряды: первый обряд *напче* – сватовство и подарки невесте от жениха во время сватовства; второй обряд *буммён* – жених посылает официальное письмо невесте, в котором запрашивается имя матери невесты и *четыре даты* невесты; третий обряд *напкиль* – приглашение в дом жениха шаманки с целью определения будущей судьбы молодых, выбор счастливого дня для свадьбы и вопрошение согласия невесты на то, чтобы свадьба состоялась именно в этот день; четвертый обряд *напчин* – со стороны жениха посылают невесте подарки (это является подтверждением того, что свадьба состоится); пятый обряд *чонги* – со стороны жениха выбор счастливого дня и оповещение об этом невесты; шестой обряд *чиннён* – церемония бракосочетания, которая проходит в доме невесты (см. об этом указ. соч., 38-39).

Однако, как отмечается в книге, в Корее эти шесть обрядов никогда в точности не соблюдались и имели лишь символическое значение.

В Корее же на основе этих шести обрядов укоренились свои брачные церемонии: первый обряд *ыхон* – сватовство, родители жениха и невесты пишут друг другу письма, в которых вопрошают согласие на брак; второй обряд *напче* – со стороны жениха посылается официальное письмо, в котором сообщается *сэджу* (“четыре даты”), родители невесты проверяют, совпадают ли “четыре даты” жениха и невесты, назначается счастливый день и жениху в официальном письме сообщается об этом (это обрядовое действие называется *ёнгиль*); третий обряд *напэ* – накануне свадьбы родители жениха посылают родителям невесты письмо благодарности за то, что родители невесты отдают дочь замуж за их сына, невесте от жениха посылается подарок; четвертый обряд *чиньён* – церемония бракосочетания, которая проходит в доме невесты, будущий зять подносит теще деревянного (раньше живого) гуся, который передает ей дружка. (см. об этом указ. соч., 10-38). Подробнее о свадебных обрядах средневековой и современной Кореи см. Ланьков 2000, 246-259; 378-387; Симбирцева 2000, 94-110 и др.

В силу различий в “модели мира”, разного отношения к тем или иным традициям, обычаям, обрядам нумерологемы, как мы уже подчер-

кивали, являются лакунами значительной глубины для русскоязычного читателя и поэтому нуждаются в подробных и четких разъяснениях.

Как видно из таблицы, пояснения к нумерологеме *шесть свадебных обрядов* достаточно разноречивы, хотя три из четырех проанализированных произведений – это версии повести о верной Чхун Хян и комментарии к ним составлены одним и тем же переводчиком.

Следует отметить, что в Комментариях существует разница не только в их содержательной стороне, но и последовательности расположения обрядовых действий. Все это затрудняет адекватное восприятие русскоязычным читателем феномена инокультуры.

Подробные и четкие комментарии переводчиков к таким феноменам, как нумерологемы способствовали бы более глубокому “погружению” русскоязычного читателя в мир иных, чуждых ему традиций, правил и обычаев, помогли бы почувствовать специфическую атмосферу средневековой и современной Кореи.

Л и т е р а т у р а

- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Роман. Перевод с корейск. и ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История фазана. // Верная Чхун Хян. Корейские классические повести XVII–XIX вв. М.: Худож. литер., 1990.
- Культовые обряды и их оформление. Сеул. 1995 (на корейском языке).
- Ланьков А.Н. Корея: будни праздники. М.: Междунар. отношения, 2000.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992 (ТСРЯ).
- Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь о Чхун Хян. // Корейские повести. Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1954. С. 75-189.
- Повесть о верной Чхун Хян, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь. // Классическая проза Дальнего Востока. М.: Изд-во худож. литер., 1975.
- Симбирцева Т.М. Корея на перекрестке эпох. М.: Изд. Дом: “Муравей Гайд”, 2000.
- Сказания о госпоже Пак. // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- Сон в нефритовом павильоне. М.: Изд-во худож. литер., 1982.
- Сорокин Ю.А. Сознание и модусы его существования: Китайская лингвокультурная общность в 1966-1976 гг. // Проблемы этносемантики. Сб. научно-аналитич. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 122-142.

Принципы анализа синтаксических фразеологизмов (на материале синтаксического фразеологизма *Вот мастер; Вот так мастер; Вот мастер так мастер; Вот тебе и мастер*)

© Лим Су Ён (Республика Корея), 2000

Синтаксические фразеологизмы представляют определенную трудность при изучении русского языка инофонами. Описание, которое даётся в словарях и учебных пособиях, оказывается недостаточным для их корректного понимания.

Первый шаг к более полному представлению о синтаксических фразеологизмах (СФ) был сделан А. В. Величко, которая предложила их смысловую группировку [см. Величко 1996]. Однако наш анализ показал, что и в рамках одной группировки каждый СФ обладает разными вариантами своей формальной устроенности и целым спектром более тонких значений.

При анализе СФ приходится учитывать: 1) свойства формальной устроенности данного типа СФ и её разновидности; 2) семантические особенности и их разновидности; 3) интонацию, типичную для этого СФ. Отметим, что каждый из этих признаков не может анализироваться в отрыве от двух других, так как все три признака находятся в отношениях взаимной дополнительности. Более того, принципиально важным оказался анализ лексики, формирующей данную модель, так как лексико-семантические классы слов определяет ее семантику и структуру.

Мы хотим представить пример такого анализа на материале СФ типа *Вот мастер; Вот так мастер; Вот мастер так мастер; Вот тебе и мастер*.

Частица *вот* представляет собой одно из самых употребительных и многозначных слов в русском языке. Она служит для выражения разнообразных смысловых и модально-экспрессивных оттенков предложений, сочетаясь с разными частями речи: *Вот наш дом; Вот, посмотри звёзды; Вот в чём проблема; Торт вот испекла; Вот и правильно; Вот и сделай; Вот радость; Вот сильный* и мн. др. [см. БАС; МАС; Прокуровская 1974 и т.д.].

При всём разнообразии семантики данной частицы и её употребления в языке её функции можно бы свести к следующему трём:

1) *Вот* выполняет **у к а з а т е л ь н у ю** функцию, т.е. указывает на кого-либо (что-либо), находящегося или происходящее в непосредственной близости, перед глазами или как бы перед глазами. Например, – *Знакомые, печальные места. Я узнаю окрестные предметы.*

Вот мельница. Она уж развалилась (Пушкин); – **Вот она, банда.** – сказал сзади кто-то из красноармейцев. – *Какая же это банда?... Это наши товарищи* (В. Войнович).

2) Частица *вот* употребляется в целях усиления, выделения, акцентирования значения различных слов. Так например, – Ты знаешь, что тебя на каждом шагу окружают микробы? **Вот ты** зачерпнула кружку воды... Так? – Андрей зачерпнул кружку воды (Шукшин); – **А вот градус-то** и распирает. – Да какой тут, к черту, градус – квас. Это газ выходит, а не градус (Шукшин).

3) Частица *вот* способна дать высказыванию эмоциональный или экспрессивный оттенок. Такой случай наблюдается, как правило, в высказываниях оценочного содержания. Например, – *Ну, а что же ты, Борису не изменила?* – спросил брат. – **Вот глупости!** – смеясь, крикнула Наташа (Л.Толстой); *Но Скалозуб?* **Вот загляденье!** (Грибоедов).

Объект нашего исследования – СФ – связан с последней функцией, т.е. функцией этой частицы в эмоционально-оценочных предложениях.

Однако нельзя категорически разделить эти три значения, поскольку одно значение в большей или меньшей степени часто сохраняет связь с остальными. Так например, в оценочном предложении типа *Вот глупости* частица *вот* как бы представляет то событие, на которое направлена непосредственная реакция – оценка – говорящего, между тем как в подобных оценочных предложениях типа *Что за глупости; Какие глупости* ‘что за’ и ‘какие’ выражают больше всего степень проявления признака. Это обусловлено тем, что частица *вот* даже в эмоционально-оценочном предложении не совсем теряет указательное значение, что позволяет обнаружить особенности данного предложения на функционально-коммуникативном уровне. Кроме того, как указывает Л.В.Лебедева в [Лебедева 1966], оценочное предложение с частицей *вот*, в отличие от предложений с *что за; какие*, имеет особый оттенок уверенности в подлинности оценки. Это также объясняется семантикой этой частицы. Ср.:

– *Я знаю, что никогда уже я не буду так счастлива, спокойна, как теперь.* – **Вот вздор, глупости, враньё** – сказал Николай и... (Л. Толстой) ≈ Это настоящий вздор, глупости, враньё; – *Почему вы знаете? Нет, мама, вы не говорите ему. Не смейте говорить ему.* **Что за глупости!** – говорила Наташа тоном человека, у которого хотят отнять его собственность (Л. Толстой) ≈ Большие глупости; – *Я его видела сегодня ночью с кинжалом в руке. И будто он мне говорит: “Я тебя убью и себя убью”.* **Какие глупости!** (Тургенев) ≈ Большие глупости.

Как показал наш материал, частица *вот* как бы образует четыре типа модели оценочного предложения, каждая из которых характеризуется своими структурными и семантическими особенностями:

- I. **Вот** Сор_f (Adj) Н_{им} : *Вот мастер; Вот дружба.*
- II. **Вот так** Сор_f Н_{им} : *Вот так мастер; Вот так дружба.*
- III. **Вот** Сор_f Н_{им} **так** Н_{им} : *Вот мастер так мастер; Вот дружба так дружба.*
- IV. **Вот тебе (вам) и** Сор_f Н_{им} : *Вот тебе и мастер; Вот вам и дружба.*

Рассмотрим каждую модель подробнее.

Модель I. Вот Сор_f (Adj) Н_{им} : *Вот мастер; Вот дружба.*

Данную модель, в отличие от остальных, можно отнести к СФ весьма условно в зависимости от лексико-семантического класса имени. То есть, на наш взгляд, характеристика данной модели как фразеологизма ослабляется в том случае, если выступают слова, которые уже заключают в себе значение оценки. Такими словами могут быть не только существительное: *Вот прелесть; Вот герой; Вот досада*, но и прилагательное и наречие: *Вот красивая; Вот правильно.*

В приведённых предложениях частица *вот* не участвует в обозначении оценочного смысла, а лишь передаёт речи определенную окраску: эмоциональность, направленность оценки и уверенность в оценке [см.: стр.2], поскольку оценка выражена уже самой лексикой. Иначе говоря, при выражении оценочного значения при маркированном имени в плане оценки практически не происходит «переосмысление» синтаксического строения и лексического состава. В таком случае фразеологизированность данной модели ослаблена почти до нулевого уровня (ср.: *Что за глупости; Какие глупости*).

Совершенно другое дело, когда с *вот* сочетается немаркированные имена: **Вот жизнь-то**, Харита Игнатьевна, позавидуешь (Островский); Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею? **Вот народ...** Никакой культуры. Еле от нее отбился (Жванецкий).

Как мы видим, в таком случае структура и семантика изучаемых предложений имеют идиоматический характер: частица *вот* не только усиливает эмоциональную окрашенность предложения, но и, прежде всего, вводит оценочный смысл наряду с самой фразеологизированной структурой.

Итак, в строгом смысле данную модель можно считать СФ, когда в качестве Н_{им} выступают немаркированные слова. Но поскольку очень распространено употребление в этой модели и маркированных слов, будем рассматривать данную модель и с маркированным именем.

Как отмечено, при маркированном имени сама лексика уже полностью определяет ту или иную оценку. Что касается модели с немаркированным именем, то здесь для определения конкретной семантики должно быть учтено несколько дополнительных средств, а именно а) определение: *Вот погода чудесная; Вот идея глупая*; б) контекст: *...молодцы! О мои добрые, добрые друзья! Вот люди! О мои добрые друзья!* (Л.Толстой); *Вот положение-то, Господи! Хоть бы помог кто-нибудь* (Шукшин); в) интонация: *Вот отдых* при положительной оценке ИК-3/6; при отрицательной оценке ИК-7. Отметим, что иногда интонационная характеристика оказывается важнее лексической семантики маркированного слова. Например, положительно маркированные слова при определенной интонации, в частности, при ИК-7 передают ироническую оценку: *Вот герой!*

Данная модель, так же как и другие СФ, обладает структурными разновидностями. Наш корпус примеров позволил выделить следующие шесть разновидностей:

1. **Вот** Сор_f (Adj) Н_{им}: *Вот мастер; Вот дружба; Вот погода прелестная.*
2. **Вот** (Adj) Н_{им} Сор_f S: *Вот артист наш Саша; Вот они администраторы.*
3. **Вот** Сор_f Н_{им} Inf: *Вот глупость спать целый день; Вот желание посмотреть кино накануне экзамена.*
4. **Вот** Н_{им} V_f: *Вот книга вышла в свет.*
5. **Вот** N_{вин} (S) V_f: *Вот картинку нарисовали; Вот статью вы написали.*
6. **Вот** (S) V_f: *Вот выступил.*

Если модели 1, 2 представлены именным предикатом, то модели 4 – 6 включают в себя глагольный предикат (финитную форму глагола). Причём финитная форма глагола может выступать с подлежащим (модель 4); с дополнением (модель 5); в одиночестве (модель 6). Модель 3, в одном случае, имеет только именную предикат, а в другом – как именную предикат, так и глагольный предикат (инфинитив) [подробнее см. дальше].

Рассмотрим эти разновидности подробнее.

I.1. Вот Сор_f (Adj) Н_{им}: *Вот мастер; Вот дружба.*

I.1.1. Структурные характеристики

Здесь в позиции Н_{им} могут быть как оценочные имена: *прелесть; глупость; герой; умница; негодяй*, так и имена без оценочной семантики: *учитель; погода; книга; случай; жизнь*.

Маркированность/немаркированность имени в плане оценки оканчивается принципиально важной при определении функции *Ним* в предложении. В предложениях маркированные имена являются предикатом, т.е. характеристикой со стороны говорящего некоторого денотата, а немаркированные имена представляют собой сам референт, т.е. то, что говорящий характеризует. Ср.: *Вот прелесть* ≈ *Кто-то (что-то) прелестный*; *Вот учитель* ≈ *Учитель отличный; способный*. Здесь слово *прелесть* выступает как семантический предикат, а слово *учитель* – семантический субъект. На этом основании можно сказать, что *Ним* в плане структурно-семантическом выполняет две функции: 1) функцию семантического предиката (*Вот прелесть*; *Вот досада*); 2) функцию семантического субъекта (*Вот учитель*; *Вот погода*; *Вот работа*). С точки зрения членопредложенческого статуса слова типа *прелесть* занимают позицию сказуемого, а слова типа *учитель* – позицию подлежащего (мы опираемся на концепцию функционально-коммуникативной грамматики, представленной в [Всеволодова 2000]).

В этой модели, как, впрочем, и в остальных моделях, в целях усиления выразительности высказывания часто могут выступать такие частицы и местоимения, как *ведь, уж, то, это, какой* и т.д.: *Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь* (Островский); *Такой барин, ждем не дождемся: год ждали – вот какой барин!* (А. Островский); – *Конечно, деньги, которые я выиграл последний раз, у меня остались. – Вот это мужчина. Садитесь, Лева...* (Н. Леонов).

Кроме того, как уже сказано, к имени существительному может присоединяться маркированное прилагательное в роли определения плюсовой и минусовой шкалы оценки: *Пьер переглянулся с графиней Марьей и Николаем (Наташу он всегда видел) и счастливо улыбнулся. – Вот музыка-то чудная!* – сказал он (Л. Толстой); *Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!* (А. Островский); *Так зачем же вы здесь? Вам давно бы впереди должно быть, теперь до вечера не пройдете. Вот распоряжения-то дурацкие; сами не знают, что делают, – говорил офицер и отъезжал* (Л. Толстой).

Данная модель имеет четырёхчленную парадигму (настоящее, прошедшее, будущее время и сослагательное наклонение): *Вот дружба*; *Вот была дружба*; *Вот будет дружба*; *Вот была бы дружба*. Но в речи чаще всего наблюдается настоящее время.

1.1.2. Семантические характеристики

В данной модели выделены три семантических разновидности: 1) Аксиологическая оценка; 2) Параметрическое значение; 3) Отступление от нормы. По нашим наблюдениям, эта модель чаще всего выражает аксиологическую оценку, в особенности, отрицательную оценку.

1) Аксиологическая оценка

1-а) положительная оценка при маркированном имени:

...совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту... – **Вот ведь тоже феномен!** – вскричал студент и захохотал. Они стали говорить о Лизавете (Достоевский); ...я рассказываю, как будто это меня интересует, – думал дипломат, взглядывая на счастливые лица любовников, – **вот это счастье!** (Л. Толстой).

1-б) положительная оценка при немаркированном имени:

– Здесь есть архитектор Сааринен, я, кажется, говорил тебе о нем? – Это гений. Я видел его проект здания для Конгресса мира в Гааге. – **Вот вещь!** (Горький); **Вот молодость!** – подумал Тренер. – Пенье до рассвета, холодная вода Великой, запах цветущих лип... (К. Паустовский); – **Вот сын какой у тебя!** – не без гордости заметил старик, обращаясь к жене. – Наша порода – Воеводины. Сказал «нет» – значит, все. Гроб. Я такой же был (Шукшин).

1-в) отрицательная оценка при маркированном имени:

...но корова не выходила: она привыкла, что перед ней раскрывают ворота настежь. «**Вот скотина**» подумал Чонкин и хотел протянуть ее вдоль спины засовом, но пожалел (В. Войнович); ...Лева идет по скверу, и у него до неприличия напыщенный вид. Лева отложил карточки. **Вот черти.** Как они ухитрились? (Н. Леонов); Он только озирался кругом разиня рот, чем еще больше поджег общую веселость. – **Вот какой олух!** Смотрите, смотрите! И на что его привели? (Достоевский); – Вы, кажется, нарочно хотите меня раздражить, чтоб я только от вас теперь отстал... – **Вот чудак-то,** да мы уж пришли, милости просим на лестницу (Достоевский).

1-г) отрицательная оценка при немаркированном имени:

Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею? **Вот народ...** Никакой культуры. Еле от нее отбился. Хорошо еще, ребята поддержали... (М. Жванецкий); Осторожнее, стерва! Кипяток! Лева начал извиняться, Крошин мгновенно взял себя в руки и рассмеялся. – **Вот оказия!** – он посмотрел на залитую рубашку, затем встал и направился в ванную (Н. Леонов); [Михевна:] К нам, батюшка, в дом мужчины не ходят. И кто это вас пустил? Сколько раз говорила девкам, чтоб не пускали. [Дергачев:] (пожимая плечами) **Вот нравы!** (А. Островский); [Восмиратов:] ...Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... (Задумывается и как будто воспоминает) восемьсот. Пожалуйста-с! (Подает Гурмыжской) [Гурмыжская:] Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно... [Восмиратов:] Виноват-с, простите великодушно! **Вот память-то!** (А. Островский).

В этой модели имя часто употребляется иронически. Например, – **Вот благодарность, вот признательность** людям, которые всем пожертвовали для него, – сказала она (Л. Толстой); [Глумов:] Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой

брак должен быть счастлив и благополучен. [Курчаев:] Непременно. [Глумов:] В этом браке нет людского произвола, следовательно, нет и ошибки. [Турусина:] Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить (А. Островский).

2) Параметрическое значение

В данном случае доминирующий компонент значений указывает на степень какого-либо качественного или количественного признака референта в отсутствие аксиологической оценки. Следовательно маркированные имена здесь выступать не могут. Можно сказать, что в данном значении в какой-то мере имеется смысл «отступления от нормы» именно по отношению к степени признака референта:

Предполагается также создание попечительского совета при новом канале. 1 ноября 1997 года (вот это темпы!) вещание «Культуры» начнется от Питера до Урала везде, где раньше телезрители могли видеть картинку (МК); Дед твой был бы живой, он бы тебе показал силу. Он бы тебя в узелок завязал с твоей силой, хоть и старик был. У него вот была сила! (Шукшин).

3) Отступление от нормы (Странность)

Здесь указывается, что объект оценки, по мнению говорящего, обладает необычным, ненормальным качеством или не соответствует стандартному представлению однородного типа референта:

Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то! (А. Островский); – Да нету. Денисов скинул обе подушки на пол. Кошелек не было. – Вот чудо-то! – Постой, ты не уронил ли? (Л. Толстой); Вот книга для студентов! Я думала, что это для детей. Каждая половинка страницы наполнена рисунками. Но зато интереснее (из зап.).

I.2. Вот (Adj) N_{им} Cop_г S: Вот артист наш Саша; Вот они администраторы.

I.2.1. Структурные характеристики

В этой модели можно выделить два типа по характеру компонента S. Здесь в качестве S могут выступать а) и м я: *Вот человек был Гарибальди!...Вот герой! Это я понимаю! Сколько ему приходилось биться с врагами, а всегда его верх был (Н. Островский); б) местоимение: Когда Наташа закончила школу, ей вручили золотую медаль. Вот она, умница! (из зап.); Но тут с братом Дмитрием что-то случилось: он заплакал и стал колотить кулаком по колену. – Вот она, моя жизнь! Видел? Сколько злости в человеке! Сколько злости! (Шукшин).*

Эти два случая характеризуются разным порядком слов: подлежащее-имя обычно находится в постпозиции, подлежащее-местоимение же предпочитает интерпозицию между *вот* и существительным.

В обоих случаях S является субъектом, а сочетание вот с существительным представляет собой предикат: Вот человек был Гарибальди \approx Гарибальди был великолепным человеком; Вот она, умница \approx Она умница; Вот они администраторы \approx Они плохие, безответственные администраторы. Однако в модели типа Вот она, моя жизнь, где с подлежащим-местоимением употреблены в качестве Ним событийные имена без оценочного значения, Ним вместе с S играет роль семантического субъекта, а не предиката. Здесь функцию предиката выполняет именно частица вот: Моя жизнь – ужасная, безобразная.

Иногда встречается случай, когда позиция S занята одновременно именем и местоимением. В таком случае имя следует прямо за местоимением, но они разделены запятой: *Как тебе объяснить? Вот мы, русские, крепкий ведь народишка!* (Шукшин).

1.2.2. Семантические характеристики

Семантические разновидности этой модели представляются так же, как и в модели **Вот** Сор_f (Adj) Ним. То есть эта модель тоже, в основном, выражает аксиологическую оценку.

Отметим, что сочетание вот с подлежащим-местоимением употребляется чаще всего при выражении отрицательной, иронической оценки: ...денежек вы у нас взяли, как потратили? Сколько денег выделено на праздничные мероприятия? – **Вот она, демократия!** Никто не спросит – как вы живы ль ещё? Ты посмотри, что творится в городе (МК) \approx Это не настоящая демократия; Разве, кто платит, не все равны в гостиницах? Не только в республике, но во всем мире. Паршивая ваша республика!...**Вот оно равенство!** (Л. Толстой) \approx Это не (настоящее) равенство; – ...И зачем ты во всем вмешиваешься? **Вот она, твоя доброта.** Называется помогла! – прочитав статью о совещании, возмущалась по телефону Галя Черная (О. Калин., Отв. себе!); Слышала? Так литератор, сочинитель, пять целковых в «благородном доме» за фалду взял? **Вот они, сочинители!** (Достоевский)

1.3. Вот Сор_f Ним Inf: Вот глупость спать целый день; Вот желание посмотреть кино накануне экзамена.

Данная модель представлена двумя типами в зависимости от роли инфинитива. Инфинитив может выступать а) как второй предикат (*Вот глупость спать целый день*); б) как расширитель именного предиката (*Вот желание посмотреть кино накануне экзамена*). Разделение этих двух типов инфинитива обусловлено семантикой имени.

а) Инфинитив как второй предикат:

Инфинитив, находясь после именного предиката, играет роль второго предиката. Здесь выступают имена, выражающие психологические состояния человека типа *радость, печаль*, или собственно оценочный смысл типа *прелесть*,

глупость. Как видим, эти имена есть маркированные и следовательно эта модель обозначает ту или иную аксиологическую оценку состояния, действия и т.д.:

Здесь открылся фестиваль международной кухни. Вот радость попробовать разную национальную кухню (из зап.) \approx *Попробовать разную национальную кухню – радость, радостно; Вот глупость спать целый день* (из зап.) \approx *Спать целый день – глупость, глупо*.

Инфинитив мы не считаем подлежащим, так как в концепции функционально-коммуникативной грамматики подлежащим может быть только имя существительное и его субституты. Мы рассматриваем эту модель как предикативное сочетание или сочетание предикатов частей сложного предложения: *Когда попробуешь разную национальную кухню, это радостно; Если спишь целый день, это глупо*.

б) Инфинитив как расширитель именно-го предиката:

В данной модели инфинитив раскрывает содержание имени, сочетаясь с именем со значением мыслительной деятельности типа *идея, мысль*, или с модальным значением типа *желание, охота*. Эти имена немаркированные. Здесь выражается то или иное (обычно отрицательное) отношение говорящего к тому, что обозначено инфинитивом: *И вот охота заставлять ее петь! Что она может петь? И ничего тут нет веселого* (Л.Толстой).

1.4. Вот $N_{им} V_f$: *Вот книга вышла в свет*.

Данная модель, наряду с моделью **Вот** $N_{вин} (S) V_f$ представляет собой общую разновидность модели **Вот** $Cor_f (Adj) N_{им}$. Здесь за сочетанием *вот* + $N_{им}$ следует финитная форма глагола: *вот* + $N_{им}$ выступает в роли подлежащего, а глагол – сказуемого. Семантически эта модель близка модели **Вот** $Cor_f (Adj) N_{им}$: *Мне очень понравилась эта музей-усадьба. Какая прелестная природа! Там вот такой дуб стоит! Ему более четырехсот лет* (из зап.).

Иногда может выступать глагол, имеющее фазисное значение: *получиться; отыскаться; бывать* и т.д. В таком случае данная модель представляет собой структурно-семантическую модификацию модели **Вот** $Cor_f (Adj) N_{им}$: – *Что вы наделали, я вас спрашиваю?* – сказала она строго. – *Я? Что я?* – сказал Пьер. – **Вот храбрец отыскался!** Ну, *отвечайте, что это за дуэль?* (Л. Толстой).

В позиции $N_{им}$ возможно употребление местоимения вместо имени: *Когда мама удивлялась: «Ах ты, Господи! Гляди-ка! Вот ведь что на свете бывает!»* – я чуть не стонал от счастья и торопливо и несколько раздраженно говорил: «Да ты погоди, ты послушай, что дальше будет!» (Шукшин).

I.5. Вот N_{вин} (S) V_f : *Вот картинку нарисовали; Вот статью вы написали.*

Данная модель, так же как и модель **Вот N_{им} V_f** представляет собой общую разновидность модели **Вот Сор_f (Adj) N_{им}**. Эта модель состоит из винительного падежа существительного и финитной формы глагола. В отличие от предыдущей модели (**Вот N_{им} V_f**), в которой глагол может быть опущен без изменения смысла, в этой модели позиция глагола облигаторна. Иначе, эта модель оказалась бы недостаточной с точки зрения и структуры, и семантики. В этой модели, как правило, выражается *а к с и о л о г и ч е с к а я о ц е н к а*.

а) положительная оценка:

Тамара стала одеваться. – Вот сапоги купил тятю! – похвалился Игнат. – Глянь. Обрадуется старик (Шукшин).

б) отрицательная, ироническая оценка:

– Ему удалось наконец подтащить ее к двери и вытолкнуть. – Ну, здорово!... – Он закрыл дверь на крючок. – Фу-у... Вот каких ты делов натворил – любуйся теперь (Шукшин); [Аграфена Кондратьевна:] Молчи, молчи, Таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная!... (А. Островский).

I.6. Вот (S) V_f : *Вот выступил.*

В данной модели за частицей *вот* следует финитная форма глагола без имени и дополнения. Разумеется, здесь оценка направлена на какое-либо действие или состояние. Эта модель, как правило, выражает *а к с и о л о г и ч е с к у ю о ц е н к у*.

а) положительная оценка:

Вчера был концерт наших первокурсников. Вот выступили. Они были настоящими музыкантами (из зап.).

б) отрицательная оценка:

Не знал я тогда, что навсегда уйду из родного села. То есть буду еще приезжать потом, но – так, отдышаться... Вот уж не знал! (Шукшин); – Зря ты не поборолся с ним. – Вот привязался! – удивился Васька. – Ты что? (Шукшин); – Чего рассказывал про учительницу-то? Про какую учительницу? – Да это... про Федорову... – Тьфу! Вот пропишут куда-нибудь в газету! (Шукшин).

Модель II. Вот так Сор_f N_{им} : *Вот так мастер; Вот так дружба.*

Данная модель имеет следующие шесть разновидностей:

1. **Вот так Сор_f N_{им} :** *Вот так мастер; Вот так дружба.*

2. **Вот так** N_{им} Cop_f S: *Вот так мастер наш Петя; *Вот так он мастер* (в этой модели не употребляется местоимение как S).
3. **Вот так** N_{им} Cop_f Inf: *Вот так глупость сидеть дома в праздник; Вот так идея поехать туда.*
4. **Вот так** N_{им} V_f: *Вот так мастер отыскался.*
5. **Вот так** N_{вин} V_f: *Вот так пирожки испекли.*
6. **Вот так** V_f: *Вот так выступил.*

Эти разновидности представлены такими же, как и в предыдущей модели **Вот** Cop_f (Adj) N_{им} и обладают почти тоже самыми структурными и семантическими особенностями. Поэтому мы будем рассматривать только модель, которая является как бы основой этих разновидностей, а именно модель **Вот так** Cop_f N_{им}.

II.1. Структурные характеристики

В данной модели оценочное значение вводит сложная частица *вот так* в сочетании с именем (*так* всегда безударное). В этой модели, в отличие от модели **Вот** Cop_f (Adj) N_{им}, маркированность/немаркированность имени не влияет на характер фразеологизированность.

Эта модель обладает такими же структурными особенностями, как и предыдущая модель **Вот** Cop_f (Adj) N_{им}.

II.2. Семантические характеристики

Семантика данной модели представлена двумя разновидностями: 1) Аксиологическая оценка; 2) Параметрическое значение.

1) Аксиологическая оценка

В этой модели аксиологическая оценка обозначена, чаще всего, немаркированным именем.

1-а) положительная оценка при немаркированном имени:

– **Вот так шапка, ребята!** – кричал преображенец, надевая мохнатую шапку француза. – Чудо как хорошо, прелесть! (Л.Толстой); – **Вот так случай!** – сказал Леонтьев про себя и засмеялся. – Встреча с читателем! (К.Паустовский); Христо не может сдержать себя и с счастливым сдвленным смехом кидает через голову Коли к моим ногам большую толстую серебряную кефаль. – **Вот так рыба!** – шепчет он мне (А.Куприн).

1-б) отрицательная оценка при маркированном имени:

– **Вот так фрукт,** – произнес Борейко, все ещё загораживая двери. – Сам украл, а других платит заставляет (Степан., Порт-Артур).

В этом примере слово *фрукт* имеет отрицательную сему по отношению к человеку.

1-в) отрицательная оценка при немаркированном имени:

• По правде говоря, я бы и сам не смог читать дальше. **Вот так книга!** (Шукшин); *Вдруг дверь открылась, и появился неожиданный гость... Егор даже слегка растерялся. – О-о! – сказал он. – Вот так гость! Садись, Вася!* (Шукшин);...*за голову схватилась. Ну и дела! Вот так хваленый мини-пансионат для престарелых* (МК).

2) Параметрическое значение

– **Вот так гроза!** – сказал какой-то незнакомый бас... (А. Чехов).

Модель III. Вот Сор_f N_{им} **так** N_{им} : *Вот мастер так мастер; Вот дружба так дружба.*

В этой модели выделяются следующие пять разновидностей:

1. **Вот** Сор_f N_{им} **так** N_{им} : *Вот мастер так мастер; Вот дружба так дружба.*
2. **Вот S** Сор_f N_{им} **так** N_{им} : *Вот наш Саша мастер так мастер; Вот он учитель так учитель.*
3. **Вот** N_{им} **так** N_{им} V_f : *Ной поглядывал то на одного, то на другого офицера, складывал себе на уме: Вот уж банда так банда дорвалась к власти!* (А. Черкасов).
4. **Вот** N_{вин} **так** N_{вин} V_f : *Вот, Татьяна Ивановна, я встретил женщину, так женщину!* (Писемский).
5. **Вот** V_{f/3s/n} **так** V_{f/3s/n} : *Её выбор пал на 47-летнего Фила Бронштейна, заместителя главного редактора газеты «Сан-Франциско экземинер». Вот кому повезло так повезло! (7 дней); Вот удружил так удружил* (из зап.).

Эти разновидности также обладают тоже самыми структурными и семантическими особенностями, как предыдущие две модели.

Рассмотрим модель **Вот** Сор_f N_{им} **так** N_{им}, которая представляет собой основу этих разновидностей.

III.1. Структурные характеристики

Здесь для выражения оценочного значения служит не только модуль *вот...так...*, но и повторение самого имени. Эта модель является своего рода тавтологическим типом.

III.2. Семантические характеристики

В данной модели, как правило, выражена аксиологическая оценка. Здесь аксиологическая оценка обладает специфическим значением точного соответствия называемому, истинности и полноты. По нашим наблюдениям, в этой модели преимущественно выражена положительная оценка. Отрицательная оценка, как правило, обозначена маркированным именем.

1) Аксиологическая оценка

1-а) положительная оценка при маркированном имени:

Вот прелесть так прелесть! Наконец-то он защитил свою диссертацию (из зап.).

1-б) положительная оценка при немаркированном имени:

– Чего брось? Мне сейчас будет звонить... Волшебник один... – Федор искренне, от души засмеялся... – **Вот волшебник так волшебник!** Всем волшебникам волшебник (В. Шукшин); – **А! Вот пес, так пес!** – крикнул Капачаев, растопыривая руки перед датской собакой (Григор.); Алексей завидовал ему: **вот это свобода так свобода!** – забывая о том, что и сам он был так же, как и Костя, свободен, когда брался за свой молоток (В. Кочетков); **Вот это был метод так метод!** Все мужжики включились в работу (В. Астафьев).

1-в) отрицательная оценка при маркированном имени:

...прислали и описание, как его правильно заваривать, так я устроил себе чайную церемонию. **Вот гадость так гадость!** Надюша сразу все в помойку выпила, а я допил (МК); – **И кисет прихватил!** – Никитич зло плюнул. – **Вот поганец так поганец!** – Прибавил шагу (Шукшин).

Модель IV. Вот тебе (вам) и Сор_fН_{им} : *Вот тебе и мастер; Вот вам и дружба.*

IV.1. Структурные характеристики

В данной модели за частицей *вот* следует дательный падеж местоимений *тебе; вам* и слово *и*.

Формы местоимений *тебе; вам*, которые нередко употребляются во фразеологизированных построениях, теряют свои прямые лексические значения и усиливают экспрессивность оценки, как правило, отрицательной.¹

IV.2. Семантические характеристики

Эта модель употребляется тогда, когда обнаруживается отсутствие предполагаемых положительных качеств, тем самым объект оценки характеризуется отрицательно:

Даже за полцены! Меня его планы повергли в уныние. Вот тебе и Победоносец, вот тебе и земледелец! Но в лоно общепита старый шеф-повар возвращаться не собирается (МК); – Вот-те и сын друга семейства!...ха-ха-ха! – продолжал смеяться граф (Л. Толстой); Папаша ведь тоже в бога не верит. Вы как-то сказывали, что у Гунторева баранов уняли... Я нашел: это шикаловский мужик украл; он украл, а шкурки-то у папаши... Вот вам и вера! (А. Чехов).

¹ Отметим, что не каждое *тебе; вам* встречается в таком употреблении: – *Знаешь, топ шер,* – сказала губернаторша с серьезным выражением маленького доброго лица, – **Вот это тебе точно партия;** хочешь я тебя сосватаю? (Л. Толстой). Здесь *тебе* сохраняет свое прямое лексическое значение.

Иногда слово и может быть опущено: Сами, гады, по две сотни выколачивают, а мне дали аванса ученических пятнадцать рублей. **Вот тебе равенство и братство!** (И. Шам.).

Кроме оценочного значения, данная модель выражает значение отрицания представления, названного именем: *Сообщили, что мы должны остаться на лето работать. Вот тебе и каникулы* (из зап.).

Таким образом, анализ СФ в функционально-коммуникативном плане позволяет выявить их структурные и семантические разновидности и особенности, которые являются необходимыми для их корректного понимания.

Следует подчеркнуть, что СФ формируется не только каким-то модулем, который является структурной основой, но и совершенно определенными синтаксически значимыми классами лексики.

Л и т е р а т у р а

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. т.2 (В). М., 1991.

Величко А.В. Синтаксическая фразеология. М., 1996.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000 (в печати).

Лебедева Л.В. Субстантивные эмоционально-оценочные предложения в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1966.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М., 1985 – 1988.

Прокуровская Н.А. Некоторые особенности употребления частицы *вот* в устной разговорной речи. // В кн. «Вопросы стилистики». Вып. 8. Саратов, 1974.

**Экспрессивность вопросительных предложений
в литературном произведении
(на материале романа Сэлинджера
«Над пропастью во ржи»)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Малюга, 2000

В последнее время внимание лингвистов все больше привлекается к выяснению самых основ данной науки, поскольку, несмотря на постоянное развитие языков, накоплено уже достаточно фактов, касающихся основных языков мирового сообщества. Эти факты начинают повторяться в различных работах, а это, мягко говоря, не всегда приводит к прогрессу в лингвистике, а, если говорить более прямо, то зачастую наблюдается путаница в терминологии, смешение различных аспектов одного и того же явления и т.д. Результатом является обращение некоторой части лингвистов к периферии лингвистики, обращение к весьма экзотичным языкам, когда основная масса исследователей вынуждена выключаться из процесса исследования или пользоваться непроверенными данными, что также не способствует прогрессу в нашей науке.

В этой связи особый интерес представляет изучение антитезы вопрос – утверждение, очевидное лишь на первый взгляд, но теряющее свою очевидность при ближайшем рассмотрении. Поэтому нет ничего удивительного в том, что к этой проблеме было привлечено внимание в самое последнее время в одном из наших академических изданий, а именно в *“Когнитивных аспектах языковой категоризации”*.

В статье Л. К. Рахманкуловой “Когнитивные установки в сфере “говорящий – адресат” подводятся своего рода итог различным дискуссиям, посвященным интересующей нас проблеме: все они “очень далеки от воплощения в виде свода правил и их интерпретаций” (стр.195).

Сказанное дает нам основание обратиться еще раз к рассмотрению исследования экспрессивных и эмоциональных форм вопроса (на материале романа Сэлинджера).

Понятие экспрессивности связано с понятием эмоциональности, при этом эмоциональность, по мнению М.В. Рыбаковой “служит для выражения чувств человека, его оценочного отношения к явлениям действительности, а экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения изобразительности, впечатляющей силы высказывания”.

Особый интерес в этом плане представляет исследование вопросительных предложений, когда экспрессивность обусловлена слиянием целого ряда факторов и просматривается на всех языковых уровнях.

На синтактико-стилистическом уровне одним из таких факторов является вкрапление в вопросительные предложения различного рода внесений, представленных разнообразными возгласами, восклицаниями и собственно междометиями. Они придают вопросительным предложениям всевозможные оттенки, например:

а) негодования:

- "Well, I sort of glanced through it a couple of times", I told him.
- "**You glanced through it, eh?**" he said – very sarcastic. (p.35).

Тон негодования подсказан в данном случае словесным контекстом.

б) замешательства, например:

- "You from Princeton College?"
- "Well, approximately".
- "**Oh... How is Eddie?**" she said. (p.82).

Междометие "**Oh**" с последующим многоточием свидетельствует о замешательстве персонажа, возникшем при возможности узнать новости о друге.

с) удивление, например:

- "Excuse me, but isn't that a Pencey Prep sticker?" She was looking up at my suitcases, up on the rack.
- "Yes, it is." I said. ...
- "**Oh, do you go to Pencey?**" She said. ... (p.73).

Междометие "Oh" в данном случае усиливает изумление Миссис Морроу, которая обнаруживает, что Холден учится в Пэнси.

Различные оттенки значений придают вопросительным предложениям многочисленные "слова-паразиты":

- "What's different about it? Nothin's different about it", Horwitz said. Everything he said, he sounded sore about something. "It's tougher for the fish, the winter **and all**, than it is for the ducks, for Chrissake. Use your head, for Chrissake".
- ... Then I said, "All right. What do they do, the fish, **and all**, when that whole little lake's a solid bloke of ice, people skating on it **and all?**"(p.98).

В приведенном примере паразитическим является выражение "**and all**", частое употребление которого подчеркивает небрежность речи Холдена.

Очень интересно, на наш взгляд, использование Сэлинджером междометия **“boy”**. Следует отметить, что в Америке получил широкое распространение переход некоторых знаменательных слов в междометия. Обратимся к материалу:

- “Holden!” Mrs. Spencer said. “How lovely to see you! Come in, dear! Are you frozen to death?”...
- **Boy, did I get in that house fast.** “How are you, Mrs. Spencer?” I said. “How is Mr. Spencer?” (p.31).
- “I don’t know when the hell he’s coming back”, Ackley said.
- **Boy, did that annoy me.** “What the hell do you mean you don’t know when he’s coming back? He never comes back till Sunday night, does he?” (p.45).

Междометие **“boy”** употреблено для эмоционального усиления вопросительного предложения, хотя последнее не имеет вопросительного знака графически. В обоих примерах междометие **“boy”** эмоционально окрашено и употребляется на стыке переплетения внутренней речи героя с диалогом.

Иногда вопросительную форму придает высказыванию употребление междометия **“hey”**, наличие которого, даже при отсутствии вопросительного знака, само по себе заключает вопрос. Такой способ передачи информации безусловно более лаконичен, и характерен для обиходной речи, где эмоции передаются не с помощью посторонних грамматически осложненных конструкций, а их междометными эквивалентами. Например:

- **“Ya got a watch on ya, hey?”**
- “No. No, I don’t”, I said. (p. 109).
- “Sally? That you?”
- “Yes – stop screaming. Are you drunk? ”
- “Yeah. Listen. Listen, hey. **I’ll come over Christmas Eve. Okay? Trimma goddam tree for ya. Okay?** Okay, hey, Sally”. (p.158).

Неотъемлемым элементом вопросительных предложений являются обращения, которые, как правило, выступают в контакто-устанавливающей функции и служат для привлечения внимания собеседника. В то же время они придают вопросительным предложениям определенную окраску, которая зависит от их лексического значения и реализуемой просодии. Эту функцию выполняют, например, такие вступления, как: **dear, kid, darling.**

- “Would you care for a cocktail?” I asked her. “I was feeling in the mood for one myself. “We can go in the club car. All right?”

- **”Dear, are you allowed to order drinks?”** She asked me. Not snotty, though. She was too charming and all to be snotty.(p.76).

Нарушение порядка слов, отсутствие вспомогательных глаголов, употребление слов, типичных для утвердительных предложений, в вопросительных предложениях также несут определенную эмоциональную нагрузку. Такие вопросительные предложения в речи Холдена свидетельствуют о небрежности или скорее о непринужденности манер, которые он позволяет себе в разговоре со своей подругой:

- “Let’s go ice-skating at Radio City!”
That’s the kind of ideas she always had.
- **“Ice-skating at Radio City? You mean right now?”**
- “Just for an hour or so. Don’t you want to? If you don’t want to –“(p.138).
- “I don’t know what you’re even talking about”, old Sally said. “You jump from one-“
- **“You know something?”** I said.

Известно, что речь героя любого произведения всегда социально обусловлена, поскольку социальное положение, образование, возраст, образование, профессия и другие факторы не могут не сказаться на его речевом портрете (Чижевская, 1986). Это прослеживается и в вопросительных предложениях, где эмоции героев, принадлежащих разным слоям, выражаются по-разному. Речь, перенасыщенная выражениями – паразитами **“well”, “ah”, “why”, “you know”, “and all”, “and stuff”** и пр., свидетельствует в одних случаях о невысокой культуре говорящего, в других о его душевном состоянии, в третьих – небрежной манере общения. В то же время можно говорить о своего рода диглоссии (Хомяков В.А., 1980), которая прослеживается, например, в речи Холдена в разных ситуациях общения. Так в беседе с Миссис Спенсер, женой своего учителя, он правильно строит свою речь, не допуская отклонений от нормы:

- “Holden! Mrs. Spencer said. How lovely to see you!”
- **“How are you, Mrs. Spencer?”** I said. “How’s Mr. Spencer?”
(p.31.).

В речи же с сестрой он допускает различные отклонения от литературной нормы:

- “I thought maybe you weren’t coming”, I said. “What the hell’s in that bag? I don’t need anything”.
- I’m just going the way I am. I’m not even talking the bags I got at the station.
- **“What the hellyya got in there?”**
- “My clothes”, she said. “I’m going with you. Can I? Okay?”(p.206).

Кроме лексических и синтактико-стилистических средств Сэлинджер использует такое экспрессивное средство как курсив. В произведении встречается множество вопросительных предложений, эмоциональным центром которых является слово или выражение, выделенное курсивом:

- "... She happens to be from Shanghai."
- "No kidding! She *Chinese*, for Chrissake?"
- "Obviously" (p.153).

Остановимся на примерах употребления в вопросительных предложениях наречия **really**:

- "You won't get your own horse or anything".
- "Did you mean it what you said? **You really aren't going away anywhere? Are you really going home afterwards?**" She asked me.
- "Yeah", I said. I meant it too. I wasn't lying to her. I really did go home afterwards..." (p.211).
- "How very kind of you", she said, and the other one, her friend, looked over at me." ...
- "**Oh, really?** Oh, I'm so glad!"... (p.122).

Как видно из приведенного материала, наречие может выражать отношение говорящего к высказыванию, оценку выражаемой мысли, ее достоверность.

Итак, как показывает выполненный анализ, вопросительные предложения художественного произведения обладают определенным экспрессивным потенциалом, реализация которого обусловлена такими факторами, как:

- a. употребление междометий, придающих вопросительным предложениям различные оттенки: негодование, замешательство, удивление;**
- b. использование многочисленных "слов-паразитов";**
- c. наличие диглоссии;**
- d. курсив;**
- e. обращения.**

Именно эти особенности экспрессивности, используемые Сэлинджером, делают его сложным для перевода, о чем, в частности, писал Мишель Байар: «Если мы попытаемся, например, избавиться от слов-паразитов, то, возможно, это будет 'хорошо звучать' по-французски, но это уже будет не Сэлинджер (a partir desquels on risque paradoxalement de "denaturer" (Salinger) par naturalisation)».

Л и т е р а т у р а

1. *Рахманкулова Л.К.* “Когнитивные установки в сфере “говорящий – адресат” // Когнитивные аспекты языковой категоризации”. Рязань, 2000, С. 195.
2. *Рыбакова М.В.* Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложения: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.
3. *Чижевская М.И.* Язык, речь и речевая характеристика. М., 1986.
4. *Хомяков В.А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. ... д-ра филол. наук. Л., 1980.
5. См. TARGET. International Journal of Translation Studies. 1996 (8:1). P.185.

Еще раз к вопросу о нисходящих тонах в нетерминальных синтагмах

© С. В. Будажапова, 2000

Лингвистике на современном этапе ее развития присуща переориентация исследований с изучения системы языка на анализ ее функционирования в речи.

Этой тенденцией можно объяснить растущий интерес к частным практическим вопросам интонации. Но, несмотря на обилие исследований, остается целый ряд нерешенных проблем, в частности, связанных с изучением мелодики или тональностей, которые, в силу своей полифункциональности, представляют особую трудность для исследователей.

С развитием интонологии растет число классификаций тонов, изучается фонологический статус сочетаний и отдельно взятых тонов, их функциональная специфика, происходит расширение и принципиальное изменение характера речевого материала, составляющего объект исследований. Описание тонов в изолированных фразах сменяется изучением тонов в различных видах звучащего текста (тон в контексте).

В этой связи значительный интерес представляет исследование проблемы функциональной специфики теоретического обоснования такого явления как употребление нисходящих тонов в нетерминальных синтагмах.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы отождествлять функции тона с функциями интонации в целом, куда входят такие компоненты, как пауза, громкость, диапазон, темп и тембр.

Уже давно показано в работах кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ, что зачастую тонам приписываются функции на самом деле им не свойственные. Интонация как сложное сверхсегментное явление соотносится с функциональной стороной высказывания самым различным образом, и можно сказать, что на данном этапе на первый план при передаче различных эмоционально – экспрессивно — оценочных значений выходит тембр или качество голоса.

Тем не менее, имеет смысл сделать обзор тех работ, где именно за счет тональных изменений исследователи пытаются объяснить самые разные функции.

Примечательно, что к настоящему времени термин «тон» истолковывается разными авторами по-разному.

В работах британских фонетистов термин «тон» не имеет единого определения. Одни пользуются термином «тон» для определения кон-

кретных тонов (падений, подъемов и т.д.), другие употребляют его применительно к интонации в целом, то есть отождествляют с интонацией законченных в смысловом отношении речевых единиц.

В нашей стране фонетисты не отождествляют тон с интонацией. В целом, понятие тона ассоциируется с отдельной ритмической единицей.

Вопрос о значениях тонов тесно связан с вопросом о функциях интонации в целом и тона, в частности. Подсистема тона прежде всего соотносится с дистинктивной (различительной) функцией интонации. Эта функция, в свою очередь, играет ведущую роль при установлении статуса тона, определяя его функциональную значимость. Различительная функция тона признается всеми фонетистами (11, с. 112; 3, с.35; 5, с.76). При этом выражается единодушное мнение, что тоны способны различать коммуникативные типы высказываний.

Однако коммуникативная функция тона не ограничивается оформлением и противопоставлением типов высказываний. Она также включает в себя выделение элементов внутри синтагмы, определение отношений между высказываниями в связных текстах (7, с.43), соединение смысловых отрезков текста (3, с.24), выражение степени связи между единицами членения текста (5, с.65). В обобщенном виде перечисленные аспекты коммуникативной функции тона можно свести к выделению элементов внутри синтагмы и к осуществлению связи или, наоборот, разделению синтагм и высказываний.

Среди фонетистов не существует единого мнения относительно номенклатуры нисходящих тонов в английском языке.

Британские фонетисты Л. Армстронг, А. Уорд, Д. Джоунз выделяют один нисходящий тон (13, с.49; 27, с.60). В работах П. Маккарти, Р. Кингдона, М. Халлидея выделяется ряд вариантов нисходящего тона (21, с.81; 25, с.98).

Наряду с дихотомией по высотному признаку (высокое – низкое падение) лингвисты различают трихотомию. Так, М. Халлидей выделяет широкий (с высокого до низкого тонального уровня), нейтральный (со среднего до низкого уровня) и узкий (в диапазоне низких частот) высотные варианты нисходящего тона (25, с.32).

Другой точки зрения придерживаются Г. Суит, В. Ясsem; М. Шубигер, О'Коннор и Арнольд. Они рассматривают высокое и низкое падения как самостоятельные тоны, отличающиеся не только структурно (диапазоном), но и функционально (19, с.132; 26, с.43; 18, с.64; 22, с.98).

При этом отмечается, что низкое падение начинается со среднего или низкого уровня диапазона голоса говорящего и доходит до самого низкого тонального уровня (18, с.43; 22, с.24).

Наиболее полное, на наш взгляд, описание функциональных особенностей нисходящих тонов содержится в работе О'Коннора и Арнольда (22, с.58). Низкое падение, по мнению авторов, может выражать комплекс сознаний, включающий официальность, холодность, равнодушие, суровость, враждебность, нейтральность, серьезность, твердость. Для высокого падения свойственно выражение теплоты, дружелюбия, заинтересованности, удивления, раздражения, нетерпения (22, с.56).

Наряду с высоким и низким нисходящим тоном, ряд лингвистов отмечают наличие в английском языке среднего падения. Упоминание о нем находим в работах Д. Кристала ("medium fall") – «среднее падение» (16, с.32), М. Халлидея ("neutral fall" – «нейтральное падение») (25, с.64), Ч. Пека ("mid tone" – «средний тон») (23, с.87).

Российские фонетисты также признают существование среднего падения. Среди них, Г.Н. Аксенова («среднее завершение») (1, с.132), А.М. Антипова («среднее падение») (3, с.59) и др.

Многие фонетисты единодушны в одном: полный нисходящий тон, доходящий до нижней границы диапазона голоса говорящего выражает законченность, определенность (3, с.45; 4, с.74; 18, с.42; 15, с. 87; 25, с.31; 14, с.96).

Это мнение естественно и закономерно, так как не противоречит положению об интегрирующей роли интонации. Если предположить, что в нетерминальных синтагмах употребляется тот же самый нисходящий тон, доходящий до нижней границы диапазона голоса говорящего, то это как бы разрушает объединение последовательности синтагм в одно сложное фонетическое целое – предложение, превращает его в механическое сцепление отдельных речевых блоков, объединяемых лишь на основе смысла.

Таким образом, долгое время основная просодическая модель, предлагаемая авторами учебных пособий в качестве основной, предполагает употребление в нетерминальных синтагмах восходящего тона и, соответственно, нисходящего тона в терминальных. Такое положение объясняется основной синтаксической функцией интонации: выражением завершенности или незавершенности высказывания, а также интегрирующей функцией интонации, которая заключается в объединении синтагм в предложение.

В то же время в современной фонетической литературе неоднократно отмечалась возможность употребления в нетерминальных синтагмах нисходящих контуров. Так, например, А.М. Антипова и Е.И. Торсуева отмечают в своей работе «Интонация сложно — подчиненных предложений в современном английском языке», что нисходящий тон, «конец которого не доходит до нижнего предела голоса говорящего», «выражает незаконченность» (2, с.6). В статье Т.И. Шевченко «К вопро-

су о просодической организации сверхфразового единства» говорится, что тоны на границах частей предложения могут быть нисходящими и однотипными по направлению тона. «Действительное различие, — пишет автор далее, — возникает при оценке их диапазоновых характеристик. Тоны отличаются друг от друга как высотным уровнем начала падения, так и диапазоном (размахом) этого падения. Едва ли не самым важным является нижний уровень падения тона. Самым низким уровнем завершения отмечен последний нисходящий тон в финальной выдыхательной группе предложения, указывающий на наибольшую степень завершенности мысли». (12, с.23). В работе Н.А. Кузнецовой «Структура и функции нисходящих тонов и их вариантов в современном английском языке» проводится анализ функционирования нисходящих тонов в терминальной позиции нефинальных синтагм, в результате которого, автор выявил две основные закономерности: 1) существование зависимости между употреблением высотных разновидностей нисходящего тона и длиной синтагм: в коротких синтагмах преобладали высокие разновидности нисходящего тона, в длинных — средние и низкие реализации нисходящего тона; 2) употребление нисходящего тона в ряде случаев как функциональных аналогов восходящего и ровного тонов; такое функциональное сходство обусловлено способностью нисходящих тонов осуществлять связь с последующим контекстом и выражать незавершенность мысли в данной позиции. (9, с.95)

В интонологии также отмечалась зависимость тона от лексико-синтаксических средств. Эта точка зрения отражена в статье Е.Н. Зиновьевой «Интонационная категория тона и ее реализация в спонтанной монологической речи»: «Признаком слабой зависимости частей сложного предложения друг от друга являются завершающая или близкая к ней мелодика, а признаком более тесной связи — мелодика незавершенности в конце первого компонента» (6, с.154)

Таким образом, по мнению С.Б. Караваевой «Связь между тональной организацией и синтаксической несомненно существует. Она проявляется в просодической реализации значений связанности / автономности, коррелирующих весьма тесно, хотя и неоднозначно, с синтаксической завершенностью / незавершенностью». (8, с.98)

Многие фонетисты связывают возможность употребления нисходящих тонов в нефинальных синтагмах с такой разновидностью нисходящего тона, как «неполное падение». Так, например, Д. Кристал отмечает, что существует падение с высокого до среднего уровня, иными словами, падение, которое уже по диапазону, чем законченные высокие нисходящие тоны. В качестве основных причин появления данного вида падения называются следующие: 1) намеренная незавершенность вы-

сказывания; 2) структура слога; 3) недостаток интонационного пространства (16, с.63).

Ряд зарубежных лингвистов, говоря о тональном оформлении нефинальных синтагм, отмечают возможность употребления в этой позиции нисходящих тонов (17, с.74; 27, с.93). М. Шубигер отмечает, что в этой позиции нисходящие тоны лишены каких-либо специальных коннотаций (18, с.82).

В работе Н.А. Кузнецовой «Структура и функции нисходящих тонов и их вариантов в современном английском языке » отмечается, что «среди других важных функций неполного падения отмечаются соединительная, или связующая, функция и функция выражения незавершенности, не свойственные, как известно, полному падению. Эти функции обусловили употребление неполного падения в конце нефинальных синтагм»(9, с.152).

Таким образом, в работах фонетистов настоятельно проводится мысль о том, что контуры нетерминальных синтагм по каким – либо своим параметрам отличаются от нисходящих контуров терминальных синтагм.

Однако, существует объективное доказательство того, что никакой существенной разницы между завершающими нисходящими тонами терминальных и нетерминальных синтагм нет.

Так, в статье И.М. Магидовой и М.В. Давыдова «К вопросу о нисходящих контурах в нетерминальных синтагмах английской речи» (10, с.65) приводятся результаты аудиторского и осциллографического анализа нетерминальных синтагм лекционного регистра речи, результаты которого показали, что у всех нисходящих контуров последний тон, как правило, доходит до нижней границы нормального диапазона голоса говорящего, и, таким образом, по этому признаку нисходящие контуры нетерминальных синтагм оказывается невозможным отграничить от аналогичных контуров терминальных синтагм. Более того, существенной разницы между завершающими нисходящими тонами терминальных и нетерминальных синтагм не удалось обнаружить и по таким признакам, как диапазон, интервал, громкость и продолжительность звучания.

Также были отмечены некоторые закономерности чередования двух основных типов интонационного оформления нетерминальных синтагм: восходящими и нисходящими контурами. Было замечено, что переход от одного типа интонационного оформления к другому совпадает в отдельных случаях :

- 1) с делением на абзацы (т.е. нетерминальные синтагмы в одном абзаце оформлены преимущественно восходящими контурами, или же наоборот.)

- 2) с делением содержания на главное и второстепенное;
- 3) с выделением чужих мыслей на фоне авторской речи;

Однако авторы подчеркивают, что дать какие-либо твердые правила для смены одного типа интонационного оформления другим оказывается невозможным.

К этому можно добавить, что исходя из общего направления тона, восходящий или нисходящий тон не может не быть связанным с эмотивным планом предложения: восходящий тон выражает нерешительность, неопределенность, а нисходящий тон, напротив, категоричность, определенность, настойчивость и т.п.

Поэтому, если речь идет не о таких продолжительных последовательностях тонов, как восходящий или нисходящий, а о более частом их чередовании, то эмотивный план выступает на первое место.

В какой степени такого рода гипотеза действительно может претвориться в своего рода правило, можно проверить только экспериментальным путем. Параллельно возможно выявятся и другие закономерности употребления тех видов тонов, о которых мы говорили в нашем обзоре.

Литература:

1. *Аксенова Г.Н.* Интонационная структура сложных бессоюзных предложений в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1971.
2. *Антипова А.М., Торсуева Е.И.* К вопросу об интонационной структуре сложноподчиненного предложения и ее взаимодействии с лексико-грамматической структурой // Вопросы романо-германской филологии: Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1972. – Вып. 66.
3. *Антипова А.М.* Ритмико-мелодическая организация английской речи: Учебное пособие. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978.
4. *Васильев В.А., Катанская А.Р. и др.* Фонетика английского языка / Нормативный курс. – Изд. 2-е, перераб. = English Phonetics. М.: Высшая школа, 1980.
5. *Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979.
6. *Зиновьева Е.Н.* Интонационная категория тона и ее реализация в спонтанной монологической речи: (Эксперим.-фонет. исслед. на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995.
7. *Златоустова Л.В.* Общая и прикладная фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1986.
8. *Караваева С.Б.* Константность / вариативность просодического контура в зависимости от синтаксической структуры высказывания: (Эксперим.-фонет. исслед. На материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 1992.
9. *Кузнецова Н.А.* Структура и функции нисходящих тонов и их вариантов в современном английском языке: (эксперим.-фонет. исслед.): Дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1987.
10. *Магидова И.М., Давыдов М.В.* К вопросу о нисходящих контурах в нетерминальных синтагмах английской речи // Сб. ЛУР филол. ф-та МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
11. *Торсуев Г.П.* Фонетика английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1960.
12. *Шевченко Т.И.* К вопросу о просодической организации сверхфразового единства // Сб. ЛУР филол. ф-та МГУ. –М.: Изд-во МГУ, 1972.
13. *Armstrong L.E., Ward I.C.* Handbook of English Intonation –Cambridge: W. Heffer and Sons Ltd., 1949.

14. *Bolinger D.L.* Intonation and Its Parts: Melody in Spoken English. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1986.
15. *Cruttenden A.* On the So-called Grammatical Function of Intonation // *Phonetica*, 1970. – Vol. 21. – N 3.
16. *Crystal D.* Prosodic Systems and Intonation in English. – Cambridge: Univ. of Reading Press, 1969.
17. *Delattre P., Poenack E., Olsen C.* Some Characteristics of German Intonation for the Expression of Continuation and Finality // *Phonetica*, 1956. –Vol. 13. –N3.
18. *Schubiger M.* English Intonation, Its Form and Function. – Tübing en Niemeyer, 1958.
19. *Sweet H.* A Primer of Phonetics. – Oxford: Clarendon Press, 1929.
20. *Wells J.C.* Accents of English. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
21. *MacCarthy P.A.D.* English Conversation Reader. – L.: Longmans, 1956.
22. *O'Connor J.D., Arnold G.F.* Intonation of Colloquial English. –L.: Longmans, 1973.
23. *Peck Ch. W.* An Acoustic Investigation of the Intonation of American English. – Ann Arbor: the University of Michigan, 1969.
24. *Fry D.B.* Prosodic Phenomena: Manual of Phonetics. – Amsterdam: North Holland Publ. Co. Inc., 1968.
25. *Halliday M.A.K.* The Tones of English // *Archivum Linguisticum*, 1963.
26. *Yassem W.* Intonation of Conversational English. – Wrocław: Prace Wrocławskiego t-wa naukowego, 1952.
27. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. – Cambridge: W. Heffner and Sons Ltd., 1960.
28. *Kingdon R.* The Groundwork of English Intonation. – L.: Longmans, Green and Co., 1958.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Язык современной англоязычной рекламы: программа спецкурса

© кандидат филологических наук *О. А. Ксензенко*, 2000

Предмет и методологические основы курса

Создание рекламного текста является завершающим этапом длительного и кропотливого процесса: составлению рекламного текста предшествуют подготовительные работы по изучению рыночных условий и стратегий, правовых основ рекламного дела, культурных, социальных и экономических факторов. Создание рекламы — это творческий процесс, основанный на профессионализме, на определенной совокупности знаний и навыков, поэтому и составление лингвистически грамотного и выразительного рекламного текста требует знания определенных правил и закономерностей. Работа по составлению рекламного текста предполагает наличие не только определенного дарования или желания, но и соответствующей профессиональной квалификации. Очевидно, что для создания рекламного текста необходимо обладать совершенно определенными навыками: это искусство, которому нужно учиться.

Задача данного спецкурса состоит в том, чтобы научить студентов, как при помощи особого использования лингвистических средств построить рекламный текст с целью достижения наибольшего эффекта при оказании воздействия и при сообщении аудитории определенной информации.

В основу курса положен когнитивный подход к изучению языка. Поэтому значительное внимание уделяется не только формальному описанию тех или иных лингвистических приемов, используемых в рекламе, но и исследованию того, как использование данных приемов отражается на восприятии текста. Кроме того, немаловажная роль отводится созданию целостной картины становления и функционирования рекламы и изучению различных аспектов ее существования.

Структура курса

Курс состоит из трех частей. Часть I посвящена знакомству студентов с предметом и методикой курса, обсуждению рекламной стратегии и основ социально-правового регулирования рекламной деятельности, а также освещению наиболее значительных публикаций в области исследования рекламы. В части II рассматриваются лингвистические аспекты рекламы. Часть III посвящена социолингвистическим и социально-психологическим аспектам рекламы, переводу рекламных текстов, исследованию форм существования рекламы в англоязычном мире а также рассмотрению рекламных текстов с прагмалингвистической точки зрения.

Часть I. Введение. Предмет и метод курса. История вопроса. Рекламная стратегия

Что такое реклама. Возникновение понятия. Многообразие определений. Определение понятия “реклама”. Актуальность изучения рекламы. Многоаспектность изучаемого вопроса (экономический, психологический, юридический, лингвистический аспекты). Цели и задачи рекламы. Формула AIDA (внимание, интерес, желание, действие). Основные задачи, стоящие перед создателями рекламных текстов. Характер и способы работы специалистов по рекламе. Необходимость сочетания творческого подхода и теоретических знаний в рекламном деле.

Средства рекламирования и их применение. Классификация средств рекламирования: различные критерии классификации (по техническому признаку, по способу воздействия, по характеру воздействия, по месту применения). Отличительные особенности основных средств рекламирования: печатная реклама (periodical media, or print), теле- и радиореклама (broadcast media), табло и вывески (mass or sign media, or location), почтовая реклама, демонстрация товаров и т.д. (direct media). Оригинальные средства рекламирования (историческое обозрение). Планирование рекламной кампании и выбор наиболее приемлемого средства рекламирования. Понятия qualitative selectivity, geographical selectivity, reach strategy, frequency strategy.

Реклама — составляющее понятия СМИ (средства массовой информации). История возникновения и развития СМИ (краткий обзор). История возникновения рекламы: архаичные формы рекламы, реклама в государствах древнего мира. Развитие рекламы: реклама в средние века, изобретение книгопечатания, появление печатной рекламы в Европе (Теофраст Реносто, 1630 г.), реклама в XVII-XVIII вв. (the newspaper boom). Современная англоязычная реклама (статистические данные,

основные направления и тенденции развития). История рекламного дела в России.

Юридическая сторона вопроса: социально-правовое регулирование рекламной деятельности. Международный кодекс рекламной практики (the Code of Advertising Practice). Основные формы правового регулирования рекламной деятельности в Великобритании (the British Code of Advertising Practice, Proprietary Association of Great Britain, Association of Mail Order Publishers) и США (основные уровни и механизмы регулирования: федеральное законодательство (regulation by the Federal Government), регулирование на уровне штатов (regulation by State Government), управление на местах (regulation by Local Government, self-regulation by advertisers). Правовое регулирование рекламной практики в России: Федеральный закон о рекламе.

История изучения рекламы. Обзор литературы вопроса.

Часть II Лингвистические аспекты рекламы

Функциональные особенности рекламного текста. Понятия “функции языка/функции речи”, “функциональные стили”. Теории К. Бюлера, Р. Якобсона, В.В. Виноградова. Рекламный текст как сообщение и воздействие. Реклама как форма общения (verbal/non-verbal, public, one-way communication). Стилистическая инвариантность рекламных текстов. Типы рекламных текстов и их основные характеристики (non-commercial/commercial advertising: good-will, trade (industrial), consumer).

Понятие “деловой английский язык”. Функциональные особенности делового английского языка. Деловой английский язык как средство коммуникации. Основные регистры, входящие в состав делового английского (the English of socializing; the English of business correspondence; the English of contracts and business documents; the English of meetings, negotiations, presentations, etc.; Business English represented in quality press).

Структура рекламного текста. Основной текст (изложение фактов, повествование, описание, диалог/монолог). Заголовок: основные функции и виды заголовков (заголовки, описывающие свойства товара, информативные, провоцирующие, вопросительные, содержащие команду). Подзаголовки, девизы, логотипы, автографы. Цитирование в рекламных текстах. Иллюстрации: понятие невербального контекста.

Устные и письменные рекламные тексты: сравнительный анализ. Основные формы речи (внутренняя/внешняя: устная и письменная). Особенности просодического и пунктуационного оформления рекламных текстов. Понятие просодии. Просодические параметры. Особенности просодической организации рекламных текстов. Взаимосвязь просодии и пунктуации. Пунктуационное оформление рекламных текстов.

Экспрессивный синтаксис рекламных текстов. Понятие экспрессивного синтаксиса. Парцелляция рекламных текстов. Неполные предложения. Номинативные предложения. Повтор: разновидности повтора (простой повтор, подхват, обрамление, синтаксическая тавтология, полисиндетон). Синтаксический параллелизм. Парентезы в рекламных текстах. Роль парентетических внесений. Категории парентез: отсылки, экзemplификации, делиберативности, уточнения. Обзор работ, посвященных изучению семиотики неплавной речи. Модальный характер парентез. Критерии разграничения вводных и вставных элементов. Средства выделения парентез в письменном тексте (сдвоенные тире, запятые, скобки). Виды парентетических внесений, встречающихся в рекламных текстах, закономерности их использования и оформления.

Часть III Рекламные тексты в когнитивном и прагмалингвистическом освещении

Рекламный текст как отражение языковой картины мира. Роль рекламы в формировании общественного мнения. Влияние общества на рекламу. Социолингвистические и социально-психологические аспекты рекламы. Изучение связи рекламы с экологией, культурологией, историей, политикой.

К вопросу о переводе рекламных текстов. Актуальность вопроса. Основные проблемы, возникающие при переводе рекламных текстов. Предварительный анализ текста. Лингвистический (I) и социолингвистический (II) уровни анализа. I: Анализ стилистических приемов, используемых авторами рекламных текстов (метафор, каламбуров, аллитерации, синтаксического параллелизма, рифмы). Теоретические понятия фонематики и звукового символизма. II: Перевод социолингвистически обусловленных слов и высказываний, экстралингвистических реалий, имен собственных, географических названий, цитат и шуток. Пределы допустимого варьирования при переводе рекламных текстов. Особенности перевода данного типа текстов. Основное условие успешного перевода рекламы — поиск соответствующих эквивалентов в языке цели (target language) с целью передачи не только информации, содержащейся в тексте, но и его эмоционального заряда.

Реклама в англоязычном мире. Два основных варианта английского языка. Различия британских и американских рекламных текстов. Реклама в Австралии, Новой Зеландии и ЮАР. “Интернациональный” характер рекламных текстов.

Рекламный текст как предмет прагмалингвистического исследования. Использование рекламных текстов в учебном процессе.